МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
Иркутский государственный университет имени А.А.Жданова

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Выпуск I

Иркутск
1974

Печатается по решению Редакционно-
издательского совета Иркутского
государственного университета
имени А.А.Жданова

Ответственный редактор М.П.Аксенов
Ответственные за выпуск В.В.Свинин, И.Л.Лежненко

П Р Е Д И С Л О В И Е

Предлагаемый сборник является первым тематическим выпуском в серии "Древняя история народов юга Восточной Сибири", издание которой начато коллективом Лаборатории археологии Иркутского государственного университета имени А.А. Жданова. Сборник можно считать своего рода юбилейным. В 1973 году исполнилось 16 лет с того дня, когда в составе Братской геолого-палеонтологической экспедиции Института геологии ВСФ АН СССР начал функционировать Мальтинский палеолитический отряд под руководством профессора М.М. Герасимова, укомплектованный полностью студентами историко-филологического факультета ИГУ. Эта группа воспитанников М.М. Герасимова составила основу будущего, или, вернее, настоящего коллектива лаборатории. А 10 лет назад по инициативе профессора С.В. Шостаковича при кафедре Всеобщей истории Иркутского университета была создана на общественных началах сама Лаборатория археологии.

10 лет - срок небольшой и для формирования коллектива научных работников, и для развертывания тематических исследований. Тем не менее, определенные положительные результаты имеются, и одним из них является сам сборник, в статьях которого нашли свое выражение и складывающиеся направления в исследованиях, их проблематика, и уровень подготовки научных кадров.

Сборник открывается статьей коллектива авторов-археологов Москвы и Ленинграда - М.Д. Гвоздовер, Г.П. Григорьева, Д.В. Деопик и Н.Б. Леоновой "Морфологическое описание пластинок с при-

тупленным краем и статистический анализ их совокупности на этой основе". На первый взгляд статья не имеет прямой тематической связи с проблемами археологии юга Восточной Сибири. В действительности же она органически объединена с ними потребностями создания единых методов и приемов обработки, систематики и анализа археологического материала. Фактологическую основу статьи составили материалы палеолитических стоянок Восточно-Европейской равнины. Авторы предлагают систематическую схему количественного анализа "пластинок с притупленной спинкой". Несмотря на то, что не со всеми положениями в данной статье можно согласиться (например, с номенклатурным реестром признаков) и некоторые из них вызовут критические замечания, предлагаемая разработка имеет несомненную ценность для практического использования археологами, изучающими каменный век, безотносительно к их региональной тематике.

Вторая статья - Г.И. Медведева , Г.Н. Михнюк и И.Л. Лежненко "О номенклатурных обозначениях и основных формах нуклеусов палеолита и мезолита Приангарья" - представляет собой постановку вопроса о создании систематической схемы номенклатурных обозначений для форм индустрий Северной Азии. В данной статье рассматривается лишь одна группа - нуклеусы - чрезвычайно разнообразная и важная в плане типологического анализа, но наименее изученная. Авторы предлагают список терминов для обозначения деталей нуклеуса, сопровождая их унифицированной графической схемой.

Статья М.П. Аксенова "Многослойный археологический памятник Макарово II", открывающий цикл статей по археологии р.Лены, представляет собой итоговую публикацию по результатам исследования Макарово II в 1968-1971 гг. Автор считает этот памятник эталонным для донеолитической эпохи долины верхнего течения реки Лены. По мнению М.П. Аксенова, комплекс культурных напластований Макарово II отражает в нижнем своем отделе финальный этап развития позднепалеолитической макаровской культуры, и в верхах культурной толщи - этап развитого мезолита северной ветви верхоленской мезолитической культуры.

В статье дается подробная сводка археологического материала, приводятся данные радиокарбонового анализа на абсолютный возраст и корреляция культурных комплексов Макарово II с

известными культурами Восточной Сибири.

Статья В.А. Лынши "Материальная культура памятника Макарово III" является предварительным сообщением, вводящим в оборот археологический материал нового и наиболее древнего в макаровском комплексе памятника Макарово III. В сообщении дается технологическая характеристика изделий из камня и на этой основе проводится попытка предварительной типологической классификации.

Совместная статья М.П. Аксенова и П.Е. Шмыгуна "Кистенево - новый мезолитический памятник Верхней Лены" представляет первую публикацию материалов однослойного мезолитического памятника, открытого в 1971 и раскапывавшегося в 1972 году. Статья вводит в оборот новые данные по северной ветви верхоленской мезолитической культуры.

В совместной статье В.М. Ветрова и В.С. Зубкова, замыкающей "ленский цикл", приводятся данные исследования верхних слоев многослойного памятника Макарово I. В статье дается подробный анализ каменного инвентаря и керамики, характеризующих облик местной позднеолитической - энеолитической культуры.

В статье Н.А. Савельева, О.И. Горюновой и А.Г. Генералова "Раскопки многослойного поселения Горелый лес" публикуются материалы первого в Приангарье многослойного поселения, в котором культурные слои эпох неолита и палеометалла залегают в четких геологических условиях пойменных отложений I террасы р.Белой. Культурная толща памятника хорошо стратифицирована благодаря мощным стерильным прослойкам, что обеспечивает публикацию "чистых" комплексов, неизвестных ранее на юге Восточной Сибири.

В сообщении О.И. Горюновой о находке оригинального рельефного изображения на керамике приводится описание фрагмента венчика глиняного сосуда из слоя неолитического времени на стоянке Горелый лес. Подобная находка в Приангарье - первая.

В кратком сообщении В.С. Векслера и Б.Д. Путанса, сотрудников Рижской лаборатории радиокарбонового анализа ВНИИМОРГЕО, приводятся интересные сведения по абсолютному возрасту древнейшего в Восточной Сибири керамического комплекса стоянки Горелый лес.

Археологическим рекогносцировочным работам на Средней и Нижней Ангаре в 1969-1971 гг. посвящена публикация Н.И. Дроз-

дова и Д.И. Дементьева, в которой сообщаются, в частности, интересные факты о находках позднего палеолита и таежной бронзы в Северном Приангарье.

Большой интерес представляют материалы Кодинского погребения с фигурками людей из бивня мамонта, обнаруженного в 1969 г. на Средней Ангаре, которому посвящена специальная публикация Н.И. Дроздова "Погребение женщины с антропоморфными статуэтками на Средней Ангаре".

М.І. Туров в статье "Некоторые новые сведения об эвенках Чунского района" сообщает новые данные об эвенках Чунской тайги, обследованных автором в течение полевых сезонов 1970-1972 гг. В этом сообщении особый интерес представляют материалы об эвенкийских лабазах (ноку) - хранилищах изображений родовых духов.

В сборник введен отдел рефератов по иностранной литературе. Три реферата по археологии Японии и средним широтам США, выполненные И.Л. Лежненко, Н.Г. Воронцовой и Г.И. Медведевым, содержат интересные сведения по археологии и типологическому анализу индустрий указанных территорий, необходимые для ознакомления не только археологам Северной Азии, но и специалистам других областей Союза.

Мы благодарим авторов, представивших в сборник свои статьи, и совместно с ними выражаем чувство глубокой признательности и благодарности всем многочисленным сотрудникам Комплексной археологической экспедиции Иркутского университета и студентам-практикантам исторического факультета, принявшим участие в исследованиях памятников древности Восточной Сибири.

Г.И.Медведев, В.В.Свинин
Иркутск, ноябрь 1972 г.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ КГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
вып. I 1974

М.Д.Гвоздовер, Г.П.Григорьев,
Д.В.Деопик, Н.Б.Леонова

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПЛАСТИНОК С ПРИТУПЛЕННЫМ КРАЕМ И СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИХ СОВОКУПНОСТИ НА ЭТОЙ ОСНОВЕ

Первостепенная потребность в строгих классификациях породила в последние годы ряд систем описания орудий, которые в первом приближении могут быть разделены на две большие группы: открытые и закрытые. Открытыми системами могут считаться такие, в которых количество типообразующих признаков не ограничено, и поэтому в систему без труда можно включить новые типы, не учтённые по тем или иным причинам вначале. Закрытыми считаются такие системы, где все типы перечислены и предполагается, что исчерпано все их разнообразие. К этим последним относятся системы Ф.Борда для мустьерского периода и Д.Сонневиль-Борд – Ж.Перро для эпохи верхнего палеолита (Bordes, 1950; Sonneville-Bordes, Perrot, 1953). К их недостаткам относится, главным образом, неспособность к расширению при увеличении времени или пространства для анализируемых памятников. При таком увеличении закрытые системы утрачивают первоначальную структуру, поскольку их расширение возможно только с одного из концов, а прочие части системы не могут быть дополнены без ее разрушения.

Несмотря на свои недостатки, обе системы были необходимым этапом в развитии типологии, поскольку они, продолжая традиционные описания (несистемные), вместе с тем были шагом вперед; это выражалось в ограниченности списка и в определенной последовательности размещения форм в списке (выделение форм, встречающихся чаще, помещение рядом сходных форм, т.е. элементов структуры).

Открытые системы появились позже, они более пространны и включают в себя не типы, а признаки типов, расположенные в той или иной степени иерархически. Примерами таких открытых систем могут быть системы К. Лапласа (Laplace G, 1964), Я. Козловского (Kozlowski J, 1965), Мовиуса и его сотрудников (Movius H. et al , 1968). Основным преимуществом открытых систем является возможность сравнивать между собой любые, самые разные наборы орудий, описанные согласно этим системам, по количественной основе, устанавливать степень их близости между собой. При этом имеется возможность параллельно вести сравнения и на основе отдельных признаков, и на основе типов. Выделение типов при этом может быть поставлено на твердую и контролируемую основу учета частоты совпадения отдельных признаков. К сожалению, в большинстве случаев подобные системы описания не были проверены экспериментальным путем, при помощи описания разных наборов орудий.

Одно из основных качеств традиционной типологии - стремление определить любой тип через один или немного признаков, которые признаются более существенными, чем прочие - отразилось и на первых попытках построения систем описания. Так у Л.Вертеша (Vertes L., 1964) мы находим попытку описать всю совокупность орудий одной эпохи, состоящую из многих классов и типов при помощи десятка случайно выбранных признаков. Другие авторы отступали перед сложностью соотнести тип и признак в общей системе понятий. Не менее сложной оказалась задача свести многообразие признаков к какому-то одному показателю, индексу, чтобы по этому показателю оценить степень сходства двух наборов орудий. Наконец, наблюдались попытки перепрыгнуть сам этап описания и перейти на уровень интерпретации, при решении типологических задач.

В последние годы разрабатывались и контролируемые экс-

периментом открытые системы, например, система Дж.Сэкетта (Sackett, 1966). Они сравнительно просты, а "открытость" позволяет вводить редкие (в пределах описания первых серий вещей) или вообще не встречавшиеся элементы, если они в последующих комплексах появятся и сами станут типичными. Системы эти менее громоздки, из них исключены тем или иным способом оказавшиеся при эксперименте маловероятные случаи, резко отличные единичные предметы и т.д. Иными словами, описание в них дается не "вообще", в безнадежной попытке формальными методами оказать "все" о предмете, а применительно к конкретным целям исследования: а) для отличения предметов одних типов или вариантов (лучше сказать, одних устойчивых форм) от других и б) для отличения устойчивых форм из одних комплексов от наиболее близких к ним устойчивых форм других комплексов. Само понятие близости при строгом структурном описании форм всегда тоже точно выражено через список совпадающих и несовпадающих признаков. Спор о близости сводится в таком случае к вопросу о существенности тех или иных признаков.

Подобные открытые контролируемые системы, получающие оценку и улучшаемые в ходе их применения при статистическом анализе (анализе типов, как статистически устойчивых пучков признаков и анализе комплексов, как статистически устойчивых сочетаний типов и их вариантов), представляются лучшими из имеющихся. Им присущи и недостатки - некоторые статистически незначимые для данного комплекса значения признаков или типы могут оказаться перспективными или типичными для соседей. Но, во-первых, это компенсируется меньшей громоздкостью системы, и, во-вторых, все незначимое хотя и отбрасывается в выводе, но предварительно строго описывается и "обсчитывается".

Необходимо отметить также, что открытые системы, описывающие специфичные формы (типы, как устойчивые сочетания структурно расположенных значений различных качественных и количественных признаков), позволяют не только характеризовать все подходящие под дефиницию предметы первоначально исследованных комплексов, но и (расширяя список значений признаков и самих признаков на низших уровнях классификации) выделять новые разновидности предметов, если они удовлетворяют общей дефиниции, основанной на признаках высших уровней (пример:

предложенные далее системы описаний пластинок с притупленным краем). Эта же особенность открытых систем позволяет использовать одну из них, созданную для описания группы изделий, при построении другой, аналогичной, для описания родственных групп изделий путем модификации дефиниций и использования элементов исходной открытой системы (не всех, и, если это необходимо, с дополнением). В таких случаях список одинаковых элементов будет оценивать близость описываемых групп.

Опыт создания и применения такой системы, являющийся частью работ, проводимых авторами в этом направлении с 1962 г., предлагается в данной статье.

Работа выполнена в приемах типологического метода, частным случаем которого и являются открытые, статистически контролируемые системы. Не обсуждая сравнительной ценности типологического и так называемого функционального метода, мы считаем возможным проведение работ обоими методами параллельно, сопоставляя результаты лишь "на выходе", т.е. в виде списка форм (типов), характеризующих культуру или памятник и соответствующего списка следов употребления, отражающих различные функции.

Основные понятия типологического метода – тип (с некоторыми уточнениями методического порядка) и археологическая культура – являются исходными. Не вдаваясь в интерпретацию этих понятий (в рамках данной статьи), мы рассматриваем их как некие адекватные обобщения, помогающие исследованию, по окончании которого появляется возможность исторических интерпретаций.

Тип характеризуется как статистически устойчивое сочетание признаков и их значений (класс формальных вариаций). Понятию "признак с его значениями", как очевидному и исходному, определение не дается. Оговорим в связи с этим, что при первоначальном создании иерархической структуры признаков место каждого из них в структуре не связано с его предполагаемой (или известной из предшествующей практики) таксономической ценностью, а определяется удобством построения структуры.

Материалом, выбранным для описания при помощи открытой системы, были массовые изделия (пластинки с притупленным краем) двух археологических культур: каменно-балковской [КБ II (второй слой), КБ I и Третий мыс] и костенковской (Авдеево).

Проанализировано 660 пластинок с указанных стоянок (весь наличный материал, удовлетворяющий дефиниции: "пластинка с притупленным краем", кроме незаконченных орудий и мелких обломков). Остальные типы орудий из этих памятников пока подобному анализу не подвергались.

Признаки и их значения, применительно к одному из простых и массовых изделий - пластинкам с притупленным краем - группируются в несколько иерархических систем соответственно частям пластинок. Место признака в системе определяется тем, что на верхних уровнях, естественно, оказываются признаки, описывающие более общие особенности (такие, как наличие ретуши и др.). Поскольку детализирующие признаки (виды ретуши, места ее нанесения) логически идут вслед за признаком "есть ретушь - нет ретуши", более общие признаки оказываются на том или ином верхнем уровне.

В результате, как правило, более частные признаки оказываются в нижней части древа признаков.

При рассмотрении таблиц, изображающих иерархические системы (древо) признаков, (табл. I и 2) необходимо помнить, что уровни (строки) таблиц соответствуют обычно признакам (исключения оговариваются), число ветвей на одном уровне равно числу значений признака (например, "есть ретушь - нет ретуши" - два значения одного признака "наличие ретуши") или меньше его, если в этом случае (в данной ветви иерархии) реализовались на изучаемом памятнике не все значения признака. Полученные два "древа" (одно для краев пластинок и одно для концов), описывающие поочередно весь обвод пластинки, кажутся на первый взгляд громоздкими, но они позволяют быстро, просто, единообразно описать материал. При этом сопоставление данных различных коллекций при такой методике ведется без повторного обращения к материалу, а полученные выводы опираются на прочные количественные оценки.

Признаки делятся на качественные (кодовые) и количественные, в том числе и параметры. Кодовыми называются признаки, определяющиеся визуально и имеющие дискретное значение (наличие или отсутствие ретуши, ретушь на спинке или на брюшке и т.д.). Кодовые признаки состоят из неконтролируемых параметрами (собственно кодовые) и контролируемых соответствующими параметрами.

Параметры - признаки, получаемые с помощью измерений и выражаемые в соответствующей шкале измерений (градусы углов, миллиметры). Они также состоят из собственно параметров и параметров, контролирующих коды (например, дугообразные концы).

При выделении частей пластинки с притупленным краем и определении значений качественных и количественных признаков изделие помещается в строго определенное стандартное положение, в котором и делаются все определения и замеры (подробнее далее).

Большинство взятых нами признаков - морфологические, так как они определяют форму пластинок с притупленным краем. Они же позволяют представить способ получения такой формы, и в этом смысле являются технологическими. И вместе с тем эти признаки гораздо легче поддаются формализации на базе объективных критериев. Отчасти это связано с тем, что для данной группы орудий использовались заготовки более однородные, чем для изготовления других типов орудий. Так как форма орудия зависит от формы заготовки и технологии, то и в данном случае, когда заготовки имеют незначительное количество строго определенных схожих форм, роль технологии в формообразовании велика.

Пластинки с притупленным краем интересны потому, что они богаты типами, меняющимися во времени и от культуры к культуре, и вместе с тем достаточно широко распространены (хотя не во всех стоянках представлены сериями). Пластинки с притупленным краем входят в более общую группу пластинок с ретушью.

В данной системе мы рассматриваем пластинки с притупленным краем и, выделяемые особо рядом исследователей острия с притупленным краем (граветт, шательперрон и др.).

Итак, пластинки с притупленным краем - изделия из пластинок, у которых хотя бы один из продольных краев притуплен ретушью (притупливающей, крутой или мелкой крутой) и в поперечном сечении образует с брюшком (спинкой) угол от 30 до 90^0. Из продольных краев один (как правило, более ретушированный) "притупленный", а другой, менее ретушированный или вовсе неретушированный - менее "притупленный" или даже "непритупленный".

Поперечные концы, верхний и нижний (конец с ударной площадкой), могут быть обработаны одинаково или различно.

Говоря об описании пластинок с притупленным краем, подчеркнем, что данная работа не предлагает законченной классификации всех

элементов пластинок. Дальнейшая задача – дать более точное определение формы пластинки и ввести описания, более связанные с параметрами, чем с кодами.

Определим более точно понятие продольных краев до перехода к их детальному описанию. Имеются два продольных края: первый продольный край (ППК) и второй продольный край (ВПК), причем их определение, т.е. отнесение одного из них к первому, а другого – ко второму, зависит не от расположения пластинки на плоскости ("право" и "лево"), а от степени притупления края, от крутизны ретуши. Первым продольным краем считается тот, который в поперечном сечении образует более тупой угол со стороной, противоположной направлению ретуши [с брюшком (спинкой)][1]. Необработанный крутой край – так называемая "естественная спинка" – рассматривается нами как притупленный[2]. Неравноценность или разнокачественность ППК и ВПК описывается через понятие "более ретушированный край", определяющее ППК. Если один край ретуширован, а другой нет, то первый – более ретушированный. Если один край ретуширован притупливающей ретушью, а другой – любой другой ретушью, то первый считается более ретушированным. Если один край – "естественная спинка" (рис. 2-9,13), то он более ретушированный. При всех этих определениях степень протяженности ретушированной части края несущественна. Если определен ППК, то другой продольный край – ВПК. Притупленный край – это продольный край, приведенный при помощи ретуши или благодаря подбору заготовки (в случае "естественной спинки") к какой-либо определенной форме. Ретушь применяется притупливающая, крутая и мелкая крутая (рис.2). Ретушь по краю может быть полной

---

1. См. примечание 4 на стр.15.

2. Вне нашего анализа остались изделия, которые имеют "естественную спинку", но не имеют обработанных концов. При этом имелось в виду, что такого рода изделия не могут, строго говоря, быть отнесенными к орудиям вообще, и естественно, к таким орудиям, как пластинки с притупленным краем. Но, возможно, учитывая опыт исследователей мустьерской эпохи, признающих орудиями леваллуазские острия – изделия без ретуши – следует и пластинки с "естественной спинкой" признать за орудия и включить в изучаемую серию, даже если они и не имеют ретуши концов.

и частичной, последнее - обычно в том случае, когда часть продольного края и без ретуши имеет нужную форму.

Описание пластинок сводится к выяснению того, какими значениями каждого из присущих пластинкам признаков она обладает.

Признаки образуют иерархические системы, причем, построенные не для всей пластинки сразу, а отдельно для четырех ее составных частей, что делает их более удобными в употреблении. Эти части:

1. Первый продольный край (ППК).
2. Второй продольный край (ВПК).
3. Нижний конец (НКО) (тот, где находится ударная площадка).
4. Верхний конец (ВКО).

Пластинка для описания помещается вертикально спинкой (дорсальной поверхностью) вверх, при этом НКО всегда внизу, а ППК может быть и справа, и слева.

На таблицах I и 2, описывающих ППК и остальные части пластины, каждый уровень соответствует признаку, который имеет некоторое количество значений, обозначенных цифрами.

В некоторых случаях для детализации один признак описывается на нескольких уровнях (например, уровни 8, 9 и I0, II, I2, I3).

Иерархическая система, описания продольных краев (табл.I)

На первом уровне иерархии отмечаются различные формы продольного края пластинки: продольный край может быть выпуклым (I), вогнутым (2), прямым (3).

Процент выпуклости определяется отношением максимальной высоты сегмента (высоты дуги) к длине продольного края, умноженным на I00.

I. Прямым считается край с выпуклостью менее 5% (рис.I-I).

2,3. Выпуклыми и вогнутыми считаются края с выпуклостью (вогнутостью) более или равной 5% (рис. I-2,3).

На втором уровне среди выпуклых (вогнутых) краев выделяются края с выпуклостью (вогнутостью) первой (слабо) и второй (сильно) степени. Выпуклым (вогнутым) краем первой степени считается край с выпуклостью (вогнутостью) более 5%, но менее I5% - значение I (рис.I-I,2). Вторая степень - край с выпуклостью более или равной I5% - значение 2 (рис.I-3,4).

На третьем уровне фиксируется расположение выпуклости (вогнутости) на продольном крае. Максимальная выпуклость (вогнутость) может располагаться в нижней трети края (I), по середине края (2), в верхней трети края (3).

На четвертом уровне отмечается наличие и расположение выемки[3] на продольном крае. Выемка может занимать следующие положения: в нижней трети края (I), в середине (2), в верхней трети (3), обоих концов (4).

На пятом уровне отмечается присутствие (I) или отсутствие (2) ретуши по краю, на шестой уровень заносится: расположена ли ретушь по всему краю (I) (целиком) или же на отдельных его участках (2) (частично).

На седьмом уровне - сторона расположения ретуши[4] на плоскости - ретушь расположена на спинке (I), на брюшке (2), с обеих сторон одновременно (вместе) (3)[5] (рис.I, II-I4).

На восьмом и девятом уровнях определяется место отретушированного участка в случае частичного ретуширования. Здесь возможны 6 позиций ретушированного участка. Если ретушированный

---

3. Вогнутость в зависимости от отношения длины вогнутого участка края ко всей длине продольного края определяется по-разному и на разных уровнях таблицы I-ой. Если вогнутость занимает весь край, то это описывается на первом уровне, где характеризуется общая форма ППК (пластинка имеет вогнутый ППК). Если вогнутость занимает треть или менее продольного края, это записывается вместе с остальными более детальными признаками, характеризующими ППК, на четвертом уровне, как наличие выемки на ППК. Если есть множество более мелких чередующихся выемок, то это записывается среди вариантов ретуши на четырнадцатом уровне как зубчатый вариант ретуши ППК.

4. При указании стороны расположения ретуши необходимы уточнения. Дело в том, что сторона расположения ретуши противоположна направлению ретуширования. Ретушь располагается на брюшке, если удары или нажимы ретушера приходились на спинку. Ретушь располагается на спинке, если ретушер накладывался на брюшко. Далее, если ретушь расположена на спинке, то замеряется угол ретушированной поверхности с брюшком, и, наоборот, если ретушь расположена на брюшке.

5. При значении 3 на седьмом уровне могут описываться следующие явления: I) разные виды ретуши наносятся на разные плоскости, например, плоская ретушь на брюшке и крутая на спинке (рис.I, I4); 2) притупливающая ретушь - двусторонняя (встречная) (рис.I, I3).

участок один (т.е. меньше или равен I/3 длины края), то он может располагаться у одного из концов края или по его середине; середина (I), нижний конец (2), верхний конец (3); если ретушированных участков два[6], то возможны следующие сочетания: середина + верхний конец (4), середина + нижний конец (5), верхний конец + нижний конец (6) (рис.I - 5-I0).

На восьмом уровне заносится позиция ретушированных участков, расположенных на спинке, на девятом уровне - на брюшке. Следовательно, если ретушь имеется на обеих сторонах, то используются оба уровня.

На десятый-тринадцатый уровни заносится характеристика ретуши. На десятом, одиннадцатом уровне заносится информация о ретуши, лежащей на спинке; на двенадцатом и тринадцатом - на брюшке. Необходимость двух уровней для описания характера ретуши с каждой стороны вызывается тем, что при частичном ретушировании возможны два участка с различной ретушью (середина + верхний конец, середина + нижний конец, верхний конец + нижний конец).

На десятом уровне описывается характер ретуши на спинке, если край ретуширован целиком, или, если край ретуширован частично, то ретушь первого (порой единственного) участка с ретушью, а на одиннадцатом уровне, если пластинка ретуширована на двух участках, - ретушь второго участка. В случае ретушированности двух участков - середина + верхний конец, середина + нижний конец - первым участком считается середина, вторым - конец; в случае ретушированности двух концов - первым участком считается нижний конец, вторым участком - верхний конец.

Таким же образом на уровнях двенадцатом и тринадцатом описывается ретушь, лежащая на брюшке. Описав способ занесения информации, обратимся непосредственно к содержанию этих уровней, к значениям данного признака, т.е. к характеру ретуши продольного края.

Продольный край может быть обработан одним из следующих видов ретуши: плоской, крутой, пильчатой, крутой мелкой, притупляющей. Определим эти понятия и дадим им кодовые знаки.

---

6. Ретушь занимает от половины до 2-х третей края. Ретушь может быть непрерывной на двух участках (4,5) (рис.I - 8 и I - 9) и прерываться (6) (рис.I - I0).

Плоская ретушь (I), образующая поверхность, расположенную под углом менее 30° к брюшку (спинке) (рис.2 - I,2).

Крутая ретушь (2), образующая поверхность, расположенную под углом от 30 до 70°к брюшку (спинке) (рис.2 - 3,4).

Пильчатая ретушь (3) плоская, создающая неровный острый контур края, который делится на чередующиеся вогнутые и выпуклые участки (рис.2 - 8).

Мелкая крутая ретушь (4) - это крутая ретушь, идущая почти по самому краю изделия и имеющая не свыше I мм высоты (рис.2 - 6,7).

Притупляющей называем ретушь (5), образующую поверхность, расположенную под углом от 7I до 90° к брюшку (спинке) (рис.2 - I0,I2).

На четырнадцатом уровне среди ретуши, создающей ШК, крутой, мелкой крутой и притупляющей, выделяются зубчатые (I) (рис.2 - 5) и незубчатые (2) варианты. Зубчатый вариант создает неровный контур края с чередованием выступов и выемок.

На пятнадцатом уровне крутая и мелкая ретушь делятся на регулярную (равнофасеточную)(I) (рис.2 - 3,6) и нерегулярную (разнофасеточную) (2) (рис.2 - 4,7). Разнофасеточная, нерегулярная ретушь имеет фасетки, различающиеся по высоте между собой более чем на I/3.

На шестнадцатом уровне притупляющая ретушь делится в зависимости от отношения высоты притупленной части к толщине пластины. При высоте притупленной части в четверть толщины пластинки - значение I (I класс), от четверти до половины толщины - значение 2 (2 класс), более половины и до максимальной толщины - значение 3 (3 класс) (рис.2 - II,I2,I0).

На семнадцатом уровне отмечается наличие (I) или отсутствие (2) "естественной спинки" (рис.2 - 9,I3).

Иерархическая система описания концов (табл. 2)

На первом уровне концы делятся на линейные и точечные.

Линейные концы (I) образуются линиями, соединяющими несходящиеся края (рис.3 - 5,I7; рис.4 - I).

Точечные концы (2) образованы сходящимися краями, причем схождение краев начинается в нижней трети орудия (острый угол, образованный сходящимися краями, как правило, не превышает 20° (рис.3 - I-4).

На втором уровне линейные концы подразделяются на три группы: обработанные концы (I) (рис.3 - I0-I7), необработанные концы (2) (рис.3 - 5), концы, сформированные ретушью краев (3) (рис.3 - 6-9).

На том же уровне точечные концы разделяются на две группы: обработанные (I) (рис.3 - 2-4) и необработанные (2) (рис.3 - I), т.е. естественно заостренные.

На третьем уровне точечные концы делятся на обработанные ретушью одного края (I) (рис.3 - 2) и ретушью обоих краев (2)(рис.3-3,4). На этом уровне линейные концы, сформированные ретушью краев, делятся на концы, обработанные ретушью одного края (I) (рис.3 - 6, 7) и концы, обработанные ретушью двух краев (2) (рис.3 - 8,9).

На четвертом уровне у линейных концов характеризуется соотношение линии, соединяющей продольные края с перпендикуляром к длинной оси орудия. Если эта линия совпадает с ним или отклоняется до 5I°, то такие концы мы называем "поперечными" (I)(рис.3-I0-I7). В тех же случаях, когда линия, соединяющая края имеет вид дуги, хорда которой образует с длинной осью орудия угол от 49 до 2I°, мы определяем конец как "дугообразный" (2) (рис.4 - 2,3).

У точечных концов на этот уровень заносится симметричность (I) или несимметричность (2) формы (рис.3 - 3,4).

Далее следует ряд уровней, посвященных признакам линейных концов.

На пятом уровне описывается форма линейных обработанных концов. Поперечные концы делятся на перпендикулярные (I) (рис.3 - I0,I3) и скошенные (2) (рис.3 - I4-I7). Перпендикулярные - те, у которых линия конца расположена перпендикулярно к длинной оси орудия. Скошенный отличается от перпендикулярного конца тем, что линия конца отклоняется от перпендикуляра к длинной оси орудия более, чем на I5°, т.е. угол между длинной осью орудия и прямой линией, соединяющей конечные точки ПЛК и ВПК, составляет от 75 до 5I°(рис.4 - I).

Для разделения дугообразных концов вводится понятие длинной и короткой дуги. Короткая дуга (3) - сопряжение ПЛК и ВПК при помощи дуги с радиусом, равным ширине пластинки, причем радиусы, ограничивающие сегмент, находятся в следующем положении: один совпадает с продольным краем, а другой ему перпендикулярен. Угол

между длинной осью орудия и хордой дуги от 50 до 40^0 (рис.4-2)[7].

Длинная дуга (4) – сопряжение ПВК и ВПК – описывается более сложной кривой. Радиус этой дуги (хотя это не всегда правильная дуга) больше ширины пластины вдвое и более. Для длинной дуги угол между осью пластинки и хордой дуги – от 39 до 21^0 (рис.4-5).

На шестом уровне – детализация характеристики формы конца. Перпендикулярные концы делятся на выпуклые (I), вогнутые (2), прямые (3), стрельчатые (6) (рис.3-I0-I3).

Выпуклые и вогнутые концы определяются по проценту: отношение высоты дуги к ширине пластинки надо умножить на I00. Выпуклым или вогнутым концом считается тот конец, у которого высота дуги составляет более I5% от ширины основания конца пластинки. Прямым – тот, у которого высота дуги составляет менее I5% от ширины основания конца пластинки. Стрельчатый конец приближается по форме к треугольнику, с высотой около I/2 ширины пластинки (рис.3-I3).

Скошенные концы делятся на шестом уровне на выпуклые (I), вогнутые (2), прямые (3) (рис.3-I4-I7). Дугообразные концы (длинные и короткие дуги) разделяются на заостренные (4) и незаостренные (5). Заостренная дуга отличается от незаостренной наличием приострения на самом конце, т.е. острым углом, образованном дугой с одним из краев.

Следующие уровни служат для характеристики ретуши конца.

На седьмом уровне определяется место ретуши: ретушь лежит на спинке (I), на брюшке (2), на спинке и брюшке вместе (3).

На восьмом уровне – характеристика ретуши на спинке.

Типы ретуши: плоская (I), крутая (2), крутая мелкая (4), притупливающая (5), подтеска (6). Плоская, крутая, крутая мелкая и притупливающая описаны выше, в системе признаков продольных краев. Подтеска отличается от прочих видов ретуши более широкими фасетками (Sawicki, I926).

---

7. Скошенный выпуклый конец отличается от "короткой дуги" (с которой он иногда внешне схож) по углу между длинной осью орудия и хордой дуги. У скошенного конца угол не бывает меньше 51^0, у "короткой дуги" – более 50^0 (рис.4-I,2).

На девятом уровне - характеристика ретуши на брюшке. Типы ретуши те же, что и на спинке.

На десятом уровне - разновидности крутой и мелкой крутой ретуши: регулярная (I), нерегулярная (2).

Одиннадцатый уровень. Для дугообразных и скошенных концов определяется положение острого угла, образующегося на конце: острый угол у ВПК (I) (рис.3-I6-I7), у ПК (2) (рис.3-I4,I5). Положение острого угла характеризует позицию дуги и скошенного конца. Острый угол у ВПК - дуга (скошенный конец) наклонена к ПК и наоборот.

Внутренняя характеристика признаков

Задав полтора-два десятка признаков для части орудия, мы получаем достаточное исходное число признаков. Все ли они необходимы и достаточен ли список, должен показать эксперимент. Не необходимым (факультативным) по предварительной оценке может считаться признак, или отдельное значение признака, встречающиеся чрезвычайно редко, и не на всех анализируемых памятниках, не дающие существенных различий. Возражение, что новые еще не исследованные памятники дадут большую реализацию признаков, признанных нами факультативными, снимается самой постановкой вопроса - обязательным экспериментом по всей исследуемой в каждом случае группе.

Все признаки отдельно по каждой части орудия были оценены на основании эксперимента - оценки и сопоставления различных памятников по данному признаку на базе соответствующих статистических расчетов.

В процессе эксперимента выяснилось, что (необходимые) признаки разбиваются на определенные группы (роды), которые по особому ведут себя во всем изученном массиве. Эти признаки делятся на постоянно представленные определенными значениями во всех памятниках (признаки первого и второго рода) и постоянно представленные, но со значениями, варьирующими существенно (признаки третьего рода).

Мы представляем, что в зависимости от выбранной совокупности один и тот же признак может относиться к разным родам. В данном случае все, что касается родов признаков, относится лишь к нашему экспериментальному материалу.

В эксперименте был массив пластинок с притупленным краем из четырех стоянок, обычно относимых к разным культурам (Костенковской- Авдеево- и каменно-балковской - КБI, КБП, -Зм-). Из эксперимента мы рассчитывали получить подтверждение или отрицание возможности различения культур и памятников по пластинкам с притупленным краем, как по их признакам, так и по типам.

Выяснилось, что факультативными являются следующие признаки (см.таблицы I,2):

для ШК - 4, I3;

для ВПК - 4, I6, I7 (два последних по определению не подходят для ВПК), II, I2, I3 очень редки, не реализуются на отдельных памятниках;

для ВКО - 3, I0; 4 только для точечных, I0 признак несущественен, т.к. при малых размерах концов почти невозможно определить регулярность и нерегулярность ретуши:

для НКО - I0, I2; 3,4 только для точечных.

Необходимые признаки разделились на три группы:

Первого рода - имеющие одно преобладающее значение, составляющее не менее 90% среди всех ненулевых значений. Очевидно, эти признаки - не различающие памятники - должны лечь в основу дефиниции группы пластинок с притупленным краем.

Второго рода - имеющие характерное преобладание одного значения, но слабее выраженное - от 5I до 89%. По характеру преобладающего значения (первое место) они делятся на две группы: а) преобладающее значение стабильно; б) преобладающее значение существенно варьирует, вплоть до равенства с каким-нибудь другим значением. Последний случай часто позволяет различать памятники. Также можно различать памятники по значениям, занимающим второе место или даже по процентной доле значений второго места.

Третьего рода - преобладающее значение отсутствует, делятся на два вида: а) различия реализуются за счет появления на первом месте различных значений признака; б) различия реализуются за счет преобладания определенного значения в группе памятников внутри массива. Это преобладание может быть в пределах группы стабильным или варьировать, оставаясь преобладающим (в пределах группы).

Этим трем родам в нашем массиве соответствуют следующие признаки:

Первого рода: для ПШК - I(3)[8], 5 (I), 7(I); для ВПК - 2 (I), I4(2); для ВКО - I(I); для НКО - I(I).

Второго рода: для ПШК - 2(I), 3(2) (оба эти признака для ПШК редки), 6(I), I0(5), II(2), I4(2), I7(2); для ВПК - I(3), 3(2), 5(2), 7(I), 8(3),I0(4), I3(I), I5(2); для ВКО - 2(I), 7(I), 8(?), II(2); для НКО - 2(I), 4(2), 6(3), 7(I), II(2).

Третьего рода: для ПШК - 8, 9, I2, I5, I6; для ВПК - 6, 9, II, I2, I3; для ВКО - 4, 5, 6, 9; для НКО - 5, 8, 9.

Признаками, характеризующими всю взятую нами группу пластинок с притупленным краем, а не отдельные памятники, оказались следующие признаки I и 2а рода: ПШК - форма прямая (признак I значение 3)[9] (92-98%), если выпуклая или вогнутая (что встречается редко), то слабо (2/I) - (75-I00%), и наибольшая выпуклость располагается по середине пластины (3/2) - (50-I00%). Край обычно ретуширован (5/I) (98-I00%), большей частью целиком (6/I) (84-94%), ретушь чаще всего на спинке (7/I) (86-98%), и преимущественно притупливающая (I0/5) (50-66%), чаще всего не зубчатого варианта (I4/2) (74%).

Для всех ВПК характерны следующие признаки: форма менее устойчива, чем у ПШК, хотя также преобладает прямой край (I/3) (64%), край чаще не ретуширован (5/2) (83,2%), а если ретуширован, то обычно частично (6/2) (55-72%), ретушь часто мелкая крутая (I0/4) (53%).

Большую устойчивость, стандартность ПШК по сравнению с ВПК подчеркивает то, что у ПШК число признаков первого рода (и второго) значительно больше, чем у ВПК, т.е. ВПК описывается более варьирующими признаками.

Что касается концов, то для них характерны следующие признаки: ВКО - линейные (I/I) (90-I00%), обработанные (2/I) (85-97%) любой ретушью, чаще на спинке (7,I) (60-97%), любой формы концы. Для дуг и скошенных концов характерна вторая позиция - острый угол у ПШК (II/2) (65-95%).

---

8. В скобках дано значение.

9. Далее обозначаем дробью, где числитель - признак, а знаменатель - значение.

НКО - также преобладают линейные (I/I) (98-100%), обработанные (2/I) (60-95%) любой ретушью, расположенной на спинке (7/I) (65-98%), любой формы концы, с острым углом у ППК (I I/2) (60-90%).

Таким образом, получены некоторые общие характеристики основных частей пластинок с притупленным краем. Как следует из определения родов признаков для различения памятников, пригодны признаки третьего рода и отчасти второго (2б). Работающей на различение памятников оказалась лишь часть этих признаков. Причем, как видно из эксперимента, памятники различаются неодинаковым образом, а именно: а) по преобладающим значениям признака; б) по значениям признака, стоящим на втором месте; в) по различной процентной доле одного преобладающего значения (статистически достоверной) и г) по различиям процентной доли значения, стоящего на втором месте.

Интересно, что в некоторых случаях по одному признаку могут быть прослежены различия разного вида одновременно.

Полученные результаты были сведены в таблицы 3 и 4, таким образом, что в третьей каждый памятник сравнивается с каждым только по тем признакам, у которых различаются наиболее часто реализующиеся значения, а именно, значения, занимающие по частоте реализации первое или второе место. В четвертой таблице сведены более "острые" различия, которые выражаются в процентной доле реализации значения признака, поскольку здесь первое или второе место занимает одно и то же значение, но они представлены разными долями.

Проанализируем данные таблиц, вначале - на межкультурном уровне (Костенковская - каменно-балковская культура), затем внутри каменно-балковской культуры [10].

Различия Авдеева с памятниками каменно-балковской культуры (табл. 3 и 4)

По ППК:

А) По значениям, стоящим на первом месте: при частичном

---

10. Названия памятников далее будем давать в сокращении: КБ П - Каменная балка П, КБ I - Каменная балка I, ЗМ - Третий Мыс, А - Авдеево.

ретушировании на спинке рету ируется либо середина края, либо верхний конец (8). Мелкая крутая и крутая ретушь нерегулярны (I5).

Б) По значениям, стоящим на втором месте: вслед за притупливающей ретушью используется мелкая крутая (I0). При частичном ретушировании, в отличие от КБ I и КБ II, чаще ретушируются середина и нижний конец вместе (8).

В) По процентной доле значений первого места: ППК реже ретушировал целиком (6), реже отсутствует "естественная спинка" (I7), меньше процент зубчатой ретуши (I4).

Г) По процентной доле значений второго места: ППК чаще ретушировал частично (6), чаще встречается "естественная спинка" (I7), ретушь чаще бывает зубчатой (I4).

По ВПК:

А) По значениям, стоящим на первом месте: при частичном ретушировании на брюшке ретушь обычно у верхнего конца (9)[II]. В отличие от ЗМ ВПК реже ретушируется целиком (6).

Б) Отсутствуют

В) По процентной доле значений первого места: ретушь на спинке реже, ретушь на брюшке чаще (7).

Г) Отсутствуют

По ВКО:

А) По значениям, стоящим на первом месте: отличается только от ЗМ - концы пластинок, как правило, поперечные, а не дугообразные (4), перпендикулярные (5), прямые (6), на брюшке чаще подтеска, а не плоская ретушь (9).

Б) По значениям, стоящим на втором месте: отличается только от ЗМ - ретушь чаще на брюшке (7), на спинке одинаково часто встречаются притупливающая и мелкая крутая ретушь (8), а у ЗМ - плоская и притупливающая.

В) По процентной доле значений первого места: меньше обработанных концов (2), относительно реже ретушь на спинке (7); в отличие от КБ II чаще острый угол у ППК (II).

II. У всех анализируемых памятников этот признак реализуется через различные значения.

Г) По процентной доле значений второго места: много необработанных концов (2); отличается от КБ I и КБ II преобладанием ретуши на брюшке (7).

По НКО:

А) По значениям, стоящим на первом месте: на брюшке в основном подтеска (9); отличается от КБ II и ЗМ большим количеством перпендикулярных концов (5); отличается от КБ II использованием на спинке крутой ретуши (8).

Б) По значениям, стоящим на втором месте: более распространены выпуклые концы (6); отличается от КБ II и ЗМ преобладанием скошенных концов (5).

В) По процентной доле значений первого места: меньше обработанных концов (2), меньше ретуши на спинке (7), чаще острый угол у ВПК (II); отличается от ЗМ большим количеством поперечных концов (4); от КБ I и ЗМ – большим количеством прямых концов (6).

Г) По процентной доле значений второго места: много необработанных концов (2), чаще обработка только с брюшка (7).

Внутрикультурные различия

Различия между ЗМ и КБ II

По ШК:

А) По значениям, стоящим на втором месте: для ЗМ при частичном ретушировании на спинке ретушировано середина, а в КБ II – нижний конец (8).

Б), В), Г) Отсутствуют.

По ВПК:

А) По значениям, стоящим на первом месте: чаще ретушируется целиком (6); при частичном ретушировании на брюшке равновероятна обработка середины и верхнего конца (9), а в КБ II – середины и нижнего конца вместе.

Б) Отсутствуют.

В) По процентной доле значений первого места: ВПК равновероятен прямой и выпуклый (I), а в КБ II преобладает прямой.

Г) Отсутствуют.

По ВКО:

А) По значениям, стоящим на первом месте: характерны длинные заостренные дуги (4,5,6) в то время, как в КБ II преобладают поперечные, перпендикулярные, прямые концы.

Б) По значениям, стоящим на втором месте: конец обрабатывается с обеих сторон (7); при ретушировании со спинки равно используется плоская и притупливающая ретушь (8), а в КБ II - притупливающая.

В) По процентной доле значений первого места: реже ретушь, на спинке (7); преобладает острый угол у ШК (II).

Г) Отсутствуют.

По НКО:

А) По значениям, стоящим на первом месте: ретушь на спинке крутая (8); а в КБ II - притупливающая.

Б) По значениям, стоящим на втором месте: длинные заостренные дуги (5) - (6), в то время как в КБ II - перпендикулярные, выпуклые концы.

В) По процентной доле значений, стоящих на первом месте: мало прямых концов (6), много дугообразных (4), а в КБ II - много прямых (6), много поперечных (4).

Г) Отсутствуют.

Различия ЗМ и КБ I

По ВПК:

А) По значениям, стоящим на первом месте: при частичном ретушировании на брюшке равновероятна обработка середины и верхнего конца (9), в КБ I этот признак не реализуется.

Б), В), Г) Отсутствуют.

По ВКО:

А) По значениям, стоящим на первом месте: преобладают длинные заостренные дуги (4,5,6), а в КБ I - поперечные, перпендикулярные, прямые концы.

Б) По значениям, стоящим на втором месте: конец обрабатывается с обеих сторон (7) плоской или притупливающей ретушью (8), а в КБ I обработка с одной стороны, а плоская ретушь вообще не применяется.

В) По процентной доле значений, стоящих на первом месте: меньше ретуши на спинке (7).

Г) Отсутствуют.

По НКО:

А) По значениям признаков, стоящих на первом месте: преобладают скошенные концы (5), а в КБ I – перпендикулярные.

Б) По значениям признаков, стоящих на втором месте: больше дугообразных концов (4), относительно мало прямых концов (6), КБ I – меньше дуг, а остальные формы равновероятны.

Различия между КБ I и КБ II

По ПШК:

А) Отсутствуют.

Б) По значению, стоящему на втором месте: при частичном ретушировании на спинке в КБ II ретушь у нижнего конца, а в КБ I чаще на середине края (8).

В), Г) Отсутствуют.

По ВПК:

А) По значениям, стоящим на первом месте: на КБ II при частичном ретушировании на брюшке ретушь по середине и у нижнего конца, на КБ I – признак не реализуется (9).

Б), В), Г) Отсутствуют.

По ВКО:

А), Б) Отсутствуют.

В) По процентной доле значений, стоящих на первом месте: на КБ II больше концов, образующих угол у ПШК, на КБ I – позиция скошенных концов равновероятна (II).

Г) Отсутствуют.

По НКО:

А) По значениям, стоящим на первом месте: на КБ II больше скошенных концов, на КБ I – перпендикулярных (5). Для ретуши – на спинке обычна, на КБ II – крутая ретушь, на КБ I – притупливающая (8).

Б) По значениям, стоящим на втором месте: на КБ II преобладают перпендикулярные концы, на КБ I – скошенные (5).

В) По процентной доле значений, стоящих на первом месте: на КБ II прямых концов больше, чем на КБ I, где всех форм концов поровну (6).

Г) Отсутствуют.

Итак, сопоставление данных позволило констатировать наличие целого ряда признаков, как по преобладающим значениям, так и по долям, отличающих одну культуру от другой, но мы не можем предложить единого критерия выделения культуроразличающих признаков среди всех признаков[12]. Возможно, что такие критерии и существуют, но уже на основании имеющегося опыта очевидно, что различие по признакам всегда будет не абсолютным, а статистическим, в отличие от устойчивых сочетаний значений признаков-типов, которые могут однозначно определять культуры.

Естественно предполагать, что высшие единицы классификации (культуры) будут выделяться при помощи общих фундаментальных признаков. В то же время столь же естественно, что наиболее чувствительные ("острые") элементы различающей системы (признаки с существенно варьирующими значениями и процентными долями) будут улавливать различия между памятниками. Соотношение первого, которое также обладает свойством различать, и второго и образует общий комплекс различающей системы.

При рассмотрении таблиц 3,4 5 необходимо учитывать два обстоятельства: I) значения ППК более устойчивы для всех пластинок с притупленным краем. Поэтому если на этом уровне обнаруживаются различия, то они должны оцениваться как таксономически более ценные. Что касается рассмотрения различий по ВПК, ВКО и НКО, то они считаются менее существенными, поскольку характеризующие их признаки относятся в основном ко второму и третьему родам; 2) в силу тех же причин различия по ВПК, ВКО и НКО реализуются главным образом по различию значений, занимающих первое и второе место, поэтому они в основном зафиксированы в таблице 3.

I2. Как указано выше, классификация признаков по родам дает бесспорные основы для выделения культуроразличающих признаков, не по их физической природе, а по поведению внутри массива.

Перейдем к рассмотрению таблиц 3,4 и 5. По фундаментальным признакам ПШК Авдеево, как и ожидалось, отличается от памятников каменно-балковской культуры по трем общим признакам - 8,10, 15, в то время как между собой эти памятники различаются одним единственным признаком и то по значениям, стоящим на втором месте (8).

Аналогичную картину мы наблюдаем и на таблице 4. По процентным долям Авдеево отличается по ПШК одними и теми же признаками (6,14,17) от всех каменно-балковских памятников, в то время как последние между собой вообще не различаются.

В таблице 3 различие по ВПК характеризуется наличием признака 9, свойственного всем памятникам с разными значениями (т.е. этот признак различает и культуры, и памятники).

Признаки 5,6 и 8 у НКО различают между собой и памятники, и культуры. Признак 9 оказывается различающим культуры. Что касается ВКО, то все его значения различения связаны со стоянкой ЗМ. Это является следствием того, что на ней резко преобладает один специфический тип - "рыбки" (см. ниже).

Таблица 4, посвященная более "острым" признакам, как подчеркнула закономерности таблицы 3, так и выявила новые. К первым относится абсолютное противопоставление всего каменно-балковского комплекса Авдееву по признакам ПШК и ВПК.

ВПК дал и межпамятниковые различия (I), и межкультурные (7). ВКО также дал различия как межкультурные, так и межпамятниковые (межкультурные 2, межпамятниковые II) признаки. Различает как культуры, так и памятники признак 7. НКО дал группу межкультурных различений (пр.2,7,II).

Признак 6 разделяет как культуры, так и памятники. Различает памятники внутри культуры 4 признак.

На нашем материале видно, что Авдеево отличается от каменно-балковской культуры по большему количеству признаков и по более фундаментальным признакам ПШК, в то время как памятники этой культуры имеют меньшее число различий между собой и различаются в основном по более "острым" признакам концов. Более детально это обстоятельство иллюстрируется анализом данных таблиц 3,4,5.

В рамках эксперимента рассмотрение частоты встречаемости разных признаков и их значений позволяет установить, что есть признаки общие для всех пластинок с притупленным краем, т.е.

равнохарактерные для всего массива, нами рассмотренного. Как уже говорилось, невозможно установить "вообще", какие именно признаки являются общими, а какие – позволяющими различать культуры, поскольку в разных массивах одни и те же признаки будут то различающими, то общими. Но при расширении массива признаки, бывшие различающими на исходном массиве, остаются таковыми до тех пор, пока исходный массив образует часть нового, расширенного. В каждом же конкретном массиве важно в принципе установить и точно в количественном выражении реализовать само это качество признаков и возможность различать и не различать.

Проанализировав признаки, мы видим, что они ведут себя по-разному и сочетаются по-разному на различных частях пластинки. Мы констатируем ряд конкретных отличий между частями пластинки.

Во-первых, по-разному реализуются признаки ППК и ВПК. Во-вторых, система описания (иерархическое древо) краев отличается от иерархического древа концов.

Обычно в исследованном массиве ППК описывается очень устойчивым сочетанием признаков. Это говорит о том, что преобладающая в наших сериях стандартная прямая форма ППК достигалась стандартными приемами. Возможно, эти общие для наших памятников характеристики ППК свойственны пластинкам с притупленным краем этих памятников и при выявлении типов могут играть лишь описательную, а не типовыделяющую роль. Что касается ВПК, то, как правило, он не обработан, и при его описании реализуется лишь небольшое число признаков.

Причем, сочетания этих признаков беднее, короче список признаков,но в то же время и разнообразнее; они делят массив на меньшие группы. Наличие набора определенных, но более разнообразных форм ВПК является в сочетании с признаками концов более перспективным с точки зрения классификации пластинок на устойчивые, но более дробные, чем у ППК, сочетания признаков.

Итак, сочетание признаков ППК в нашем массиве характеризует группу в целом, в то время как признаки ВПК дают основу для более дробного деления внутри группы.

Иерархическое древо описания концов отличается от иерархи-

ческого древа описания краев большей сложностью понятий, используемых на верхних уровнях древа, что обусловлено большим количеством форм концов по сравнению с краями. Эксперимент показал, что эта сложность объективна, концы дали много сложных вариаций форм и их обработки, что проявилось на уровне сочетаний признаков.

Областью поиска устойчивых типообразующих сочетаний с необходимостью оказались сочетания ВПК и концов. На наших сериях именно они и дали те устойчивые сочетания, которые уже выявлены и описаны в рамках данной работы.

Необходимо классифицировать эти виды сочетаний, имея в виду, что каждый вид сочетаний обнаружит соответствие с определенным уровнем классификации, а именно с надтипом, типом и подтипом или с каким-либо исключением.

Виды эти суть следующие:

I. Нетипообразующие сочетания, образованные небольшим количеством признаков, характеризуют группы, которые в дальнейшем называются надтипами. Эти группы велики по количеству входящих в них предметов, тогда как количество самих надтипов, как категорий невелико (сравнительно с количеством типов, выделенных из того же массива).

2. Сочетания, менее объемистые по количеству экземпляров, но характеризуемые большим количеством признаков, выделяемые на том же самом массиве и называемые в дальнейшем типами.

3. Сочетания, характеризующиеся еще более длинным списком признаков, выделяемые на том же самом массиве, немногочисленные по количеству экземпляров, подпадают под определение подтипа, которое в дальнейшем будет применяться к такого рода сочетаниям. Следует отметить, что число подтипов всегда больше числа типов.

Первый вид сочетаний по преимуществу включает признаки, описывающие формы ППК, второй вид сочетаний реализуется чаще всего в качестве сочетаний ВПК с ВКО/НКО. Третий вид сочетаний реализуется через короткое (состоящее из нескольких признаков) сочетание признаков ВКО или НКО, добавляемое к сочетанию второго вида.

4. Сочетания единичные или весьма немногочисленные по коли-

честву вещей, туда входящих, отличающиеся от видов I-3 короткими случайными сочетаниями порядка не более двух признаков; рассматриваются как случайные, не образующие на данном массиве никаких единиц классификации. По определению такого рода сочетания редки. Случайные сочетания вида 4 часто образуются за счет редких значений признаков, характеризующих тип.

Как мы видим, тип и признак - основные компоненты классификации. Как они связаны между собой?

Исторически сложившееся представление, что тип - понятие исходное для всего типологического метода, можно подтвердить также рядом соображений, связанных с попытками аналитического его определения. Прежде всего его исходность в значительной степени определяется исходностью, элементарностью категорий, которые положены в его основание - первичность элементарных признаков. Элементарный признак для типолога - первоначальный, элементарный момент, ниже которого категорий в типологическом методе нет. Далее, первостепенное значение типа заключается также и в том, что он определяется через наибольшее количество признаков, обнаруживших статистически устойчивое тяготение к сочетанию. Он отличается от прочих классификационных категорий еще и тем, что в иерархии категорий он стоит ближе всего к другому крупному понятию столь же большой важности для типологического метода - к культуре.

Список признаков, на основании которых может быть выделен тип, вырабатывается интуитивно, а далее упорядочивается согласно неким правилам: исходя из родственности признаков и их соподчинения. Далее список признаков уточняется в ходе эксперимента. Интуитивно устанавливаются также пределы и размеры той совокупности материалов, которая, по предварительной оценке археолога, может быть описана одним и тем же набором признаков.

При экспериментальной проверке выясняется, что признаки могут быть распределены также и по другому их свойству, которое выявляется только в ходе самого эксперимента - а именно, по массовости, по тому, присущи они всему массиву, его большей части, его меньшей части или лишь нескольким предметам.

Типы, выделенные на основе анализа и некоторые вопросы типовыделения

Конечной целью предложенной процедуры выделения, систематизации оценки признаков является максимально экономичное описание объективно существующих типов как устойчивых сочетаний признаков.

В заключительной части работы дается описание нескольких типов из числа предоставленных на нашем массиве. Описание было составлено на базе анализа таблограмм, при котором были выделены статистически устойчивые сочетания признаков, предварительные характеристики которых позволяют их рассматривать как существенные при типообразовании.

В разделе, посвященном анализу признаков и их значений, основное внимание было уделено различающим признакам. Переходя к описанию устойчивых сочетаний признаков - типам, мы на определенном этапе столкнемся не только с задачей "различения", но и с задачей "описания типа". В этом последнем случае, здесь не разбираемом, группа предметов, объединяемая в тип несколькими значениями некоторых признаков (этого достаточно для различения), описывается через все значения всех признаков и получает таким образом полную исчерпывающую характеристику.

Вся работа по выделению нефакультативных (необходимых) признаков, классификация их на роды, по различению памятников и культур на основании преобладания тех или иных значений признаков велась при помощи статистического анализа получаемых количественных данных. Объем работы не позволяет привести весь громоздкий аппарат расчетов, проводившихся на счетно-аналитических машинах, и авторы ограничиваются изложением выводов количественного анализа. Выделенные типы характеризуются достаточно устойчивыми сочетаниями значений соответствующих признаков. В них включены все предметы, обладающие этим сочетанием без каких-либо отклонений (кроме точечного и линейного концов у "треугольников") в рамках типичного сочетания. Анализ серии целых предметов всех памятников по всем значениям таксономически ценных признаков (2б и 3 рода) выявил три устойчивых пучка их различных значений. Эти сочетания исчерпывают большую часть массива. См. таблицу 6.

Соответственно этим пучкам значений выделяются три группы пластинок (орудий), называемых нами "рыбки", "треугольники", "четырехугольники", исследование которых характеризует различия между памятниками и культурами.

"Рыбками" мы называем пластинки в виде вытянутого сегмента с прямым притупленным краем. Эти изделия характерны для Третьего Мнса.

"Треугольники" – вытянутые асимметричные треугольные пластинки, присутствующие во всех памятниках каменно-балковской культуры. "Рыбки" и "треугольники" отсутствуют в Авдеево.

"Четырехугольники" – пластинки, имеющие два линейных поперечных конца (которые могут быть и перпендикулярными и скошенными, но не дугами), хотя бы один из которых обработан. "Четырехугольники", видимо, являются группой более общей, чем "треугольники" и "рыбки" и соотносятся с понятием "надтип".

"Рыбки"

ПИК пластины прямой (I/3 -89,3%), ретуширован целиком (6/I-89,3%), со спинки (7/I-83,9%). Основной тип используемой ретуши – притупливающая (I0/5-60,3%), незубчатый вариант (I4/2-96,8%), высота притупленной части достигает толщины пластинки (3 класс) (I6/3-58%). "Естественная спинка" отсутствует (I7/2).

ВПК слабо (2/I-I00%) выпуклый (I/I-66,7%) с максимальной высотой выпуклости в средней части (3/2-95%), чаще необработанный (5/2-83,3%). Преобладающая ретушь – мелкая крутая (I0/4-75%), незубчатая (I4/2-66,7%) и нерегулярная (I5/2-I00%).

ВКО линейный (I/I-95,4%) обработанный (2/I-95,4%), это длинная (5/4-90,5%), очень редко – короткая (5/3-9,5%), заостренная дуга (6/4-85,7%), обработанная с двух сторон (7/3-47,7%), крутой ретушью на спинке (8/2-50%), плоской на брюшке (9/I-75%), дуга образует острый угол с ПИК (II/2-93,I%). НКО имеет все особенности ВКО.

Своеобразие данного типа пластинок с притупленным краем определяется схожей формой концов и одинаковым наклоном их по отношению к ВПК. Концы, плавно соединяясь со слабо выпуклым вторым продольным краем, создают очень яркую и своеобразную форму всей пластинки в целом (рис.6 – I,2).

"Треугольники"

ПЗК "треугольника" прямой (I/3-90%), ретуширован полностью (6/I-93,3%) на спинке (7/I-100%). Наиболее используемый вид ретуши - притупливающий (I0/5-63,3%), незубчатый вариант (I4/2-86,6%). Высота притупленной части колеблется от половины до полной толщины пластинки (I6/2-42,4%), "естественная спинка" отсутствует (I7/2-93,3%).

ВЗК обычно слабовыпуклый (2/I-100%), с максимальной выпуклостью в нижней трети (3/I-80%), с равной вероятностью ретуширован и не ретуширован (5/I-2 - 45-55%), чаще ретуширован частично (6/2-69,2%) на спинке (7/I-84,6%), на верхнем конце (8/3-50%) мелкой крутой ретушью (I0/4-69,2%). Мелкая крутая ретушь нерегулярная и незубчатая (I4/2-I00%; I5/2-66,7%).

ВКО "треугольника" чаще точечный (I/2-59,3%), обработанный ретушью двух краев (3/2-29,6%), несимметричный (4/2-I00%).

При линейном верхнем конце (I/I) основные характеристики несколько меняются. Если ВКО линейный (I/I-40,7%), то он обработан (2/I-40,7%) в виде длинной (5/4-36,4%) заостренной дуги (6/4-54,6%), оретушированной со спинки (7/I-I00%) крутой ретушью (8/2-63,6%) и образующей острый угол с НЗК (II/2-90%) (рис.6 - 7).

НКО "треугольника" всегда линейный (I/I-I00%), обработанный (2/I-77%), поперечный (4/I-79,3%) - скошенный (5/2-62,7%), оретушированный со спинки (7/I-I00%) притупливающей ретушью (8/5-54,2%). Острый угол образован линией конца с НЗК (II/2-82,0%) (рис.6 - 3-I0).

"Четырехугольники" - одна из самых массовых групп пластинок, представленная во всех памятниках. Так на КБ I их 82%, среди всех пластинок на КБ II - 75,6%, на ЗМ - 35,7%, в А - 37,4% (см. табл. 6).

"Четырехугольники"

(Описание дается суммарно по всем памятникам)

НЗК пластинки - прямой (I/3), ретушированные полностью (6/I), со спинки (7/I). Основной вид ретуши - притупливающая (I0/5), но для ладейских четырехугольников более характерна крутая

ретуши (I0/4-26,2%). Характер края не зубчатый (I4/2), хотя в Авдеево велик процент зубчатых вариантов ретуши - (I4/2-3I,6%).

ВПК пластинки - прямой (I/3), чаще не обработан (5/22), но среди обработанных преобладает частичное ретуширование (6/2), ретушь при частичном ретушировании чаще всего расположена либо на верхнем конце (8/3-60-65%), либо на обоих концах (8/6). Ретушь ВП" в основном мелкая крутая (I2/4) и нерегулярная, на ЗМ много крутой (I2/2-25%), не зубчатой (I4/2) и нерегулярной (I5/2) ретуши.

ВКО и НКО - линейные (I/I), обработанные (2/I), чаще обработан Б.О, поперечные (4/I), скошенные и перпендикулярные (5/I; 5/2), чаще всего прямые (6/3), в Авдеево больше необработанных нижних концов, позиция скошенного конца равновероятна (II/I и II/2), но сочетания позиций скошенных верхних и нижних концов варьируют по памятникам. Из описания видно, что эта группа включает в себя много разнохарактерных компонентов. Дальнейший анализ "четырехугольников" производился с учетом всевозможных сочетаний признаков, характеризующих особенности их формы, и для проведения такого анализа были пригодны только целые орудия. В результате эксперимента выяснилось, что все четырехугольники делятся в первую очередь на две большие группы: прямоугольники (рис.7 - I-4) - т.е. пластинки с двумя поперечными (4/I) перпендикулярными (5/I) прямыми (6/3) концами, и группу, названную нами "косоугольники", - пластинки с двумя или одним скошенным (5/2) концом. "Косоугольники" в свою очередь разделились на несколько групп по сочетаниям, характеризующим форму концов (рис.7 - 5-I3; рис.8).

Группа "а" - "параллелограммы", пластинки с двумя скошенными концами (ВКО 5/2, НКО II/I), острые углы которых прилегают к разным краям (если ВКО II/2, то НКО II/I) (см. рис.7 - 5-7).

Группа "б" - пластинки с одним перпендикулярным (5/I) и одним скошенным концом (5/2). Острый угол скошенного конца может прилегать к любому из краев (рис. 7 - 8-I0).

Группа "в" - пластинки, один конец которых перпендикулярный (5/I) или скошенный (5/2), а второй стрельчатый (6/6).

Группа малочисленна, статистически ненадежная, но типологически несомненно существующая (рис.7 - II-I2).

Группа "г" - пластинка, у которой оба конца скошенные (5/2), но их острые углы прилегают к одному и тому же краю (если ВКО-II/2, то ВКО-1?/2), т.е. концы пластинки не параллельны (рис.7- I3).

Статистически различается представленность групп четырехугольников по памятникам следующим образом: (табл. 6).

В Авдееве больше "прямоугольников" (67,5%), чем в памятниках каменно-балковской культуры, продольные края у них чаще прямые и параллельные. Меньше, чем в КБ I, КБ II и ЗМ, в Авдееве представлены косоугольники группы "б" (26%) и группы "г"

В памятниках каменно-балковской культуры прямоугольников меньше (до 25%), ретушь на них в отличие от Авдеева преимущественно притупливающая, регулярная, незубчатая. Больше косоугольников, предотавленных всеми группами ("а", "б", "в", "г").

Для КБ I равнопредставлены косоугольники групп "б" и "в" (36,3%). Спецификой их является выпуклый ВПК.

В КБ II больше всего косоугольников - 75%, из них группы "б"- 52,3%, следующее место занимают косоугольники "а" (I7,4%), малочисленны группы "г" и "в".

На ЗМ косоугольников свыше 80%. Среди них преобладает группа "а" (60%). По количественной представленности этой группы ЗМ отличается от всех памятников. Группа "в" занимает второе место (20%), группы "б" и "г" малочисленны. Спецификой этих форм для Третьего Мыса является выпуклый ВПК.

Все особенности четырехугольников, самой массовой группы на всех памятниках, отразились и в общей таблице сравнения памятников по признакам (см. табл. 3-5), и здесь мы видим больше различий для памятников разных культур, чем между памятниками одной культуры.

В итоге проделанной работы получена система описания, позволяющая однозначно описывать пластинки с притупленным краем данного массива и классифицировать их. Результатом этой классификации является разветвленная система единиц классификации, которые могут быть соотнесены с понятиями "надтип", "тип", "подтип". Помещение полученных единиц на разных уровнях классифика-

ции зависит от длины списка сочетаний признаков, описывающих эти единицы:

I уровень - уровень, основанный на коротком сочетании признаков первого рода (весь массив).

2 уровень - уровень, на котором единицы классификации характеризуются более длинными сочетаниями признаков 2 и 3 рода и на котором массив распадается на достаточно весомые группы (таковы "рыбки" - "треугольники" - "прямоугольники" и "косоугольники")[13] (рис.8).

3 уровень - уровень, на котором единицы классификации различаются между собой внутри групп, полученных на 2-м уровне короткими сочетаниями признаков третьего рода ("косоугольники" делятся на различные группы), а по сравнению с другими классификационными ячейками описываются самыми длинными сочетаниями признаков 2 и 3 рода. Группы, полученные на этом уровне, более малочисленны (см. табл. 6).

При дальнейшем делении будет сохраняться тот же принцип.

Видимо, в палеолите никакая классификация не позволит разнести по типам более 80% форм, поскольку вероятность случайного возникновения тех или иных форм и технических приемов достаточно высока, как для пластинок, так и для других орудий. Добавим, что закономерности типов серийны, а отсюда атрибуция отдельных вещей всегда будет представлять большие трудности.

I3. Выделяя типы: "рыбки", "треугольники", "прямоугольники" и "косоугольники", хотелось бы отметить то обстоятельство, что "прямоугольники" и "косоугольники" более близки между собой, чем остальные типы. Это, возможно, связано с тем, что поперечное ретуширование концов, как перпендикулярного, так и скошенного менее дифференцировано, чем обработка и получение острого конца или дугообразного и больше включало элементов случайности. Небольшое количество целых экземпляров четырехугольников также затрудняет анализ различий между "косоугольниками" и "прямоугольниками" различных памятников. Дальнейшее накопление материала позволит разделить, судя по наблюдаемым различиям, материал "прямоугольников" Авдеево и каменно-балковской культуры на вполне самостоятельные группы, таксономический ранг которых пока не ясен.

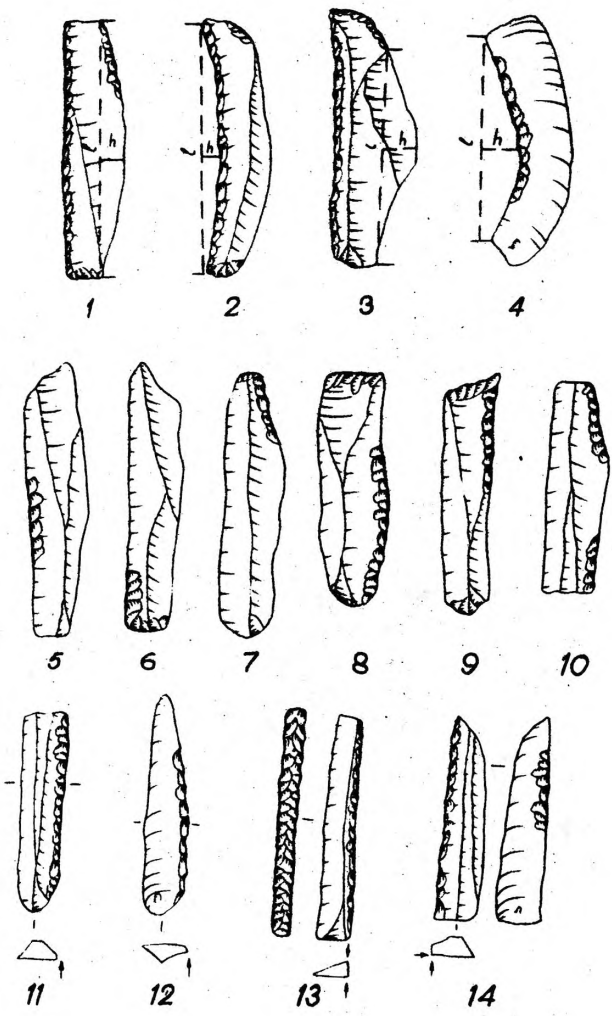

Рис.I. Форма края, место расположения ретуши, сторона расположения ретуши

I–4. Форма края – признаки I и 2. I – ШК прямой (пр.I, зн.3); ВПК – выпуклый (пр.I, зн.2), слабо (пр.2, зн.I); 2 – ШК вогнутый (пр.I, зн.2), слабо (пр.2, зн.I); 3 – ШК прямой (пр.I, зн.3); ВПК выпуклый (пр.I, зн.2), сильно (пр.2, зн.2); 4 – ШК вогнутый (пр.I, зн.2), сильно (пр.2, зн.2);

5–I0. Место расположения ретуши – признак 8. 5 – на середине (зн.3); 6 – у нижнего конца (зн.2); 7 – у верхнего конца (зн.3); 8 – на середине и у нижнего конца вместе (зн.4); 9 – на середине и у верхнего конца вместе (зн.5); I0 – у нижнего и верхнего концов одновременно (зн.6);

II–I4. Сторона расположения ретуши – признак 7. II – ретушь на спинке (зн.I); I2 – ретушь на брюшке (зн.2); I3 – ретушь вместе (зн.3) – "встречная"; I4 – ретушь вместе (зн.3) на спинке крутая, на брюшке плоская

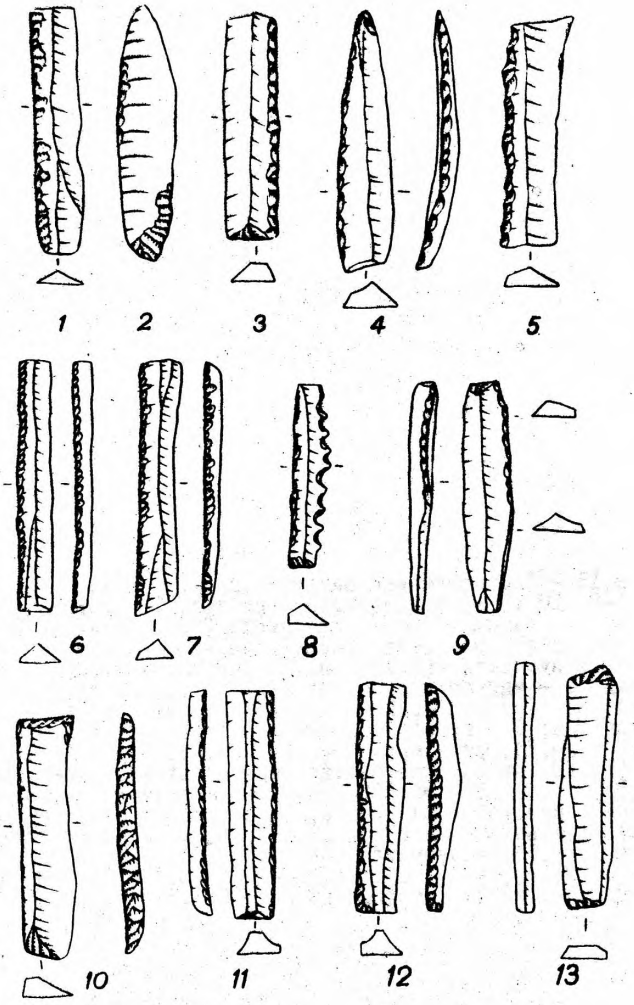

Рис.2. Типы ретуши и "естественная спинка"

9,I3 – "естественная спинка" (пр.I7, зн.I);
I–8, I0–I2 – характеристика ретуши. Признаки I0,I4, I5,I6. I – плоская ретушь на спинке (пр.I0, зн.I); 2 – плоская ретушь на брюшке (пр.II, зн.I); 3 – крутая (пр.I0, зн.2), незубчатая (пр.I4, зн.2), регулярная (пр.I5, зн.I) ретушь; 4 – крутая (пр.I0, зн.2), нерегулярная (пр.I5, зн.2); 5 – крутая (пр.I0, зн.2), зубчатая (пр.I4, зн.I), регулярная; 6 – крутая мелкая (пр.I0, зн.4), незубчатая (пр.I4, зн.2), регулярная (пр.I5, зн.I); 7 – мелкая крутая (пр.I0, зн.4), незубчатая (пр.I4, зн.2), нерегулярная (пр.I5, зн.2); 8 – на ВПК – пильчатая ретушь (пр.I0, зн.3), на ПШК – притупляющая (пр.I0, зн.5), незубчатая (пр.I4, зн.2), третьего класса (пр.I6, зн.3); II – притупляющая (пр.I0, зн.5), незубчатая (пр.I0, зн.2), первого класса (пр.I6, зн.2); I2 – притупляющая (пр.I0, зн.5), незубчатая (пр.I4, зн.2), второго класса (пр.I6, зн.2)

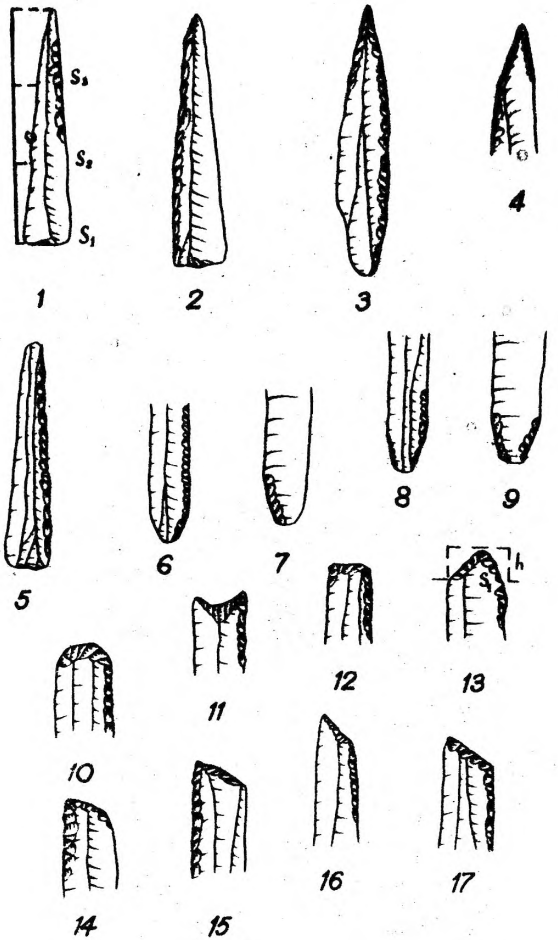

Рис.3. Форма концов

1–4 – точечные концы (пр.1, зн.2). 1 – необработанный ВКО (пр.2, зн.2); 2 – обработанный (пр.2, зн.1) ретушью одного края (пр.3, зн.1) ВКО; 3 – обработанный (пр.2, зн.1) ретушью обоих краев (пр.3, зн.2), симметричный (пр.4, зн.1) ВКО; 4 – то же, несимметричный (пр.4, зн.2);

5–17 – линейные концы (пр.1, зн.1). 5 – необработанные (пр.2, зн.2), сформированные ретушью краев (пр.2, зн.3); 6,7 – одного края (пр.3, зн.1); 8,9 – сформированные ретушью обоих краев (пр.3, зн.2);

10–13 – поперечные (пр.4, зн.1), перпендикулярные (пр.5, зн.1); 10 – выпуклый (пр.6, зн.1); 11 – вогнутый (пр.6, зн.2); 12 – прямой (пр.6, зн.3); 13 – стрельчатые (пр.6, зн.6);

14–17 – поперечные (пр.4, зн.1), скошенные (пр.5, зн.2). 14 – выпуклый (пр.6, зн.1), острый угол у ПШК (пр.11, зн.2); 15 – прямой (пр.6, зн.3), острый угол у ПШК (пр.11, зн.2); 16 – вогнутый (пр.6, зн.2), острый угол у ВШК (пр.11, зн.1); 17 – прямой (пр.6, зн.3), острый угол у ВШК (пр.11, зн.1)

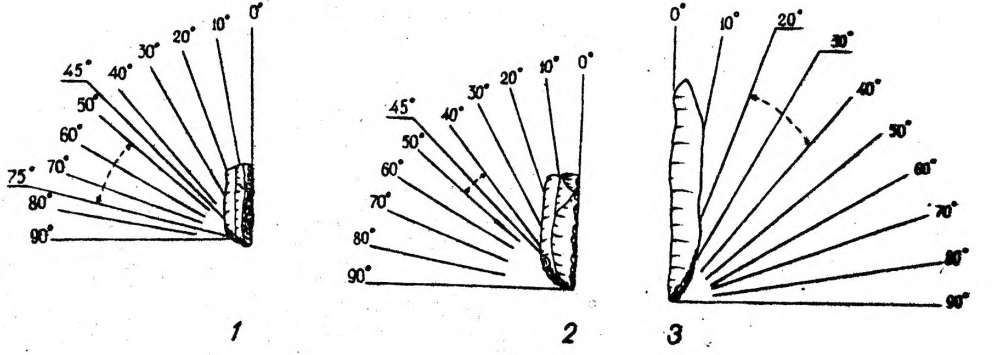

Рис.4. Способ различения скошенного выпуклого конца и дугообразных концов

I. Скошенный выпуклый – линейный (пр.I, зн.I), обработанный (пр.2, зн.I), поперечный (пр.4, зн.I), скошенный (пр.5, зн.2), выпуклый (пр.6, зн.I), с острым углом у ПШК (пр.II, зн.2) и пределы вариаций угла между хордой дуги и длинной осью орудия;

2. Короткая дуга – линейный (пр.I, зн.I), обработанный (пр.2, зн.I), дугообразный (пр.4, зн.2), короткая дуга (пр.5, зн.3), заостренная (пр.6, зн.4), острый угол у ПШК (пр.II, зн.2) и пределы колебания угла между хордой дуги и длинной осью орудия;

3. Длинная дуга – то же, длинная дуга (пр.5, зн.4), заостренная (пр.6, зн.4), острый угол у ПШК (пр.II, зн.2) и пределы колебания угла междух хордой дуги и длинной осью орудия

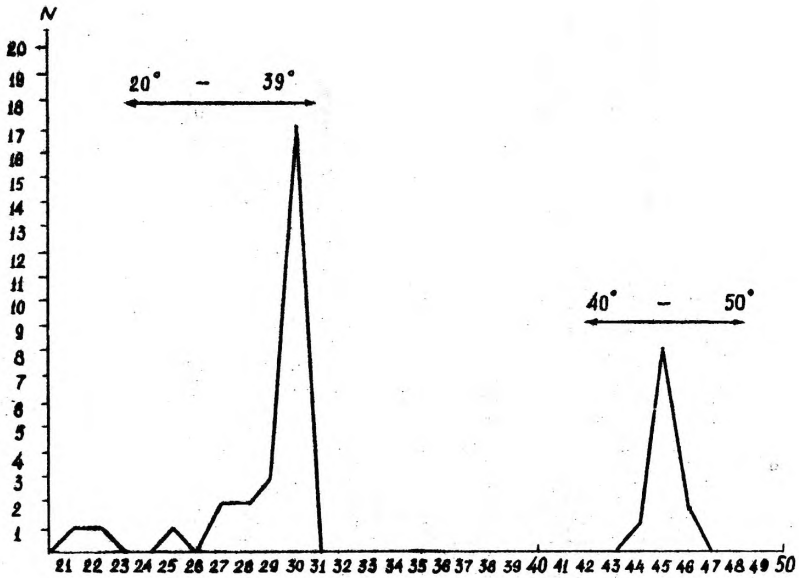

Рис.5. Распределение величин углов у дугообразных концов с короткими и длинными дугами с Третьего Мыса

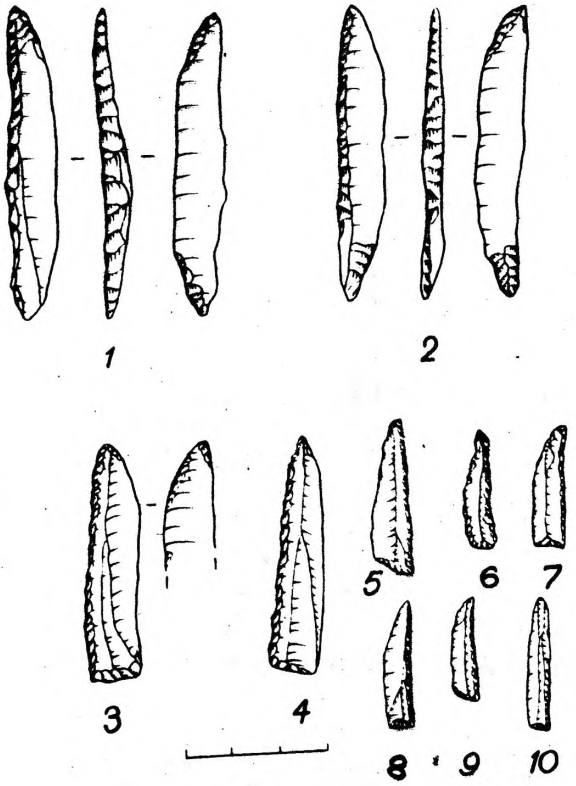

Рис.6. Типы пластинок с притупленным краем
I,2 - "рыбки" Третий Мыс;
3-I0 - "треугольники": 3 - Третий Мыс,
4-I0 - КБ П

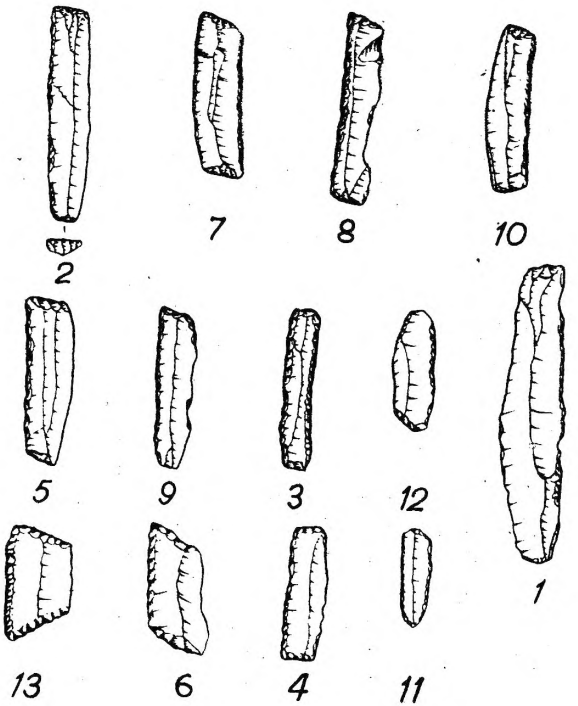

Рис.7."Четырехугольники" и их группа

I–4 – „прямоугольники": I – Авдеево, 2 – КБ I, 3,4 – КБ II; 5–I3 – „косоугольники"; 5–7 – группа "а": 5,6 – Третий Мнс, 7 – КБ II; 8–I0 – группа "б": 8,9 – КБ II, 9,I0 – КБ I; II–I2 – группа "в": II – КБ II, I2 – Третий Мнс; I3 – группа "г" – Третий Мнс

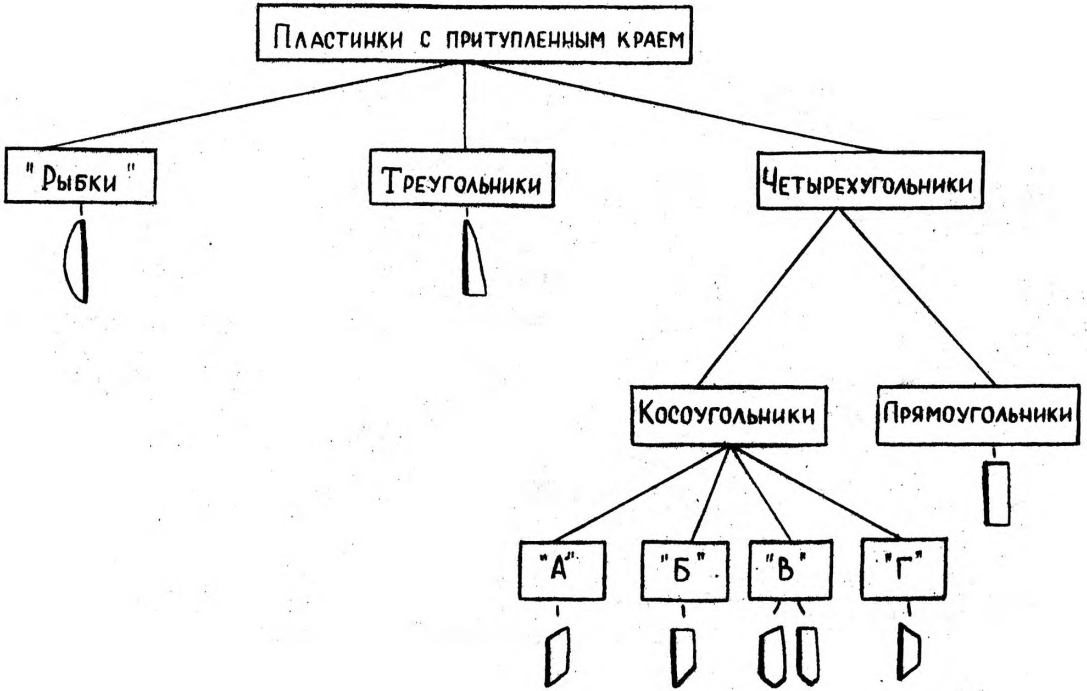
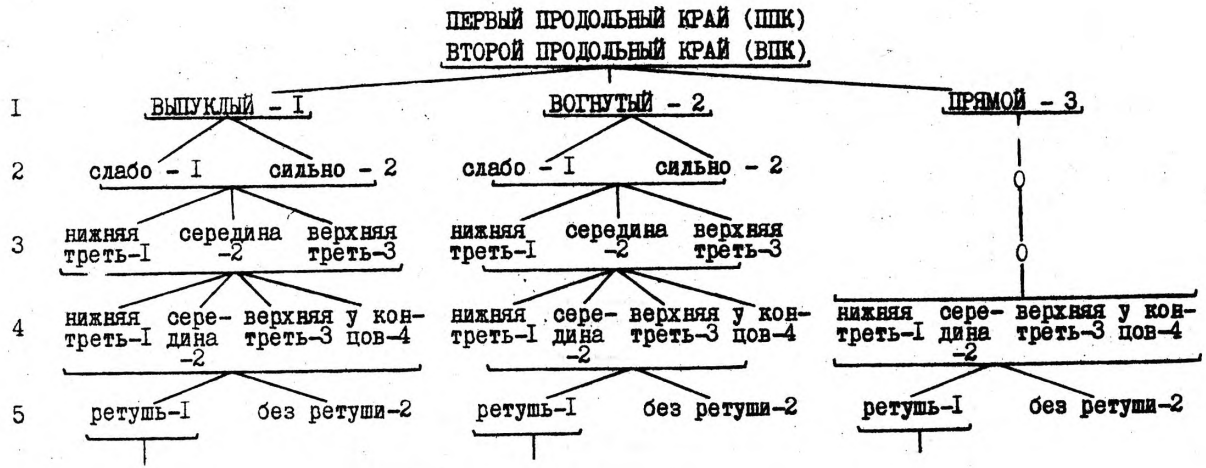

Рис.8. Классификация исследованных пластинок с притупленным краем

Таблица I

Иерархическая система описания продольных крае

Слева даны номера уровней (признаков), номера значений в тексте таблицы

Описание ретуши одинаково для всех форм краев.

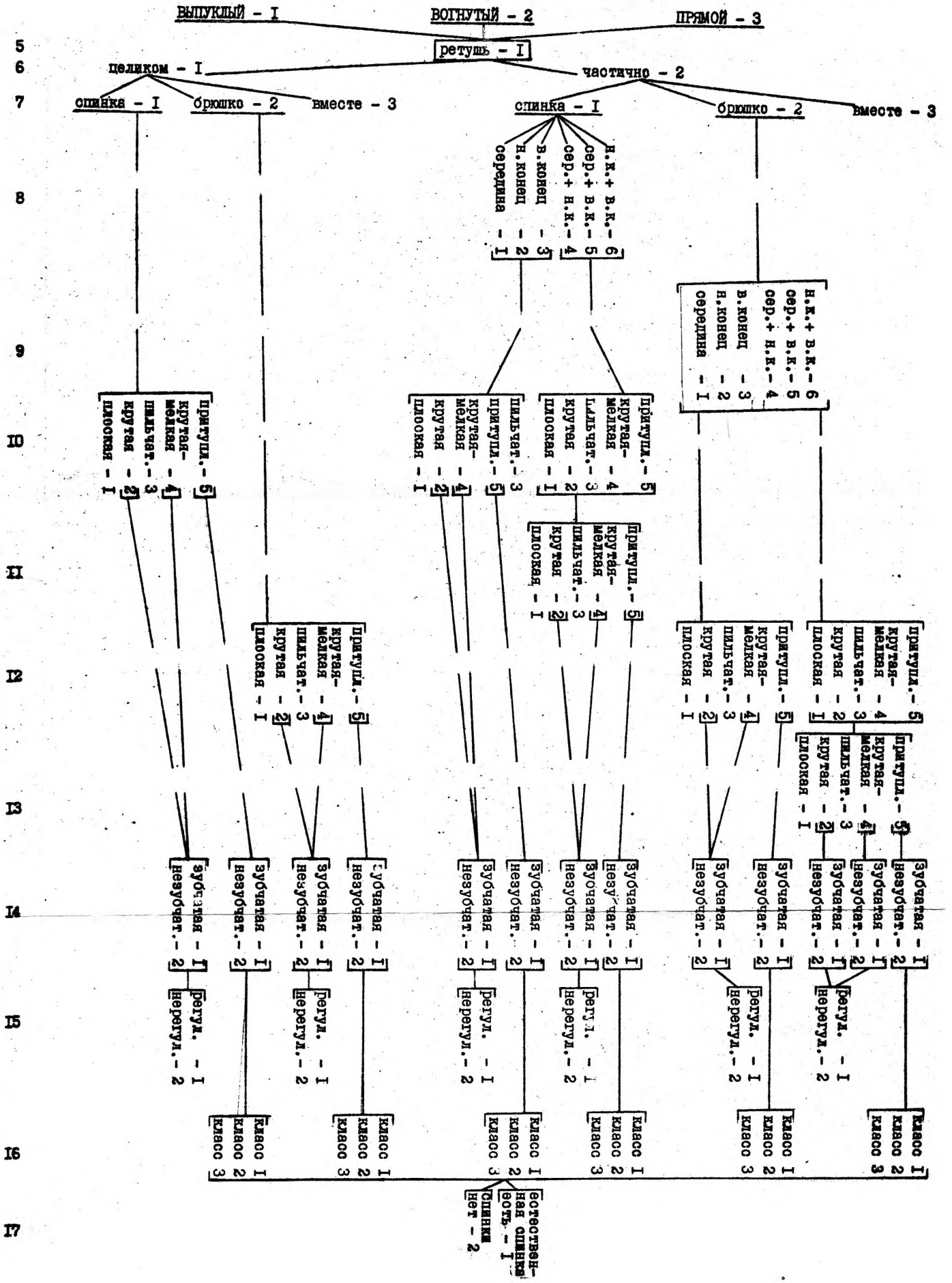
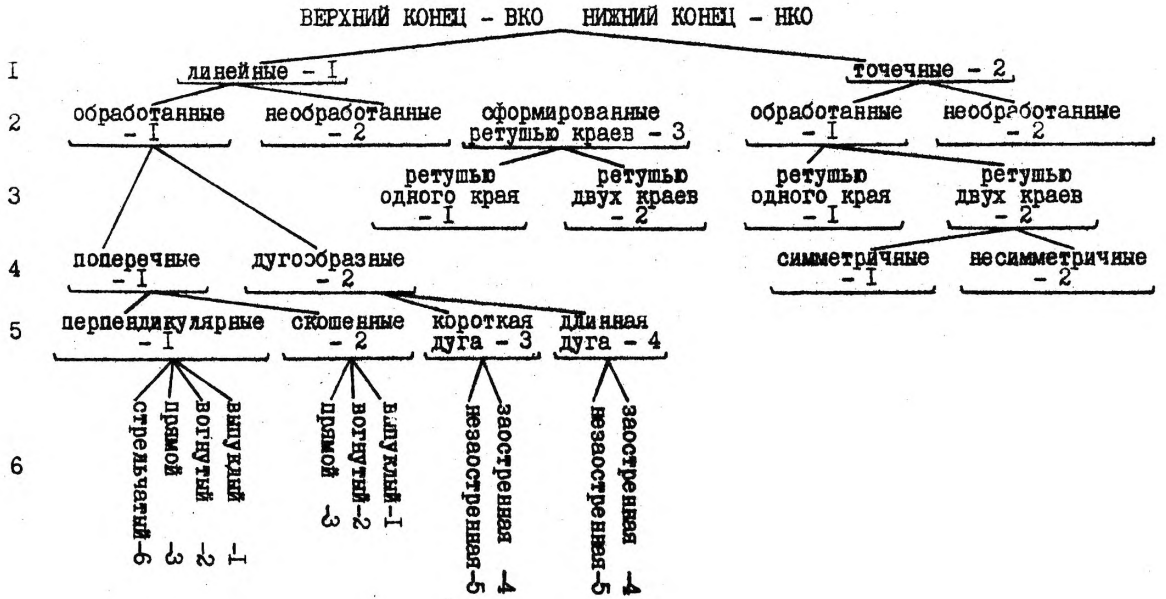

ВЫПУКЛЫЙ - I
ВОГНУТЫЙ - 2
ПРЯМОЙ - 3
ретушь - I
целиком - I
частично - 2
спинка - I
брюшко - 2
вместе - 3
середина - I
н.конец - 2
в.конец - 3
сер.+ н.к.- 4
сер.+ в.к.- 5
н.к.+ в.к.- 6
плоская - I
крутая - 2
пильчат.- 3
крутая-мелкая - 4
притупл.- 5
зубчатая - I
незубчат.- 2
регул. - I
нерегул.- 2
класс I
класс 2
класс 3
естественная спинка есть - I
спинки нет - 2

Таблица 2

Иерархическая система описания концов

Характеристика ретуши дается далее (см. продолжение таблицы 2) только для поперечных и дугообразных концов. В остальных случаях информация о ретуши (точечные и оформленные ретушью краев концы) фиксируется по таблице I.

Продолжение таблицы 2

Таблица 3

Различение памятников по различным значениям одинаковых признаков, занимающих первое и второе место

	КБ I		КБ II		ЗМ	
А	8 15 10. 8	9	8 15. 8. 10.	9	8. 15 10.	6 9.
		9. 6		5 8 9 5 6	4 5 6 9 7 8	5. 9. 5. 6.
КБ I				9		9.
				5 8. 5.	8 4. 5. 6. 7. 8.	5. 5. 6.
КБ II					8.	6. 9.
					4. 5. 6. 7. 8.	8. 5. 6.

Таблица 4

Различение памятников по различным процентным долям одинаковых значений одинаковых признаков, занимающих первое и второе место

	КБ I		КБ II		ЗМ	
	6. 14. 17.	7.	6. 14. 17.	7.	6. 14. 17	7.
	6. 14. 17.		6. 14. 17.		6. 14. 17.	
р	2. 7.	2. 6. 7. 11.	2. 7. 11.	2. 7. 11.	2. 7	2. 4. 6. 7. 11.
	2. 7.	2. 7.	2. 7.	2. 7.	2.	2. 7.
КБ I						
			11.	6.	7.	4. 6.
КБ II						1.
					7. 11.	4. 6.

Таблица 5

Таблица различения процентных долей

Значения первого места							Значения второго места						
Часть орудий	№ признаков	№ значений	Памятники				Часть орудий	№ признаков	№ значений	Памятники			
			А	КБ I	КБ II	ЗМ				А	КБ I	КБ II	ЗМ
ШК	6	I	83,0	97,7	94,3	94,2	ШК	6	2	I7,0	2,3	6,6	5,8
	I4	2	74,0	93,2	87,4	94,2		I4	I	26,0	6,8	I2,6	5,8
	I7	2	79,5	I00	94,0	95,0		I7	I	20,5	0	6,0	5,0
ВПК	I	3	72,0	66,0	65,0	50,0[x]	ВПК	—	—	—	—	—	—
	7	I	57,0	9I,0	94,0	95,0							
ВКО	2	I	76,5	96,0	94,0	88,0	ВКО	2	2	20,0	4,0	6,0	4,0
	7	I	57,0	9I,0	98,0	63,0		7	2	37,0	4,5[x]	2,0	0
	II	2	63,0	53,0	37,0[x]	60,0							
НКО	2	I	58,0	8I,0	85,0	9I,0	НКО	2	2	42,0	I2,0	I5,0	54,0
	4	I	87,0	85,0	96,0	55,0							
	6	3	59,0	29,0[x]	58,0	33,0							
	7	I	47,0	9I,0	98,0	65,0		7	2	45,0	5,0[x]	I,0[x]	23,0
	II	2	63,0	80,0	82,0	89,2							

x – обозначены те случаи, когда два значения делят I и 2 место.

К таблицам 3-5.

Каждый памятник сравнивается с каждым. Каждый большой квадрат служит для сравнения пары памятников. В левой верхней четверти записывается номер признака ПЗК, по которому он различается с другими памятниками. В правой верхней четверти записываются данные по ВЗК, в левой нижней четверти по ВКО и нижней правой по НКО.

В каждой четверти квадрата в верхней строчке расположены различающие признаки, занимающие первое место (табл.4), или признаки, чьи доли занимают первое место (табл.5), вторую строчку занимают различающие по второму месту признаки (табл.4) или тоже для доли процентов (табл.5).

Значения различающих признаков расшифрованы в тексте (стр.28-29). В таблице 5 даны процентные доли значений признаков к таблице 4.

Таблица 6

Распределение выделенных групп по памятникам

Памятник	Пластинки с притупленным краем									
	Всего	Целые экз.	Нечетырехугольники			Четырехугольники				
			"рыбки"	"треугольники"	Прочие формы	Всего	Целые	Обломки	Прямоугольники[x]	Косоугольники[x]
КБ I	44	I3	—	2 (4,5%)	6 (I3,5%)	36 (82%)	II (25%)	25 (57%)	2 (I8,2%)	9 (25%)
КБ II	320	II6	—	30 (9,4%)	48 (I5%)	242 (75,6%)	86 (26,9%)	I56 (48,7%)	20 (24%)	66 (76%)
3 М	87	49	3I (35,6%)	3 (3,5%)	2I (25,2%)	32 (35,7%)	I5 (I7,2%)	I7 (I8,5%)	2 (I3%)	I3 (87%)
А	2II	38	—	—	I33 (62,6%)	79 (37,4%)	38 (I8%)	4I (I9,4%)	27 (7I%)	II (29%)
Всего	662	2I0	3I	35	208	389	I50	239	5I	99

x % прямо- и косоугольников взят от числа целых четырехугольников, во всех прочих случаях за 100% принято общее число пластинок на памятнике.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
вып. I. 1974

Г.И.Медведев, Г.Н.Михнюк,
И.Л.Лежненко

О НОМЕНКЛАТУРНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ И МОРФОЛОГИИ НУКЛЕУСОВ В ДОКЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ ПРИАНГАРЬЯ

В настоящей статье делается попытка приведения в единую систему номенклатурных понятий, обозначающих различные детали или элементы нуклеусов, и предварительное описание наиболее типичных нуклеусов, происходящих из палеолитических и мезолитических памятников Приангарья. Другими словами, авторы предлагают пробный вариант унифицированного номенклатурного реестра для описания одной из обширнейших групп каменного инвентаря сибирских докерамических комплексов, которая до сих пор не получила в специальной литературе должной квалифицированной характеристики[1]. Нам представляется, что упорядочение археологического словаря за счет отбора и применения к описываемым предметам единых, четких и по возможности лаконичных обозначений должно создать конструктивную основу и облегчить составление будущих региональных классификаций, которые обеспечат не только возможность визуального типологического сопоставления,

1. Исключение составляет лишь статья З.А.Абрамовой по микронуклеусам Енисея (1971), в которой, к сожалению, нет четкого определения элементов нуклеуса и в связи с этим отдельные, выделяемые автором признаки плохо читаются.

но и позволят применить к исследуемым объектам принцип метрических измерений.

Ставя перед собой задачу систематизации номенклатурных обозначений нуклеусов, авторы исходят из следующих положений: I) нуклеус рассматривается как модель или идеальный тип. элементы или технологические детали которого неизменны в своей сущности; 2) но сочетания этих элементов или их комбинации могут быть и являются на самом деле чрезвычайно вариабильными, вплоть до выпадения некоторых из них, что фиксирует различные технологические приёмы и создает типологические аномалии как внутри отдельных индустрий, так и между региональными комплексами.

Для определения технологических элементов модели нуклеуса мы приняли за идеальный тип собирательные призматическую и клиновидную формы, поскольку в них присутствуют все элементы, рассеянные с различной степенью концентрации в нуклеусах как радиального, так и параллельного принципов расщепления камня. В двух последних техниках добавились элементы сугубо для них специфичные, что нами специально отмечено на схеме (рис.I).

В выборе соответствующего обозначения как технологического, так и морфологического порядка мы применили компилятивный метод и использовали терминологию, употребляемую различными авторами, принимая или исключая те или иные наименования (Паничкина, I959; Любин, I965; Morlan , I966; Hayashi, I968; Sanger I968, I970; Anderson, I970, I970a; Медоев, I972; Сулейманов, I972).

Мы придерживаемся системы четырех принципов (или систем) расщепления камня - клектонской, радиальной, леваллуазской (субпараллельной?) и призматической (Любин, I965; Медоев, I972; Сулейманов, I972). Первыми тремя определяется специфика техники расщепления в раннепалеолитическое и переходное к позднему палеолиту время. Призматический принцип господствует в позднем палеолите и мезолите при сохранении определенного процента метаморфизованных приемов раннего палеолита. Наименование типа нуклеуса может определяться сугубо морфологическими, технологическими деталями или метрическими показателями при обязательном подробном описании последних, но за рамками этих категорий едва ли следует искать какие-то новые критерии. Например, возможно

сохранить термины "треугольный", "четырехугольный плоский" нуклеусы при описании их технологии, но недопустимо, например, применение термина "галечный нуклеус", представляющего издержку несостоятельной теории "галечных культур" в Северной Азии и не выдерживающего ни специфику приемов расщепления, ни морфологию исследуемого объекта, и, наконец, не определяющего даже сугубо второстепенного признака предмета - петрографический субстрат.

Для работы, независимо от метода (визуального или метрического), мы считаем возможным отбирать лишь те образцы, которые представляют "готовую" форму. Другими словами, в наличии должны быть все основные элементы данного типа. Исключение можно допустить лишь в том случае, когда в процессе подготовки к расщеплению выполнены все вспомогательные операции, и не было произведено лишь само снятие, но все остальные детали морфологически четкие, и нет сомнения в том, что предмет не предназначен для других целей. Если заготовка нечеткая и снятий нет, такой предмет следует отнести к иной категории изделий.

Для "готовых" нуклеусов мы предлагаем следующую схему номенклатурных обозначений (рис.I).

Фронт (Sanger, 1970) - основной элемент, выделяющий нуклеус как таковой и определяемый всей формой заготовки и негативами снятий - продуктов специального расщепления - пластин и отщепов. Им мы заменяем термины "рабочая сторона", "плоскость скалывания" и т.д. Фронт может быть: а) по рельефу и площади поверхности скалывания - "плоским", "выпуклым", "замкнутым по периметру площадки", "концентрическим", "полуконцентрическим". "Фронт" и "поверхность скалывания"могут находиться в различных соотношениях. Фронт может быть специально подготовлен и иметь специфический рельеф, но поверхность скалывания - отсутствовать, поскольку снятие не произведено; поверхность снятия может занимать лишь часть фронта и быть равной ему, в частном варианте - клиновидный нуклеус выходить за его пределы; б) по контуру - "круглым", "овальным", "четырехугольным", "трапециевидным", "треугольным". Фронт у всех нуклеусов имеет два края - "проксимальный" (у площадки) и "дистальный" (у дистального конца). В большинстве слу-

чаев добавляются еще два края - "латеральные" (при наличии боковых плоскостей) или "боковые" - при отсутствии латералей и замещении их ребрами (плоские нуклеусы). В совокупности четыре "края" составляют "контур" фронта. Для удобства описания фронт можно членить по вертикали на "трети" (сегменты у пластин, Aigner, 1970) - "проксимальную", "среднюю", "дистальную". В частном варианте у двуплощадочных полюсных нуклеусов при одном фронте будет два проксимальных края. Дистальный конец выпадает из модели и замещается "дистальной линией" - границей одноименных концов пластин в средней трети фронта. Данные визуальных наблюдений и метрические показатели этой линии могут иметь важное типологическое значение.

Контрфронт - противостоящий фронту элемент модели. Этим термином мы заменяем термины "тыльная сторона", "спинка", "сторона, противоположная снятию" и т.д. При необходимости детальной характеристики он может также иметь обозначенные четыре края, соответствующий рельеф и членяться на трети. В ряде форм контрфронт замещен вторым фронтом. В таком случае нуклеус получает наименование "бифронтальный" (в отличие от "монофронтального"). В этом варианте контрфронт выпадает из модели. "Монофронт" и "бифронт" представляются нам более удобными терминами, чем "бифас" (Anderson, 1970), поскольку последний употребляется чаще при описании орудий труда.

Контрфронт может быть представлен естественной поверхностью петрографического субстрата и различного рельефа, обработанной вплоть до "гребня" у специальных заготовок.

Площадка. В это установившееся понятие мы предлагаем дополнительно внести следующие элементы: "контур" (Anderson, 1970), "рабочий сегмент", "рабочую дугу" (Сулейманов, 1972),"рабочую кромку". Два последних элемента часто совпадают, но у некоторых форм практически нет измеряемой рабочей дуги, кромка же обязательна для любого типа нуклеуса. Ретушь или сколы, оформляющие рельеф площадки (в особенности у клиновидных нуклеусов), могут быть: 1)"продольно-ориентированными"; 2) "поперечно-ориентированными"; 3) "диагонально-ориентированными". Для более удобного пользования тремя отмеченными признаками можно вводить понятия: "продольная ось" и "поперечная ось площадки"(Hayashi,

1968; см. реферат Лежненко в настоящем сборнике). Пространственное положение поверхности площадки по линии "фронт – контрфронт" может определяться терминами "косая", "прямая", "тупая" площадки; по линии "латераль – латераль", она может быть "латерально-скошенной", "горизонтальной", "вогнутой", "выпуклой". В рабочей кромке площадка (рабочий сегмент) и фронт образуют оптимальный "рабочий угол", утрата которого ведет или к прекращению эксплуатации нуклеусов, или к переоформлению площадки.

Латераль. Этим термином мы заменяем его дословное русское значение "бок" и употребляемые часто наименования "боковая грань", "боковая поверхность". При рассмотрении нуклеуса с фронта будут соответственно выделяться правая и левая латерали. Латераль, как и фронт, имеет четыре края: "проксимальный", "дистальный", "фронтальный" и "контрфронтальный". У нуклеусов радиального принципа расщепления ребро тождественно "рабочей кромке". Встречены варианты, когда одна из латералей, как и контрфронт, является поверхностью снятия. В таком случае нуклеус будет полифронтальный, в отличие от "ортогональной" формы, имеющей три и более фронта, расположенных без предпочтительной ориентации.

Киль – термин, наиболее приемлемый для описания клиновидных нуклеусов, но частичное выражение его возможно и у некоторых призматических форм. Киль образуется конвергенцией дистальных краев латералей, из которых хотя бы одна должна быть специально обработана.

Гребень – модификация контрфронта у некоторых призматических и клиновидных нуклеусов. Образуется конвергенцией контрфронтальных краев латералей. Конвергенция может быть вызвана специальной обработкой, но встречаются призматические формы с естественной конвергенцией латералей ("естественный гребень"). У клиновидных нуклеусов выделение отдельно "киля" и "гребня" сопряжено иногда с трудностью отличить границу между ними, а у некоторых экземпляров отсутствует или "киль", или "гребень", что, впрочем, при серийности того или иного варианта может служить хорошим типологическим индикатором.

В настоящее время в докерамических комплексах Приангарья известны нуклеусы трех принципов расщепления.

Нуклеусы радиальные. Наименьшая по числу экземпляров группа, выделяемая нами условно. Собраны на поверхности высоких террас правобережья р.Ангары.

I. Радиальный бифронт (рис.2 - I). Фронты "конусно-выпуклые", контур округлый или овальный; рабочая кромка является одновременно "ребром", а поверхность одного фронта - потенциальной площадкой для другого. Иллюстрируемый экземпляр, как и другие аналогичные предметы, в приангарских местонахождениях самостоятельного значения не имели, а радиальный принцип выступал в роли оформителя заготовки уже иного типа.

2. Радиальный монофронт. Фронт "конусно-выпуклый". Контур четырехугольный, нечеткий: контрфронт представлен валунной коркой и плоскостью естественного расслоения. Негативы нескольких сколов не относятся к категории оформляющих. Края контрфронта являются одновременно площадкой, рабочей кромкой и ребром. Рабочий угол обусловлен сопряжением конфигурации естественной, практически необработанной поверхности контрфронта и направлением снимающего удара (рис.I - 2).

Термин "диск" мы не употребляем в связи с весьма узкой его разрешающей способностью лишь в среде небольшого количества предметов. Аномалий, не являющихся "дисками", но выполненных в радиальной технике, значительно больше, и мы присоединяемся к предложениям заменить понятие "диск" понятием "радиальный" (Медоев, 1972).

Нуклеусы левалуазского принципа расщепления. Как и радиальные формы собраны на поверхности высоких террас, но представляют устойчивые серии.

3. Одноплощадные монофронтальные с округлым или овальным контуром фронта ("круглые?"). Выполнены в комбинации радиальной (подготовка) и параллельной (снятие) техник. Ребро выполняет роль рабочей кромки только на одном участке контура с дополнительной подработкой для образования оптимального угла. Является формой переходной (рис.3; 4 - I,2).

4. Двуплощадный бифронтальный с полюсным расположением площадок и фронтов (рис.4). Контур фронтов - овальный, рельеф - плоский, образованный в каждом случае одним

снятием по всей поверхности. Площадки косые, тщательно оббиты обработка – фронтальная. Тип условно может именоваться "черепаховидным" (Паничкина, 1959; Любин, 1965).

5. Одноплощадочный монофронтальный с выраженной конвергенцией латералей или ребер и негатов снятий к дистальному концу нуклеуса и одноименному краю фронта. Площадка широкая, иногда секционная, косая, обработка площадки – фронтальная. Линия рабочей кромки – ломаная. Сходе с "треугольными" леваллуазскими формами (рис.6).

6. Двуплощадочные и одноплощадочные монофронтальные нуклеусы. Фронт плоский, контур "четырехугольный". Площадки косые, обработка площадок – фронтальная. Линия рабочей кромки – ломаная. Контр фронт представлен: а) естественной поверхностью гальки; б) частично или полностью обработанной радиальными или параллельным сколами плоскостью (рис.7 – I,3).

От типа 3 к типу 6 отмечается последовательное уплощение нуклеусов по фронту при полном отсутствии латеральных плоскостей или угнетенном их проявлении. При этом, у отдельных экземпляров достаточно четко выражен признак призматичности или параллельности расщепления.

Фронтально-плоские формы имеют в дальнейшем место в позднем палеолите и мезолите Приангарья, проявляясь в следующих т пах:

7. Одноплощадочных монофронтальных (рис.8 – 5);

8. Двуплощадочных монофронтальных с косыми полюсными площадкам

9. Двуплощадочных монофронтальных с сопряженными под углом 90° косыми площадками.

I0. Двуплощадочных бифронтальны с сопряженными по антитезе косым площадками и противостоящими фронтами, имеющими вз имное угловое выражение пересечений негативов 90° (рис.8 – 4

Но типы 7–I0 встречаются уже в окружении господствующей техники призматического расщепления. Впервые в Приангарье мы

обнаруживаем их в индустрии Мальтинской палеолитической стоянки, где призматический принцип снятия является основным техническим приемом. Представление о наличии здесь радиальной техники (Anderson, 1970) или какой-то "подпризматической" (Ларичев, 1971) - ошибочно. Три имеющихся в коллекциях Мальты так называемых "диска" нуклеусами не являются, а представляют своеобразные заготовки каких-то орудий. Самый поверхностный визуальный анализ дорсалов мальтинских пластин свидетельствует о снятии их с одноплощадочных монофронтальных призматических или плоских нуклеусов. К сожалению, их нет в составе каменной индустрии стоянки, за исключением двух малоыразительных призматических экземпляров и нескольких чрезвычайно своеобразных комбинированных нуклеусов-орудий (?) (рис.8 - 2,3; рис.9 - 8). Следует отметить, что в коллекциях Мальты нет совершенно и клиновидных нуклеусов, а приводимые в качестве их М.З.Паничкиной экземпляры (1959; рис.20 - 3; рис.30 - 1,3), таковыми в действительности не являются.

Мальта - памятник экзотический в свите докерамических комплексов Восточной Сибири. Поэтому здесь как нигде в другой индустрии этого обширного региона широко представлена призматическая пластинчатая техника и, наоборот, отсутствует североазиатская специфика - клиновидный нуклеус.

Призматический нуклеус, испытывая значительное число мелких аномалий, в целом представлен несколькими достаточно устойчивыми формами.

11. **Двуплощадочный или одноплощадочный монофронтальный призматический нуклеус.** В обоих случаях - площадка косая. У этого типа нуклеуса (рис.9 - 8) обычно выражены латерали и контрфронт, которые могут быть обработаны или иметь естественную поверхность расщепления, галечной корки, конкреции. Фронт таких нуклеусов обычно "полуконцентрический".

12. Соотношение ширины латералей (от фронта к контрфронту) и фронта ($\mathcal{N} \geq 2^0$) дает основание выделять из среды данного типа **"латерально-плоский" нуклеус**, встречаемый в мезолитических индустриях Приангарья типа Верхоленской Горы и Царь Девицы (рис.10 - 6) и выполненный на плитках аргиллита.

I3. Возможны варианты одноплощадочных бифронтальных, иногда латерально плоских призматических нуклеусов, они имеют место в индустриях раннего и финального мезолита и представлены в микроформах (рис.I0 - 2-4)[2]. Встречаются варианты бифронтальных микронуклеусов иных пропорций и с двумя полюсными площадками.

I4. Как вариант этого типа в мезолитических индустриях существует призматический нуклеус с одной, но чаще - с двумя полюсными площадками, у которого два полуконцентрических фронта смыкаются, образуя "замкнутую" по контуру поверхность скалывания (рис.9 - I,4), в отличие от "концентрической", образуемой сплошными снятиями по контуру с одной площадки (рис.9 - 2,3,5, 6,7). Микроформы подобного типа мы условно именовали "бочонкообразными" (Медведев, I97Iв).

I5. Возможен вариант призматического полифронтального одноплощадочного нуклеуса, у которого четыре плоских фронта сопряжены и образуют четырехугольную по контуру площадки замкнутую поверхность скалывания (рис.9 - 9).

I6. Чрезвычайно своеобразны формы мальтинских нуклеусов, которые, вероятно, единственные в Приангарских комплексах имеют право называться нуклеусами-скребками (рис.8 - 2). Это комбинация призматического плосколатерального нуклеуса со скребковым лезвием. Собственно, лезвием представлен контрфронт, а латерали нуклеуса являются соответственно спинкой и брюшком скребка.

I7. В др"гих вариантах подобной комбинации скребковое лезвие замещено вторым фронтом, коротким и широким, а латераль одного фронта является площадкой для второго и выполнена двумя пластинчатыми снятиями от одного фронта к другому (рис.8 - 8). Подобные варианты единичны и в Мальте,и в индустриях более поздних, но тем не менее, эта "комбинированная", как мы ее пока называем, форма живет вплоть до финального мезолита (рис.8 - I).

---

2. Мы считаем, что микроформы и клиновидные нуклеусы должны быть предметом специального исследования и здесь мы обращаемся к ним в самой предварительной форме.

К нуклеусам призматического принципа расщепления относятся и клиновидные нуклеусы. У последних не всегда бывает выражена рабочая дуга фронта, но в данном случае этот фактор мало действенен, поскольку ширина фронта клиновидных нуклеусов достигает иногда чрезвычайно малой величины. Термин, введенный М.З.Паничкиной (1959) таксономически очень удобен. Поэтому необходимо удалить из номенклатурного реестра его более ранний синоним - "нуклеус-скребок", введенный в свое время Б.Э.Петри (1922). С другой стороны, необходимо отказаться от наименования клиновидных нуклеусов "гобийскими" (Ларичева, 1972), ибо "гоби-тип" - своеобразная, очень специфическая форма является модификацией клиновидного нуклеуса (Медведев, 1966).

О номенклатуре элементов модели клиновидного нуклеуса написано достаточно много (Morlan, 1966; Hayashi 1968; Sanger, 1968). Поэтому мы ограничиваемся лишь данными ссылками (см. в настоящем сборнике рефераты Лежненко и Воронцовой).

Клиновидным должен считаться нуклеус, имеющий четкую конвергенцию обработанных латералей, образующую киль, или гребень и киль в комплексе. Допустимо считать "клиновидным" нуклеус, у которого обработана только одна латераль. Такой нуклеус будет именоваться "клиновидным - унифасом" (Hayashi, 1968). Нуклеус, у которого обе латерали обработаны ретушью в дистальной и средней трети, можно считать "полубифасом", а полностью или на 2/3 обработанные латерали дают клиновидный "бифас". Нуклеус, который имеет дистально-конвергентные латерали, но эта конвергенция естественная, обусловленная фасами субстрата - отщепа, может именоваться "псевдо-клиновидный" или нуклеусом на отщепе. Нам эти номенклатурные обозначения представляются удобными[3]. Но внутри этих типов, объединяемых признаками группового порядка, допустимы вариации в зависимости от формы и пространственного положения площадок - признаков частных, обусловленных в свою очередь способом подготовки площадки.

18. Нуклеус клиновидный может иметь площадку, латерально скошенную, что очень характерно для позднего палеолита Енисея

---

3. К.Хайяши (1968) применяет эти термины к разновидности заготовок - blank -, но мы считаем возможным перенести их на саму модель нуклеуса для обеспечения большей четкости выделения клиновидного типа.

и Ангары [Кокарево, Красный Яр, Ш-IУ горизонта (Абрамова, 1962); Усть-Белая]. Это вызвано подготовкой поверхности площадки поперечно-ориентированной ретушью от одной из латералей (рис.II - I2). Иногда такая площадка бывает вогнутой.

I9. Подготовка площадки ретушью может совершаться по всему ее контуру; в таком случае образуется, как правило, прямая горизонтальная площадка. Подобные нуклеусы редки, известны преимущественно в финальном мезолите Приангарья (рис.IO - 4; I2 - 3).

20. Как суммарная аномалия I7-I8 типов встречается клиновидный нуклеус, у которого латерально-скошенная или горизонтальная площадка дополнена коротким, но четким фронтальным или продольно ориентированным сколом, от чего на поверхности площадки образуется "уступ" (рис.I2 - I,2). В свою очередь эта форма может быть исходной для следующих двух разновидностей.

Клиновидные нуклеусы с "гладкой" площадкой, сформированной обычно одним продольно-ориентированным сколом, образуют два варианта:

2I. Клиновидный, который может быть "бифасом", "полу-бифасом", "унифасом" (рис.II - 3,5). Обычно у такой формы очень острый рабочий угол, отсутствует контрфронт, замещаемый поверхностью ("диагональной") косой площадкой или же контрфронт представлен дистальной третью.

22. "Гобийский", который в типичной своей форме дает бифасный вариант (рис.II - 7).

"Гобийским" именуется нуклеус с низким, обычно узким фронтом и шириной латералей, превосходящей суммарные показатели ширины и высоты фронта. Иногда такой нуклеус именуют "ладьевидным" (boat shaped core, Morlan, Hayashi), но мы считаем, что последнее понятие более широкое, чем "гобийский". Площадка гобийского нуклеуса всегда гладкая, образована одним (редко двумя) продольно-ориентированным сколом. Очень редка подправка по рабочей кромке, и нигде ее не отмечается на контуре. Обычно снималась вся площадка, что обеспечивает на стоянках наличие "лыжевидных" сколов. Нуклеусы с круговой подработкой площадки, даже при наличии всех прочих атрибутов "гоби-типа" не могут считаться гобийскими. Пробные формы иногда фиксируются в финальн

мезолите и являются "псевдогобийскими", ибо вполне очевидна утрата одного из главных традиционных приемов оформления и эксплуатации нуклеуса - подготовка площадки продольно-ориентированным сколом. Но и наличие такого скола без соблюдения остальных признаков - специфических пропорций и рельефа латералей - не дает права выделять этот тип только по характеру оформления площадки. В Японии этот нуклеус изготовлялся в двух техниках - Юбетсу и Хорока (Morlan, 1966). В палеолите Забайкалья (Икаральская стоянка, Шамсутдинов, 1966) и Приангарья (Красный Яр, Медведев, 1966) элементы этих двух техник находятся в совмещенном, недифференцированном состоянии, что лишний раз подчеркивает континентальные корни своеобразных технологических приемов докерамического комплекса о.Хоккайдо. В Забайкалье и Приангарье для его изготовления применялся зачастую плитчатый или плоско-галечный субстрат, не требующий таких сложных технологических манипуляций, какие выполнял древнейший абориген о.Хоккайдо. Возможно, хотя и чрезвычайно гипотетично, что именно традиционная потребность в плоском субстрате легла в основу одной из техник - Юбетсу. В том виде, в каком эти нуклеусы представлены в Приангарье, Забайкалье, далее на Восток в полосе между 40 и 55° северной широты и, наконец, в Японии, они не встречаются больше нигде. В опубликованных археологических материалах по северо-востоку Азии, островной и континентальной Аляске их пока нет, за исключением одного лыжевидного скола (Anderson, 1970а). Более того, здесь фиксируется другой очень интересный прием изготовления нуклеуса из расколотого поперек скребка (Hedleigh-West, 1967). Нуклеусы со стоянки Ушки на Камчатке (Диков, 1967) входят в группу клиновидных, но к "гобийским" типам отношения не имеют, так же как не связаны прямо и с техникой Юбетсу. Гобийский нуклеус и проблема заселения Америки могут рассматриваться пока с отрицательным знаком, но совершенно не в том плане, в каком хотелось бы этого И.П.Ларичевой (1972). Ошибка ее именно в том и заключается, что термином "гобийский" она объединила все различные по приемам оформления заготовки клиновидные нуклеусы без учета территориально-традиционных признаков и увела их вместе со второй волной переселенцев на северо-американский континент. "Гобийский" же ну-

клеус имел место на азиатском континенте и Японском архипелаге раньше этой волны 15-12 тысячелетия. Он и остался центрально-восточно-азиатской спецификой, распространившись на север (Алдан) и северо-запад (Приангарье) лишь незначительно.

Наше отступление от предмета статьи имеет свои достаточно веские основания. Мы попытались в самой сжатой и общей форме на конкретном примере "гобийского" нуклеуса показать результат отсутствия в археологии палеолита и мезолита Северной Азии сколько-нибудь разработанной системы типологической идентификации. Это один, не основной, из серии возможных многочисленных примеров. Слишком долго на огромной территории Востока и Севера Азии в ранг дефиниций возводились такие аморфные понятия как "скребло сибирского типа", "грубые рубящие орудия", "галечные нуклеусы", "эпилевалдуазские нуклеусы" и т.д. Ни один из этих и многих других типов не имел и не имеет до сих пор четкой систематики признаков, выраженных унифицированным археологическим языком. Без этого не было и нет возможности действенного учета концентрации признаков в соответствующей типологической их комбинации. Отсюда берет начало субъективный бесконтрольный произвол в сопоставлении и относительной идентификации типов изделий, морфологически и технологически зачастую резко различных. В итоге фактические наблюдения и выводы, которые должны на них основываться, подменяются абстрактными логическими построениями.

Мы не считаем необходимым производить в данной статье детальный критический разбор какого-либо археологического произведения или их совокупности - можно указать на любую статью или монографию по Северной Азии. Анализ и критика будут действенны лишь на основе разработанной типологической систематики.

Предлагаемый в настоящей статье примерный номенклатурный реестр по нуклеусам, требующий, вне всякого сомнения, серьезных доработок, общих и региональных дополнений, мы хотели бы рассматривать именно как попытку начала будущей большой работы по составлению типологической систематики с положенной в ее основу унифицированной археологической номенклатурой.

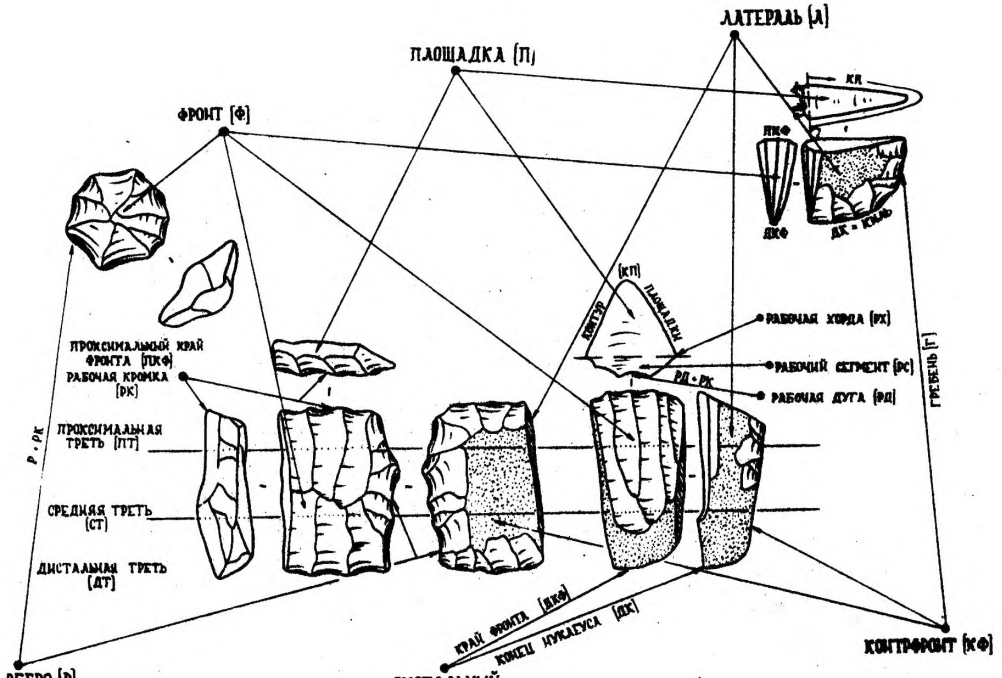
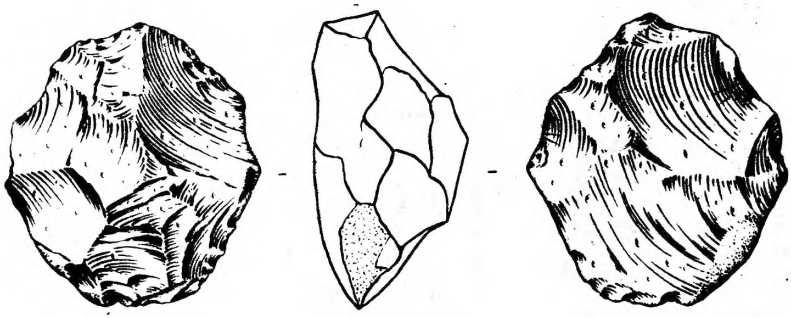
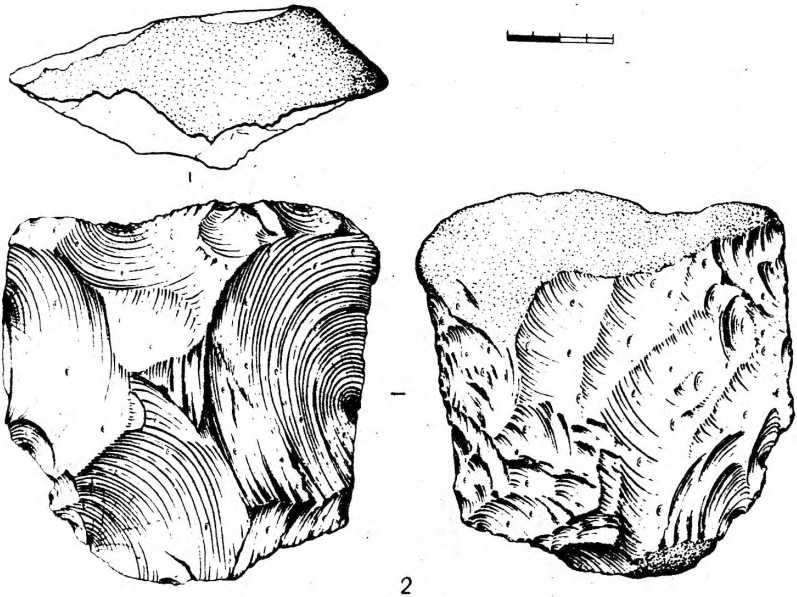

Рис. I. Схема номенклатурных обозначений деталей нуклеусов

1

2

Рис.2. Нуклеусы радиального принципа скалывания
1 – Нуклеус-бифронт, кварцит. Ранний палеолит. Гора Глиняная;
2 – Нуклеус-монофронт, кварцит. Ранний палеолит. Гора Татарская

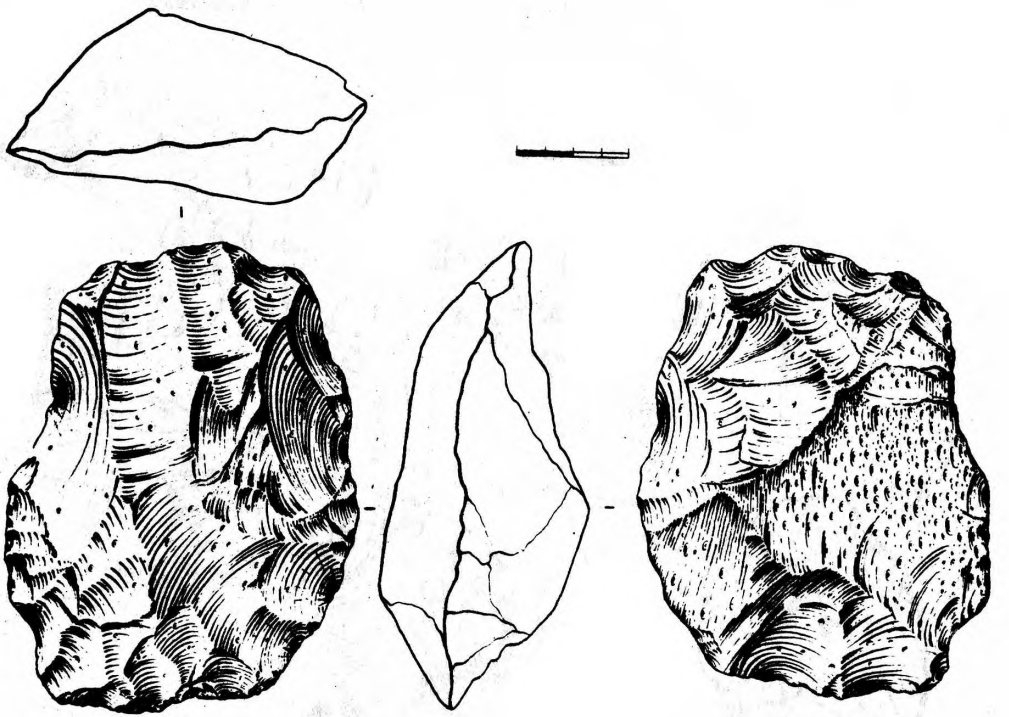

Рис.3. Нуклеус "леваллуа", кварцит. Ранний палеолит. Гора Глиняная

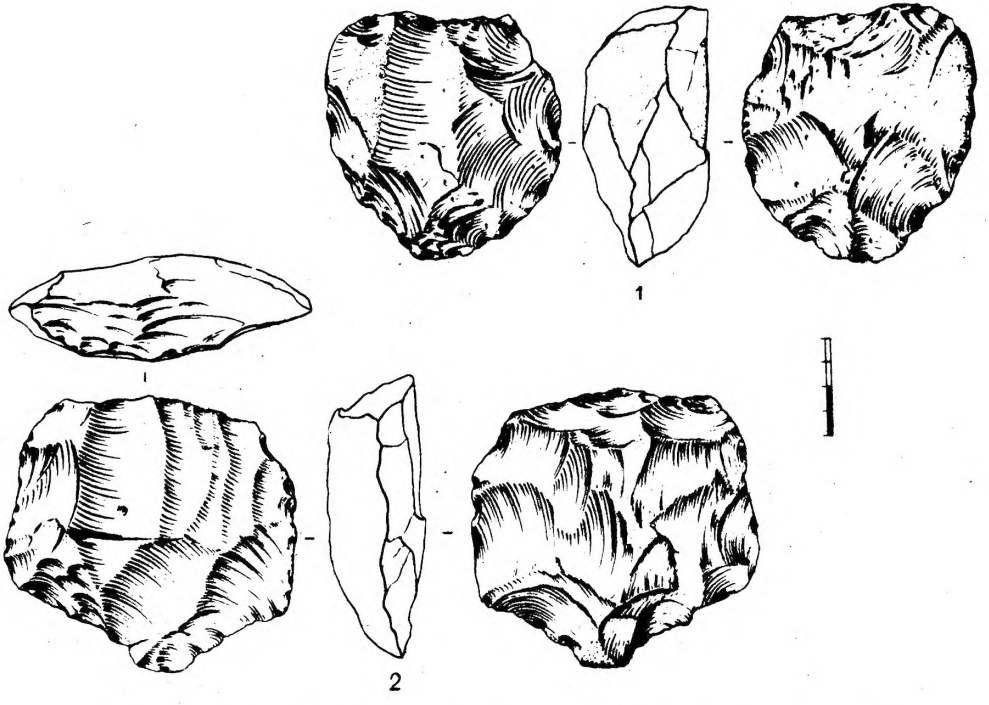

Рис.4. Нуклеусы "леваллуа", кварцит. Ранний палеолит. Гора Глиняная

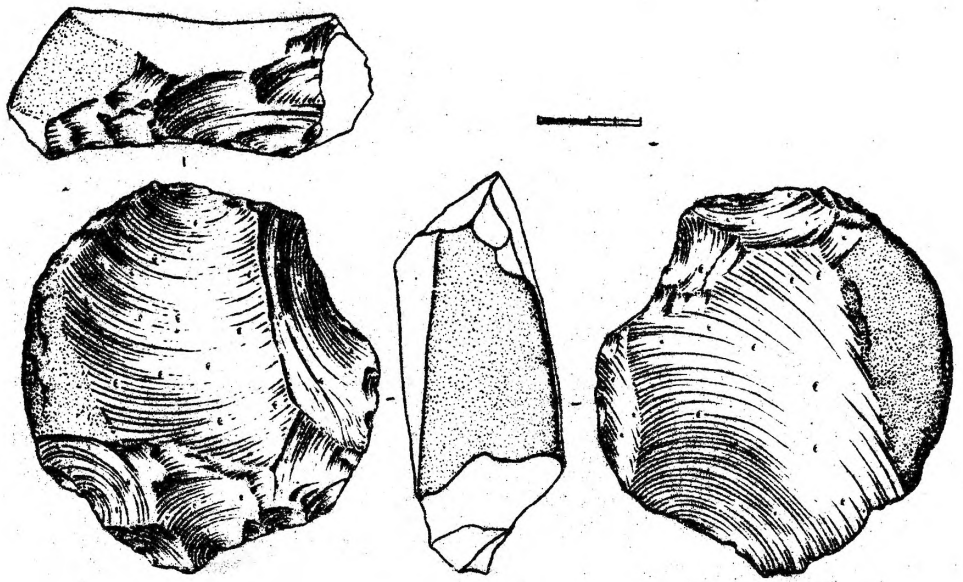

Рис.5. "Черепаховидный" нуклеус "леваллуа";
Ранний палеолит. Гора Балушкина

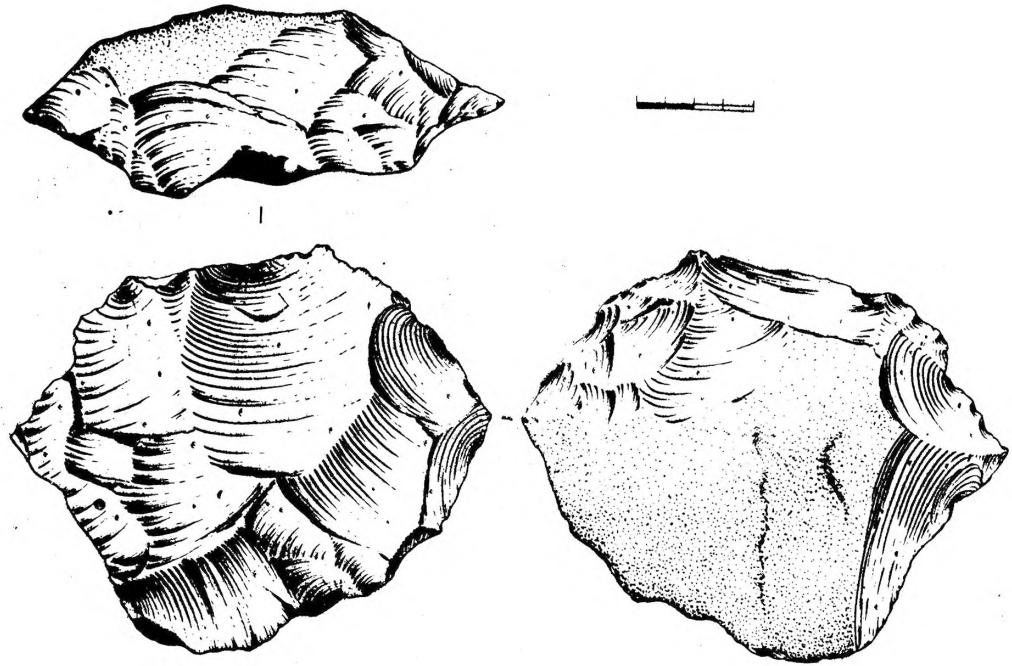

Рис.6. Одноплощадочный монофронтальный "треугольный" нуклеус, кварцит; субпараллельный принцип скалывания. Ранний палеолит. Гора Гланная

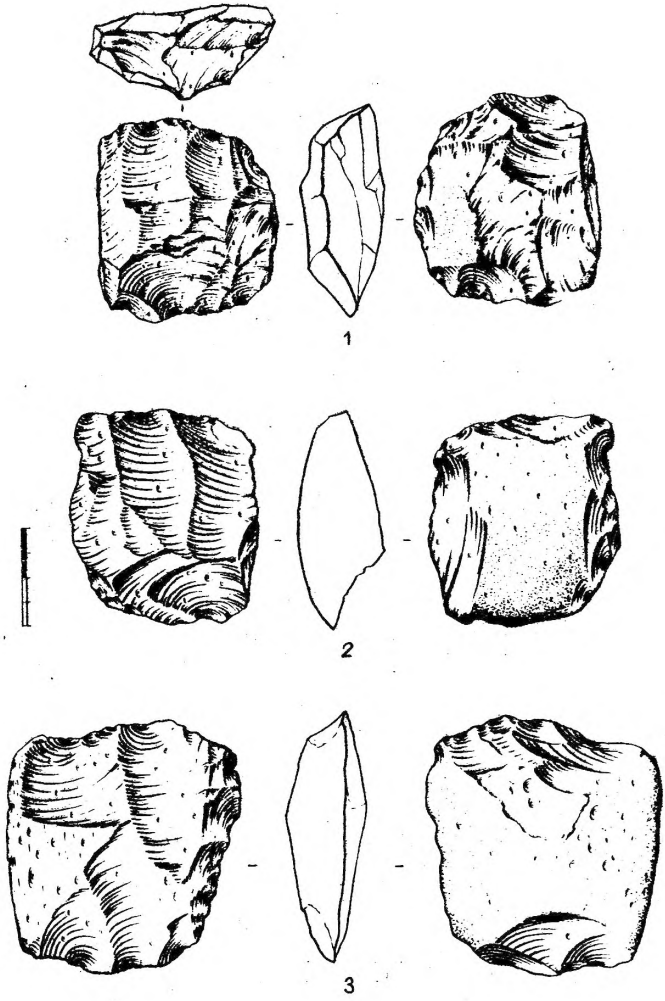

Рис.7. Нуклеусы параллельного принципа скалывания

1-2 - Одноплощадочные монофронтальные четырехугольные, плоские нуклеусы;
3 - Двуплощадочный монофронтальный четырехугольный плоский нуклеус, кварцит. Ранний палеолит: 1 - Гора Хилок, 2-3 - Гора Глиняная

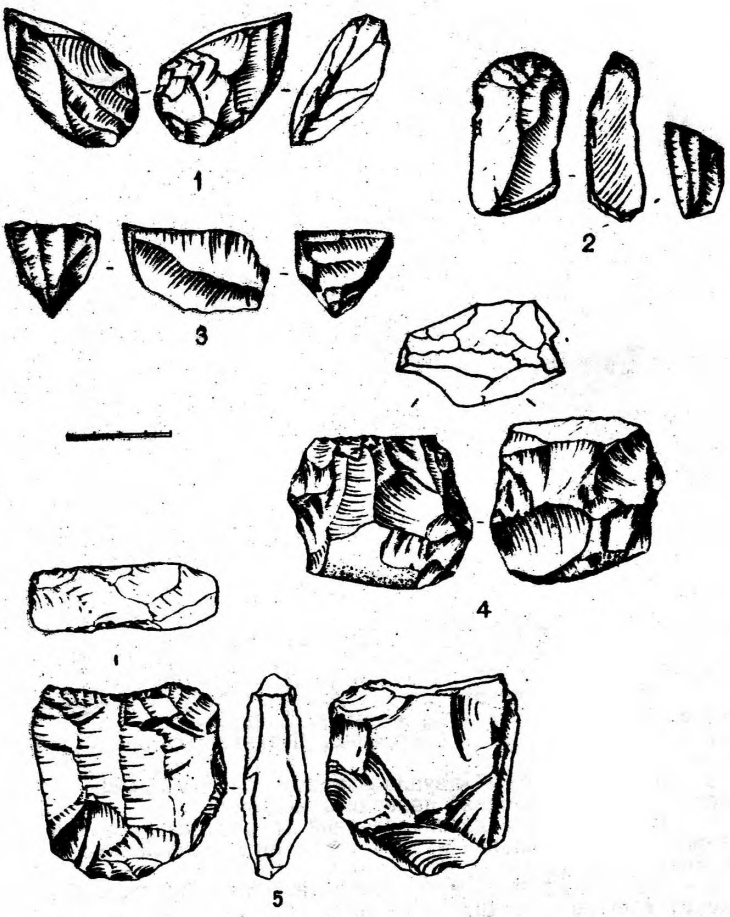

Рис.8. Нуклеусы параллельного принципа скалывания

1 – "Комбинированный" двуплощадочный, бифронтальный нуклеус, кремень. Финальный мезолит. Уляха;
2 – "Нуклеус-скребок", кремень. Поздний палеолит. Мальта;
3 – Комбинированный двуплощадочный, бифронтальный нуклеус, кремень. Поздний палеолит. Мальта;
4 – Бифронтальный двуплощадочный, с сопряженными площадками, четырехугольный нуклеус, кварцит. Ранний мезолит. Усть-Белая;
5 – Одноплощадочный монофронтальный четырехугольный нуклеус, кремень. Поздний палеолит. Сосновый Бор

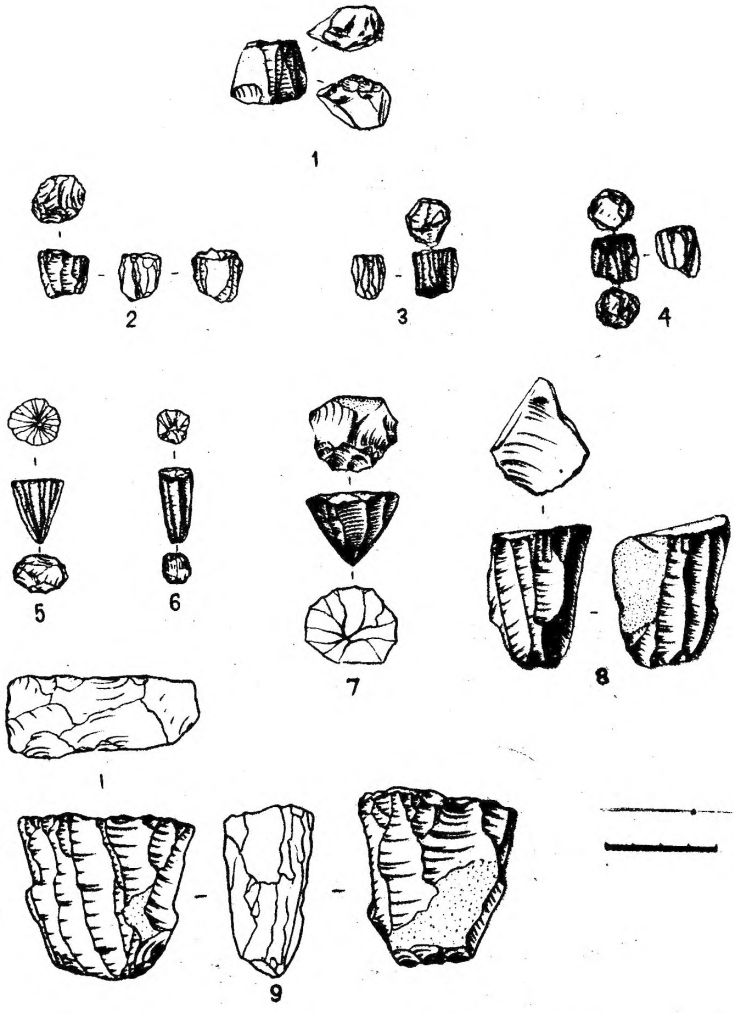

Рис.9. Нуклеусы параллельного принципа скалывания

1,4 – Микроформы двуплощадочного призматического нуклеуса с "замкнутой" поверхностью скалывания ("боченкообразная" форма), кремень. Финальный мезолит. Сосновый Бор;

2,3,5,6,7 – Микроформы призматического нуклеуса с "концентрическим" фронтом, кремень. Финальный мезолит. Сосновый Бор;

8 – "Призматический" одноплощадочный нуклеус с полуконцентрическим фронтом, кремень. Поздний палеолит. Мальта;

9 – Одноплощадочный полифронтальный "призматический" нуклеус с замкнутой поверхностью скалывания, кремень. Финальный мезолит. Сосновый Бор

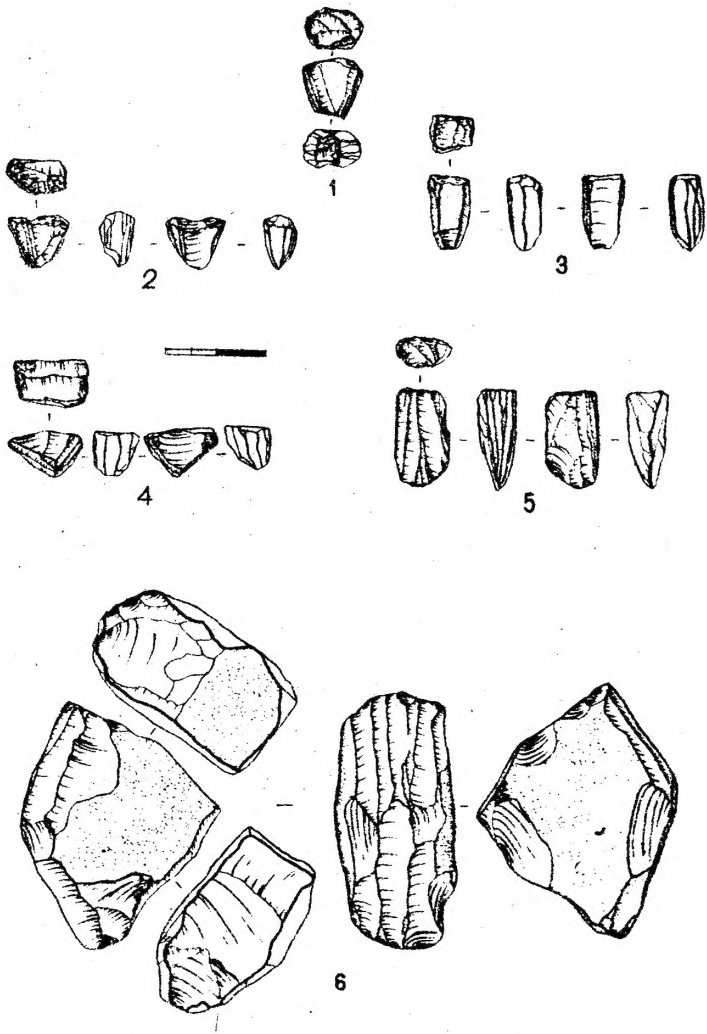

Рис.10. Нуклеусы параллельного принципа скалывания

I – Микроформа ("бочонкообразная") двуплощадочного бифронтального с полюсными площадками призматического нуклеуса, кремень. Финальный мезолит. Усть-Белая;

2,3,4 – Микроформы одноплощадочного бифронтального призматического нуклеуса, кремень. Финальный мезолит. Сосновый Бор;

5 – Клиновидный нуклеус с ровной горизонтальной площадкой, обработанной по всему периметру, кремень. Финальный мезолит. Сосновый Бор;

6 – Двуплощадочный монофронтальный латерально уплощенный нуклеус, аргиллит. Финальный мезолит. Лебединка.

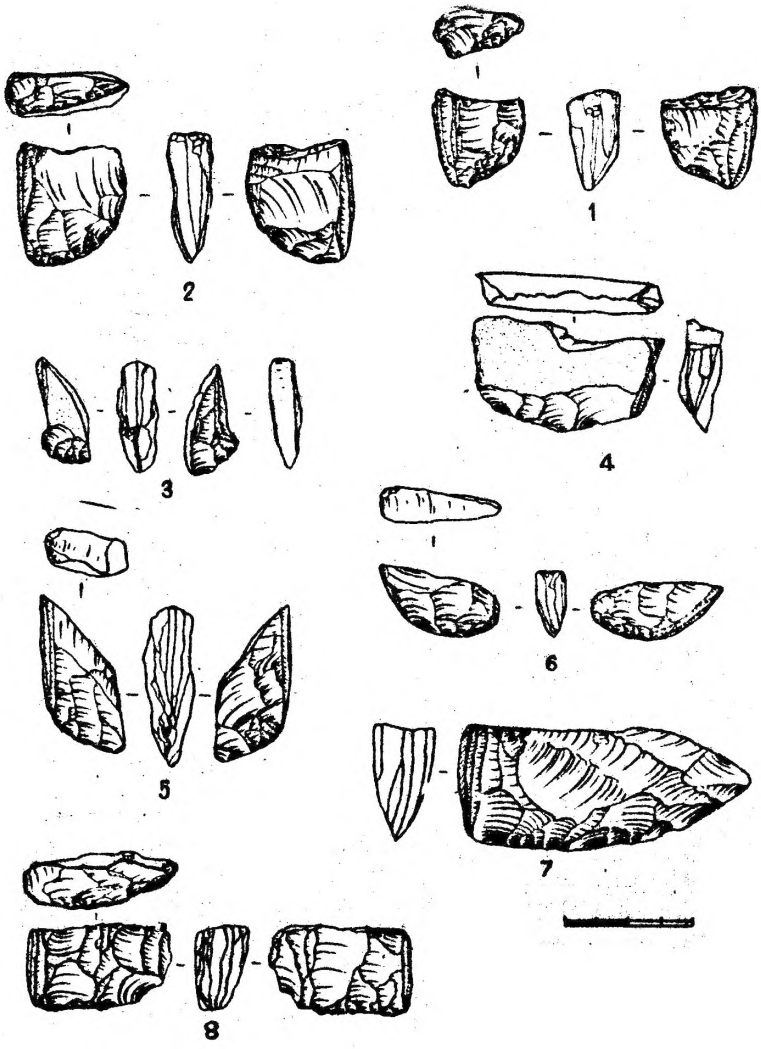

Рис. II4 Нуклеусы параллельного принципа скалывания

1-2 – Клиновидные нуклеусы-бифасы с вогнутыми латерально скошенными площадками, аргиллит. Финальный мезолит. Верхоленская Гора;

4,6,7 – "Гобийская" форма клиновидного нуклеуса, аргиллит. Поздний палеолит – ранний мезолит; 4 – Каменка II, 6 – Сосновый Бор, 7 – Верхоленская Гора I;

3-5 – Клиновидные нуклеусы с косыми (диагональными ?) площадками, образованными фронтальным сколом, кремень, аргиллит. Поздний палеолит – ранний мезолит. Сосновый Бор, Верхоленская Гора I;

8 – "Псевдогобийская" форма клиновидного нуклеуса, кремень. Финальный мезолит. Сосновый Бор.

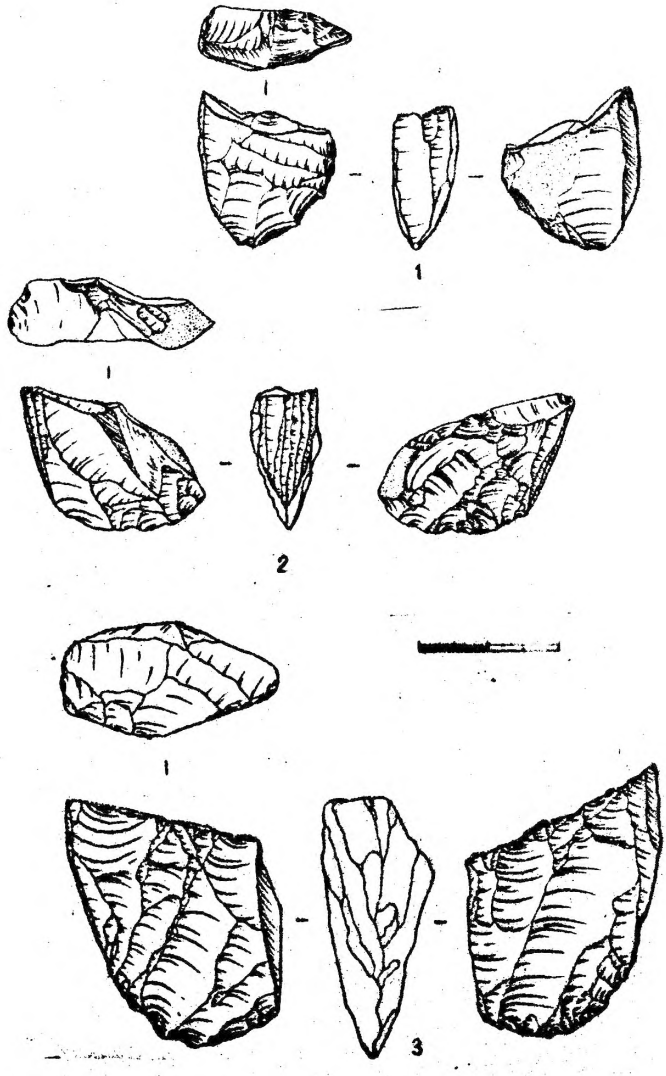

Рис.12. Нуклеусы параллельного принципа скалывания

1-2 – Клиновидные нуклеусы-бифасы с косыми площадками, образованными комбинацией поперечно и продольно ориентированных сколов, кремень. Ранний мезолит. Черемушник I, Верхоленская Гора I;

3 – Клиновидный нуклеус-бифас с косой площадкой, образованной ретушью по периметру, кремень. Ранний мезолит. Сосновый Бор

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
вып. I. 1974

М.П.Аксенов

МНОГОСЛОЙНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК МАКАРОВО II

За последние годы (1966-1972) в верхней части долины р.Лены открыт ряд новых археологических памятников. В процессе их исследования получены ценные данные по древнейшим этапам истории населения этого района.

Особое место среди верхнеленских памятников принадлежит многослойной стоянке Макарово II.

Стратиграфическая четкость залегания разновозрастных культурных остатков в сочетании с хорошей фаунистической и геолого-геоморфологической характеристикой, а также наиболее полная изученность по сравнению с другими памятниками верхней Лены, определили эталонное положение Макарово II для обширного региона.

До сих пор публиковались только краткие предварительные сведения по материалам обследования стоянки (Аксенов, 1969; Цейтлин, 1970; Аксенов, 1971, 1972). В 1971 г. комплексное исследование Макарово II было закончено, и в данной статье обобщаются результаты трехлетних исследований.

Памятник был открыт в 1967 г. С.М.Цейтлиным и в течение 3-х полевых сезонов (1968, 1969, 1971 гг.) исследовался экспедициями Иркутского областного музея краеведения и Иркутского государственного университета под руководством автора.

Первые геологические и геоморфологические наблюдения были

сделаны С.М.Цейтлиным. На основании его заключений (Цейтлин, 1970) строились все предварительные выводы. Однако сомнения в правильности предварительных определений, возникшие в процессе накопления данных, потребовали проверки и детальных уточнений.

Прежде всего перепроверке подверглось гипсометрическое положение памятника.

Первоначально было определено, что Макарово II расположено у тыловой закраины I надпойменной 7-метровой террасы (Цейтлин, 1970)[1].

В 1971 г. были проведены инструментальные замеры высоты макаровских террас[2], выявившие значительные расхождения с первоначальными определениями. Стоянка Макарово II расположена на останце 14-15-метровой эррозионно-аккумулятивной террасы р.Лены. Гипсометрически это соответствует среднему уровню не I, а II надпойменных террас в районе Иркутского амфитеатра (Плоскогорья и низменности Восточной Сибири, 1971, стр.237).

Высотное превышение Макарово II над известной ранее многослойной стоянкой Макарово I (Окладников, 1953б; Аксенов, 1970) равно 7-8 м. Именно разновременные культурные напластования Макарово I связаны с отложениями I надпойменной террасы, которая в этом месте отделена от останца II террасы неглубокими промоинами в тальвеге пади "Ессейский ручей".

Визуально относительная высота II террасы маскируется выемками и насыпью тракта Качуг-Жигалово, проходящего между двумя местонахождениями и пересекающего в данном месте Ессейский ручей.

Различия гипсометрические дополняются и резким отличием геолого-стратиграфических характеристик Макарово I и Макарово II. Все это позволяет определенно связывать культурные остатки Макарово II не с I, а со II надпойменной террасой.

---

1. Первое определение высотности террас в районе д.Макарово производилось С.М.Цейтлиным с помощью анероида.

2. Замеры производились с помощью нивелира. Высоты отсчитывались от меженного уровня р.Лены, за который был принят уровень реки по состоянию на 23 июня 1971 г. Замеры производились сотрудниками Ленской партии археологической экспедиции Иркутского государственного университета.

Останец II надпойменной террасы причленяется к коренному склону, образуя древний левый приустьевой мыс пади. Культурные остатки заключены в различных уровнях делювиально-аллювиальных отложений террасы (рис.I).

Результатом исследований явилось уточнение стратиграфии памятника и генезиса отложений, заключающих культурные остатки. Разрез террасы наблюдался в процессе раскопок по контрольным бровкам и стенкам раскопа. Наиболее четко, со всеми характерными особенностями стратиграфическая ситуация проявляется на контрольной бровке ЮВ-СЗ раскопа 1971 г. По ней и сделано обобщенное описание (рис.2).

Сверху вниз: Мощность в м

I. Современная почва. В ней встречаются исключительно редкие находки в хронологическом диапазоне от неолита до наших дней. I культурный горизонт 0,20-0,40

2. Лессовидная супесь с прослойками дресвы, щебенки, грубо окатанной гальки, окрашенная в серый цвет почвенными растворами. В культурном отношении стерильна 0,15-0,20

3. Лессовидная палевая супесь. При высыхании имеет тенденцию к вертикальному растрескиванию. В средней части лессовидной толщи повсеместно прослеживается значительно редуцированная раннеголоценовая погребенная почва, в верхах которой заключены культурные остатки II слоя (мезолит). Из низов этой почвы заложена система морозобойных трещин, уходящих вершинами в аллювий террасы и разрывающих все нижележащие культурные слои. Ниже уровня заложения криоформ (6) прослеживается маломощная, ветвящаяся, силь-

но гумусированная прослойка второй погребенной почвы. За все годы исследований не встречено никаких культурных остатков, связанных с этой почвой 0,55–I,I0

4. Лессовидные делювиальные отложения подостланы третьей погребенной почвой, в которой довольно четко прослеживаются все три генетических горизонта. С гумусированным горизонтом этой почвы связаны культурные остатки Ш слоя (поздний палеолит). В нижних генетических горизонтах почвы прослеживается четкая горизонтальная слоистость, характерная для аллювиальных отложений. Гумусированный горизонт третьей погребенной почвы является контактом между делювиальными отложениями и пойменным аллювием П террасы 0,30–0,50

5. В верхней части пойменного аллювия четко проявляется еще одна – четвертая – погребенная почва, гумусированный горизонт которой заключает в себе остатки IУ (позднепалеолитического) культурного слоя 0,20–0,30

Ниже отложения представлены чередующимися слоями песков, супесей, илов, глин и песчано-галечно-щебеночными прослоями (7). Все эти отложения имеют ярко выраженное горизонтальное простирание. Культурных остатков не обнаружено. Вскрытая мощность более I,00

Находки, заключенные в современной почве, исключительно малочисленны, фрагментарны и явно смешаны. За все годы исследований здесь найдено менее десятка мелких фрагментов, в основном, гладкостенной керамики (практически недиагностичной в культурно-хронологическом отношении), фрагменты чугунного сосуда конца

прошлого - начала нашего столетия, обломки обожженных кирпичей и осколки костей домашних животных. Все это позволяет ограничиться констатацией факта наличия в условно выделенном I культурном слое разновозрастных, но в общем поздних культурных остатков.

Культурные остатки II, III и IУ слоев составляют достаточно четко определимые комплексы. Они относительно полно охарактеризованы фауной млекопитающих, ярко проявлены в разрезе и прослежены в распространении по площади. Характерным для этих слоев является значительное количество древесного угля и золы.

Фаунистические коллекции, собранные в период исследований, определены в Институте земной коры СО АН СССР[3] и Геологическом Институте АН СССР[4].

На основании этих определений составлены суммарные послойные фаунистические определения:

II культурный слой

Дикая лошадь (Equus caballus sp.);
первобытный бык (Bos primigenius Boj.);
благородный олень (Cervus elaphus L.);
бык или бизон (Bos aut Bison sp.);
окунь речной (Perca fluviatilis L.).[5]

III культурный слой

Джигетай-кулан (Equus hemionus);
бизон или первобытный бык (Bos aut Bison Boj.);
дикая лошадь (Equus caballus var.), близкая лошадям ориньяко-солютрейского времени;
дикая лошадь, по размерам близкая Equus cf.przewalskii позднеплейстоценового времени;
зубр (Bison priscus Boj.);
волк (Canis Sp.);
олень (?) (Cervus sp.);
таймень (Hucho taimen).

---

3. Определения проведены Л.Н.Иваньевым и Р.Адаменко.

4. Определения проведены Э.А.Вангенгейм.

5. Определение Е.А.Цепкина (Институт Археологии АН СССР) для нижнего слоя Макарово I.

IУ культурный слой

Лошадь (Equus caballus var.), по размерам близка лошадям ориньяко-солютрейского времени;
цокор (Myospalax);
благородный олень (Cervus elaphus L.).

Всего в коллекции Макарово II собрано более 3000 изделий из камня и кости. Из них большую часть составляют отщепы, пластинки, сколы, куски расколотых галек. Морфологически определимых орудий относительно немного. Однако в целом они образуют характерные инвентарные комплексы, которые могут быть использованы для создания основ археологической стратиграфии, для интерпретации хронологической и культурной принадлежности памятников верхней части долины р.Лены.

Находки IУ культурного слоя немногочисленны. Со всей площади собрано 60 предметов, из них 43 - призматические пластинки, отщепы, сколы, расколотые гальки.

Среди морфологически определимых изделий выделяется группа нуклеусов, представленных тремя типами:

I. Клиновидные монофронтальные микронуклеусы, предназначенные для получения призматических микропластинок правильной формы (рис.3 - 4,5).

2. Грубопризматические моно- и бифронтальные одноплощадочные массивные нуклеусы, с которых снимались пластинки с одной или двумя гранями на дорсальной стороне или краевые пластины и пластинчатые сколы, дорсальная поверхность которых сохраняла галечную корку (рис.3 - I-3; 4 - 2-3).

Как клиновидные, так и грубопризматические нуклеусы изготовлены из галек окремнелых пород. На клиновидных нуклеусах остатки галечной поверхности сохраняются небольшими участками на обработанных плоскими сколами фасах. Форма исходной гальки на таких нуклеусах, как правило, не угадывается. Отжимная площадка сильно скошена.

На призматических нуклеусах, наоборот, сохраняются значительные участки нетронутой галечной поверхности. Форма гальки, послужившей исходным материалом для их изготовления, хорошо сохраняется.

Не исключено, что некоторые из грубопризматических нуклеу-

сов по мере срабатывания могли превращаться в клиновидные. Однако наличие в Ш–IУ слоях специальных заготовок для явно клиновидных нуклеусов говорит о спецификации этих двух основных типов.

3. Нуклеусы призматические двуплощадочные бифронтальные выделяются в третий тип. Изготовлялись они также из галек. Отжимные площадки скошены (рис.3 – 6).

Степень утилизации нуклеусов различна. С некоторых площадок снято один-два призматических скола, с других не произведено ни одного удачного скола, а присутствуют только следы попыток отделения пластин. Но имеются нуклеусы, с которых снимались целые серии хорошо ограненных пластинок.

Кроме описанных, в коллекции IУ слоя имеется грубопризматический галечный нуклеус, резко отличающийся по степени сохранности от всех каменных изделий этого слоя. Поверхность его заметно патинизирована. Грани сколов сильно сглажены выветриванием. Это изделие из какого-то более древнего местонахождения и попало в руки древнейших обитателей стоянки уже в эродированном состоянии. Ими, очевидно, этот древний нуклеус воспринимался как подходящее сырье. Судя по относительно свежим сколам, произведенным на одном из углов, предпринималась попытка реутилизации этого изделия.

Кроме нуклеусов и их заготовок в коллекции имеется один нож, изготовленный из широкой и короткой пластины (2,5 х 0,5 см). С дорсальной стороны оба края пластины ретушированы короткими плоскими фасетками, занимающими I/4–I/5 часть латералей (рис.3 – 7).

Обломок унифациального орудия, изготовленного из массивного призматического скола, несколько напоминает "ножи-острия" с Верхоленской Горы (Медведев, I96I; Аксенов, I966), а также остроконечные острия с кокоревских стоянок Енисея (Абрамова, I97I). Одна из граней и дистальный конец орудия обработаны плоской разнофасеточной ретушью. Другая грань вторичной обработке не подвергалась (рис.3 – I2). Следует отметить еще пластину со следами рабочей ретуши, и этим исчерпывается список каменных орудий IУ слоя.

Здесь же имеется и костяное орудие. Это одно из древнейших костяных орудий, известных в долине р.Лены. Относительно ровное,

длинное (39 см), узкое, подпрямоугольное в поперечном сечении острие с уплощенным насадом изготовлено из пластины рога благородного оленя.

Это редкое орудие по форме несколько напоминает острия из пластин бивня мамонта с известной сибирской палеолитической стоянки Мальта. Сходство это чисто внешнее и отдаленное. Детали оформления насада, а также и сам поделочный материал, отличают макаровское острие от мальтинских, и только отсутствие более близких параллелей заставляет делать это сравнение. Некоторые аналогии можно отыскать в афонтовской культуре Енисея (Кокорева П). Категорически определять функциональное назначение этого орудия также рано. Вероятно, оно являлось наконечником колющего или метательного орудия (рис.4 - I).

В слое найден также обломок черепа благородного оленя с обрубленными рогами. Для отделения черепа оба рога надрубались со всех сторон и обламывались по кольцевому надрубу. Этот способ отчленения рогов марала существовал у населения Прибайкалья, начиная с палеолита и до эпохи раннего металла. Макаровская находка является наиболее ранним памятником применения данной технологии древним населением долины р.Лены.

Коллекция Ш слоя более многочисленна и разнообразнее по формам. В ней сосредоточено 668 предметов. Более 500 из них приходится на "отходы каменной индустрии" и осколки костей. Имеется: 23 призматических микропластинок, 35 крупных и средних призматических пластинок, 22 грубых призматических пластин. Нуклеусы, орудия, их заготовки и обломки составляют около 10% коллекции.

Нуклеусы Ш слоя по формам, метрическим характеристикам и исходному материалу аналогичны нуклеусам IУ слоя. В коллекции отсутствуют клиновидные нуклеусы. Но наличие краевого скола, призматических микропластинок, снятых с этих нуклеусов, а также их присутствие как в ниже- , так и вышележащем культурных слоях (IУ,П слой) позволяют включать их в комплекс Ш слоя. Отсутствие их на раскопанной площади следует считать случайностью (рис.6 - 4,5; 7 - 7,8).

Следующая группа каменных орудий Ш слоя - скребки. Скребки концевые изготовлены из отщепов. Дистальные концы с дорсальной поверхности обработаны крутой разнофасеточной ретушью. У одно-

го из скребков неровной "рваной" ретушью обработана и одна из латералей (рис.5 - 25,26; 7 - 6).

Единичными экземплярами представлены трансверсальный резец из призматической пластины (рис.5 - 7) и проколка из микропластинки (рис.5 - 4).

Кроме того, имеются плоские отщепы со следами рабочей ретуши, употреблявшиеся, вероятно, в качестве ножей.

В Ш слое обнаружены следующие орудия из кости:

I. Наконечник остроги ("гарпун"), изготовленный из пластины рога благородного оленя. Наконечник имеет два ряда асимметрично расположенных зубцов. Насад плечиковый, с небольшими выступами ("цапфами"), линзовидный в поперечном сечении. Острие наконечника несколько обломлено (рис.7 - 3). По форме и размерам макаровский наконечник аналогичен орудию из Ш мезолитического горизонта стоянки Уляха на Ангаре (Медведев и др., 1971, стр.209, рис.6). Однако абсолютный возраст Ш культурного слоя Макарово П, как минимум, на 3-4 тыс. лет древнее предполагаемого возраста Ш горизонта Уляхи. Обломок довольно близкого по форме "гарпуна" имеется и во П слое Верхоленской Горы (Аксенов, 1966, стр.46, рис.1). Следует сказать, что и хронологически этот слой близок Ш слою Макарово П.

2. Острие, вырезанное из пластины рога благородного оленя. Внешне это орудие напоминает пронгу - боковое острие метательных копий, употреблявшихся до относительно недавнего времени аборигенами севера Америки и севера Сибири (рис.7 - 1).

Наиболее близкие археологические аналогии имеются также в раннем и развитом мезолите Приангарья (Усть-Белая, Верхоленская Гора) (Медведев и др., 1971, стр.151, 187; Аксенов, 1966).

3."Нож" из тонкой кости. Кромка кости заточена с двух сторон и образует своеобразное острое лезвие. Дистальный конец орудия в свое время обломился, но диагонально обломленный край был после этого заточен.

Кроме этого найден еще один небольшой обломок такого же орудия (рис.7 - 2). Орудия эти оригинальны. Аналогий в территориально и хронологически близких культурах пока не обнаружено.

Самая многочисленная и разнообразная по составу коллекция собрана во П слое Макарово П. В ней насчитывается 2341 предмет.

Как и в нижних слоях, подавляющее количество составляют "отходы производства" – различной формы и размеров отщепы, сколы, чешуйки камня, битая галька (1850 предметов). Призматических микропластинок – 283, несколько меньше правильно ограненных призматических пластинок (143). Нуклеусов, орудий, их обломков и заготовок, а также пластинок и отщепов со следами ретуши всего 63 (около 3% от общей численности находок).

Как и в нижних слоях, в группе нуклеусов выделяется три типа – клиновидные, грубопризматические и призматические двуплощадочные. Преобладают формы со скошенными площадками. Заметно усиливается тщательность оформления нуклеусов, особенно клиновидных. Появляются формы, близкие своеобразным разновидностям клиновидных нуклеусов – "гобийским" (рис.8 – 10). Увеличивается общее количество нуклеусов и, соответственно, количество призматических микропластинок и правильно ограненных призматических пластинок.

Во II слое имеется значительное количество резцов (10 экз.). Они изготовлены из пластинчатых отщепов и призматических пластинчатых сколов. По форме все найденные резцы – трансверсальные. Общим характерным признаком этих орудий является поперечный, скошенный трансверсальный резцовый скол, снятый, как правило, с дистального конца отщепа или пластины. Один резец, изготовленный из призматического скола, кроме трансверсального резцового скола не имеет никаких следов дополнительной обработки (рис.10 – 6).

Все остальные резцы с дорсальной стороны по латералям обработаны крутой разнофасеточной ретушью. Эта специфическая разновидность трансверсальных резцов в свое время была выделена в особый тип "резцов верхоленского типа", широко распространенных в мезолитических комплексах Приангарья (Аксенов, 1966; Медведев и др., 1971) (рис.9 – 8–12).

Морфологическая четкость и удивительное постоянство формы этих орудий позволяют выделять их внутри группы трансверсальных резцов в особый тип, сохранив за ними уточняющее название "верхоленский", по правилам приоритета, но заменив прежнее определение этих резцов – "боковые" – более емким и точным термином – "трансверсальные".

Скребки представлены 12 экземплярами, 5 из них – концевые, изготовленные из хорошо ограненных призматических пластинок, 1 микроскребок, 1 концевой скребок с плечиками ("ушками") и 5 скребков изготовлено из отщепов случайной формы (рис.9 – 15-18).

Два обломка, найденные в разные годы, составляют одно орудие – бифациально обработанный листовидный клинок (нож или наконечник копья). Оба фаса сплошь обработаны плоской, отжимной, разнофасеточной ретушью. Края местами подправлены вторичной ретушью. База клинка овальная. Орудие изготовлено из плоского аргиллитового скола (рис.8 – 3). Это довольно редкое орудие имеет ближайшие аналогии в старых сборах с ангарских мезолитических стоянок Верхоленская Гора и Ушканка под Иркутском (Петри, 1923, 1927).

Обломком представлен унифациальный остроконечник, изготовленный из призматического скола (рис.9 – 20).

Имеются в коллекции ножи из пластин и пластинчатых сколов (рис.9 – 1-4), а также пластинчатые сколы, отщепы и пластинки со следами рабочей ретуши.

Найдены 4 галечных орудия типа чопперов (рис.8 – 1,2).

Впервые в донеолитических комплексах верхней Лены встречено грузило рыболовной сети, изготовленное из плоской овальной речной гальки (рис.8 – 4). Подобные единичные изделия известны из позднемезолитических памятников Приангарья (Хлобыстин, 1965).

Во II слое найдено всего два фрагмента изделий из кости: обломок плоского насада с насечками и обломок острия тонкой костяной иглы (рис.10 – 7,8).

Заканчивая обзор находок, следует упомянуть о наличии во II слое Макарово II фрагментов створок раковины перловицы. Обломки раковин этих моллюсков также встречаются в ангарских позднемезолитических памятниках.

С морфологической стороны различия между инвентарными комплексами IУ и Ш культурных слоев незначительны. Их вполне можно объяснить, если принять во внимание малочисленность коллекций. Различия создаются за счет орудий, представленных единичными экземплярами. Те же изделия, которые представлены сериями (нуклеусы), в обоих слоях идентичны. Одинаковыми являются и технология расщепления и обработки камня, (довольно грубые косоплo-

щадные нуклеусы, грубые пласт..ны и отщепы, относительно малое количество правильных пластин и микропластинок), и исходный поделочный материал (в основном – мергелевые гальки). Материалы IУ и Ш слоев несомненно отражают различные, но незначительно отдале..ные друг от друга хронологические этапы генетически единой позднепалеолитической культуры.

П слой Макарово П по морфологии и составу инвентаря, отчасти по технологическим признакам и поделочному материаду довольно резко отличается от Ш–IУ слоев.

Появляется целый ря.. новых типов орудий (трансверсальные резцы верхоленского типа, бифациальны.. клинки, галечные грузила), усовершенствуется техника скалывания пластин, улучшается качество об..аботки орудий, "облагораживается" их внешний вид.

Наряду с использованием для изготовления орудий местного, "традиционного" поделочного материала (мергелевые гальки) появляются орудия из аргиллита – материала, характерного для верхнеангарского мезолита (культуры Верхоленской Горы). Непосредственной генетической и прямой хронологической связи между П культурным слоем и Ш–IУ слоями Макарово П нет. Судя по геологическим палеонтологическим и археологическим данным, между ними существует довольно значительный хронологический разрыв и явное культурно-генетическое различие. В культурном отношении комплекс П слоя аналогичен позднему мезолиту культуры Верхоленской Горы.

Радиокарбоновые анализы проб угля из IУ и Ш культурных слоев Макарово П были проведены Институтом геохимии и аналитической ..имии им.В.И.Вернадского.

Образец несколько загрязненных углей, собранных близ мерзлотной трещины в Ш слое, дал абсолютную дату 11400±500 лет (ГИН-480), по более чистому образцу из этого слоя получена дата – 11800±200 лет (ГИН-480). Абсолютный возраст IУ культурного слоя определен в 11950±50 лет (ГИН-481).

Следует отметить, что эти даты определяют время завершения формирования аллювия П террасы р.Лены.

Они хорошо коррелируются с абсолютными оценками возраста пойменного аллювия П террасы р.Енисея. Время образования средней части осадков пойменной фации аллювия П террасы р.Енисея, на основании абсолютных дат, полученных по образцам с кокоревских

стоянок, определяется в промежутке 13-15 тыс. лет назад (Равский, Цейтлин, 1965; Кинд, 1965).

Покровные же отложения II террасы в среднем течении р.Енисея датированы 11335±270 лет (МО-343) (Виноградов и др., 1963). Абсолютные даты верхов пойменного аллювия II террасы р.Лены помещаются в промежутке между этими крайними датами, что позволяет считать их вполне приемлемыми.

Достоверность макаровских дат может быть подтверждена и датировкой остатков Таймырского мамонта - 11450±250 (Т-297). (Гейнц, Гаррут, 1964), которые залегали в пойменных осадках II террасы р.Мамонтовой (Попов, 1959). По древесине из этих же осадков получена дата - 11700±300 (МО-3) (Виноградов и др., 1961).

Абсолютные даты верхов пойменного аллювия разреза Макарово II являются еще одним доказательством того, что этот памятник расположен на II, а не I надпойменной террасе. Таким образом IУ и, особенно, Ш культурные слои Макарово II залегают в отложениях, завершающих аккумуляцию аллювия II надпойменной террасы р.Лены. Оба слоя заключены в гумусных горизонтах сближенных прослоек погребенных почв, которые нарушены морозобойными трещинами, заложенными из вышележащего горизонта покровных лессовидных супесей. Этой вспышкой криогенных явлений отмечен финал сартанского оледенения.

Позднесартанское время (15-10 тыс.лет) характеризовалось переменным климатом с двумя-тремя кратковременными потеплениями, на которые указывают погребенные почвы, зафиксированные на многих разрезах Сибири (Кинд, 1965; Равский и Цейтлин, 1965; Громов и др., 1963). На Макарово II зафиксировано три сближенных позднеплейстоценовых погребенных почвы, которыми, возможно, и отражены эти интерстадиалы сартанского оледенения или один из них, расчлененный стратиграфически.

В фауне Ш-IУ культурных слоев преобладают животные открытых степных пространств. Однако присутствуют формы, обычные для лесных и лесостепных зон.

На этом основании можно сделать вывод, что позднепалеолитический человек на верхней Лене обитал в окружении открытого ландшафта. Но степные пространства или где-то поблизости граничили с лесными массивами, или разнообразились перелесками.

Судя по составу фауны II слоя, степной ландшафт сохранялся здесь и в раннем голоцене. Раннеголоценовый возраст отложений, вмещающих остатки II слоя, доказывается прежде всего геологическими данными. Редуцированная погребенная почва, в которой залегают остатки культуры, перекрывает уровень заложения криоформ финального сартана. Почва погребена в средней части делювиальных покровных отложений II террасы. Прямым аналогом II слоя Макарово II является нижний культурный комплекс соседнего памятника Макарово I, который залегает в сильно редуцированной почве на контакте делювия с пойменным аллювием I надпойменной террасы (Аксенов, 1970, 1971).

Завершение формирования пойменного аллювия I террасы, судя по данным, полученным при исследовании ангарского археологического памятника Усть-Белая (Медведев и др., 1971), произошло в раннем голоцене[6]. Этим доказывается раннеголоценовый возраст отложений II слоя Макарово II. В абсолютных датах время существования мезолитического поселения (II слой) из-за отсутствия радиокарбоновых датировок мы вынуждены определять на основании корреляции с ангарским мезолитом в диапазоне 9–8 тыс. лет[7].

Судя по маломощности культурных слоев и ограниченности распространения находок по площади, на Макарово II в конце плейстоцена и начале голоцена существовали кратковременные сезонные стойбища, очевидно небольших охотничьих групп.

Культурные остатки во всех трех слоях располагаются пятнами неправильных форм. Неправильность их – следствие воздействия экзогенных факторов – снос золисто-углистых частиц с положительных форм микрорельефа в понижения, действовавших после того, как стойбища покидались людьми.

Памятник вскрыт раскопом площадью 250 м^2. Практически этим раскопом памятник исчерпан полностью. Пятна культурных слоев

---

6. По C^{14} определен возраст III–IV мезолитических горизонтов Усть-Белой – 8960±60 лет (ГИН-96). Датированные слои залегают в отложениях финала аккумуляции пойменного аллювия I террасы р.Белой в месте впадения ее в Ангару.

7. Возраст делювиальной супеси 5-метровой террасы на соседней стоянке Шишкино по C^{14} – 8000±700 лет (ГИН-303) (Кинд, Виноградова и др., 1972).

занимают не всю вскрытую площадь, а лишь различные участки раскопа.

Находки IУ слоя залегают полосой в пятне, окрашенном остатками древесного угля в темный цвет. Южная часть зольно-углистого пятна с находками в 1966 г. была срезана бульдозером. За пределами углистого пятна, кроме единственного нуклеуса, находки полностью отсутствуют. Пятно простирается с севера на юг по диагонали раскопа, очерчивая линию древнего берега.

Находки концентрируются двумя скоплениями в северном и южном концах пятна. Угли рассеяны по всему пятну, но в средней части обнаружено два округлых углубления, заполненных углем и золой. На дне углублений супесь плотная, красного цвета, несет явные следы интенсивного воздействия огня. Какие-либо дополнительные конструктивные детали внутри и вокруг этих кострищ отсутствуют. Расстояния между ними 4 м, диаметр кострищ соответственно I м и I,2 м, мощность очажных линз до I5 см. Часть еще одного кострища такого же типа сохранилась на бровке бульдозерного среза. Остатки каменных и костяных изделий располагаются на некотором расстоянии от кострищ. С восточной стороны распространение находок и зольно-углистых остатков резко ограничивается пологим уступом невысокого (до I м), но четко выраженного в микрорельефе песчаного бугорка, вытянутого вдоль древнего берега (рис.II).

На горизонтально ровной прибрежной площадке, шириной от 3 до 8 м и располагалось древнее стойбище. Под самым бугорком в глубине площадки, строго по одной линии, размещались очаги, которые, вероятно, располагались или в жилищах, или рядом с ними. Прямых данных о существовании каких-либо жилых сооружений не сохранилось. На основании косвенных данных мы, со значительной долей вероятности, можем предполагать наличие на стоянке каких-то жилищ легкого типа. Люди на стойбище, судя по находке фрагмента черепа благородного оленя с обрубленными рогами, жили в холодный сезон года - осенью или в начале зимы. Площадь, которую занимало стойбище IУ слоя, с учетом участка разрушенного бульдозерным срезом равнялась I00-I20 м^2. На этой площади на месте кострищ, видимо, располагалось, как минимум 3, возможно, 4 легких наземных жилища.

Учитывая небольшое количество "кухонных" отбросов и культурных остатков, мы можем предположить, что на стойбище обитала одна большесемейная община или, что кажется более вероятным, коллектив из 3-4 малых родственных семей[8]. Вне зависимости от конкретной структуры общественного устройства, на стойбище мог существовать только один производственный коллектив и, судя по остаткам, этот коллектив был немногочисленным.

Стойбище Ш слоя занимало то же самое место и, примерно, ту же площадь. В какой-то мере сходна и планировка (рис.I2). К сожалению, здесь отсутствует материал диагностичный в плане определения сезона года, в который существовало стойбище. Основным занятием обитателей, как и в IУ слое была охота. Однако обнаружение среди фаунистических остатков челюсти тайменя указывает на то, что добычей позднепалеолитических охотников, может быть и редкой, являлась и крупная рыба.

Расположение в одном месте, одинаковая планировка и занимаемая площадь, а также большое сходство в инвентарных комплексах указывает на то, что стойбища IУ,Ш слоев Макарово П являются примером неоднократного поселения одной и той же охотничьей группы в одном месте на протяжении относительно небольшого промежутка времени.

Во П культурном слое раскопом вскрыто два кострища, вокруг которых и непосредственно в зольно-угли стых пятнах концентрируются остатки производственной деятельности людей. Диаметр кострищ 2,5-3 м. Мощность очажных линз 7-I0 см. Кострища расположены по линии ЮВ-СЗ на расстоянии 6 м друг от друга (рис.I3).

Основная масса находок сосредоточена пятнами в зольниках кострищ и вокруг них в пределах кругов в 5,5 м диаметром. С северной и южной стороны от комплекса восточного очага имеется два небольших скопления отщепов, пластинок, каменных орудий и обломков костей млекопитающих.

---

8. Предположение о возможности существования в это время в Прибайкалье членения родственных коллективов на отдельные семейные ячейки, жившие в небольших по площади жилищах, было высказано мной на материалах Верхоленской Горы в диссертационной работе (I969 г.). В последнее время наличие малых семей в позднем палеолите на материалах в основном европейских стоянок доказывается Г.П.Григорьевым (I972).

За пределами 5-метрового круга каменных изделий и золы, сосредоточенных у западного очага, кроме небольшого количества обломков костей, находки полностью отсутствуют.

Характер расположения находок в очажных комплексах указывает местоположение в прошлом легких, округлых в плане, наземных жилищ (вероятно, типа чума).

Остатки округлого наземного жилища, раскопанные в 1966 г. на соседнем местонахождении Макарово I (Аксенов, 1970), очевидно, составляли с жилищами Макарово II единый поселок. Вероятно, на пространстве между ними в свое время существовали и другие жилища, но эта площадь полностью разрушена в результате земляных работ во время дорожного строительства [9].

Как бы то ни было, но площадь стойбища II слоя гораздо больше площади стойбищ III - IУ слоев. Общая площадь мезолитического поселения Макарово II и в Макарово I - около 4000 м^2. На этой площади располагалось как минимум три отдельных округлых в плане наземных жилища.

Инвентарь во всех трех обнаруженных жилищах в общем одинаков. Различия не выходят за пределы аналогичных комплексов, ранее исследованных в Прибайкалье. Это, видимо, может указывать на то, что в жилищах размещались отдельные хозяйственные ячейки (семьи) единого производственного коллектива (общины). Основным занятием населения, как и прежде, оставалась охота на крупных животных (лошадь, олень, бык). Но, судя по остаткам костей окуня, обнаруженным в жилище Макарово I (Аксенов, 1970), а также по наличию галечных грузил от сетей, обитатели стойбища применяли способы добычи рыбы уже не охотничьи по своему характеру, а чисто рыболовческие.

Возможно, больший количественный состав группы обитателей II слоя, по сравнению с III - IУ слоями, может быть объяснен наличием у них комплексного охотничье-рыболовческого хозяйства. Незначительная мощность культурного слоя, относительно небольшое количество культурных остатков и отсутствие долговременных жилых

---

9. Это предположение основывается на том, что в насыпи шоссейной дороги, материалом для которой послужил грунт, снятый с территории стоянки Макарово I, встречаются каменные отщепы, пластинки и другие изделия. В 1968 г. здесь было найдено тесло с боковыми выемками - орудие, характерное для позднего мезолита Прибайкалья.

построек указывает на подвижный образ жизни. Во II слое Макарово II и нижнем слое Макарово I обнаружены, вероятней всего, остатки сезонного стойбища мезолитических охотников-рыболовов. К сожалению, для конкретного определения сезона материал отсутствует.

В результате исследования остатков материальной культуры на Макарово II выявлено наличие двух хронологически и генетически различающихся комплексов.

Остатками III и IУ слоев отражено развитие одной позднепалеолитической культуры, развивавшейся на местной основе. Корни этой культуры удается проследить в материалах нового памятника Макарово III, открытого в 1971 г. в этом районе (Аксенов, 1972). Исследования, ведущиеся на этом памятнике, далеки от завершения. Однако, имеющиеся геолого-геоморфологические и палеонтологические данные позволяют говорить о гораздо большей древности его по отношению к Макарово II. Разница в возрасте, по предварительным данным, между III – IУ слоями Макарово II и Макарово III, составляет не менее 10 тыс. лет.

Наличие черт сходства в материальной культуре, в технологии производства каменного инвентаря и различий, которые вполне объяснимы изменениями хронологического порядка, позволяют рассматривать Макарово III и III – IУ слои Макарово II как различные хронологические этапы развития одной культуры [10].

По памятникам, послужившим основой для выделения этой региональной культуры, закономерно предложить для нее название "Макаровская".

Макаровская культура, существовавшая в определенном районе, в определенных хронологических рамках, обладает комплексом признаков, по которым при сравнении можно определять степень сходства и отличия ее от синхронных культур сопредельных и более отдаленных регионов.

В последние годы в обширнейшей области распространения доneолитических памятников Сибири выделен целый ряд региональных

---

10. Подробнее различия и сходство в инвентарных комплексах Макарово III и Макарово II рассматриваются в предварительном сообщении по Макарово III, публикуемом в настоящем сборнике.

культур и, что особенно важно, проведена их абсолютная хронологическая оценка, что позволяет более объективно подходить к определению места, возможностей взаимосвязей, оценки степени этих взаимосвязей. Территориально наиболее близкими культурами, существовавшими одновременно с макаровской, являются позднепалеолитические и раннемезолитические культуры Приангарья.

В этот промежуток времени на территории верхнего Приангарья существовали такие генетически различные культуры как бадайская, верхоленская и мальтинская.

Мальтинскую культуру, на ос ование имеющихся в настоящее время данных, следует признать явлением экзотичным для Приангарья. До сих пор не удается обнаружить ее истоков, равно как и проследить ее дальнейшую судьбу. Остается невыясненной окончательно и ее абсолютная хронология.

Можно предполагать, что культура Мальты - Бурети существовала в Приангарье одновременно, а, быть может, и несколько позднее, чем этап макаровской культуры, представленный Макарово Ш. Но Мальта, несомненно, древнее Ш - IУ слоев Макарово П. В культурном отношении мальтинский и макаровский комплексы различны.

В период существования макаровской культуры в верхнем Приангарье появляется верхоленская культура, носители которой проникают в этот район вероятнее всего из-за Байкала. Ранний, верхнепалеолитический этап этой культуры отражен в материалах УI, УП горизонтов Красного Яра, а дальнейшее развитие в памятниках типа Верхоленской Горы.

Первоначальное проникновение "верхоленцев" в долину р.Ангары произошло несколько позднее раннего этапа макаровской культуры. Очевидно, этим следует объяснять полное отсутствие на Макарово Ш каких-либо элементов сходства с верхоленской культурой. Можно было бы допустить возможность незначительных взаимосвязей между населением верхней части долины р.Лены на заключительном этапе макаровской позднепалеолитической культуры (IУ-Ш слои Макарово П) с раннемезолитическими группами населения верхоленской культуры (появление ограниченного количества элементов сходства - трансверсального резца, микропластинок и клиновидных нуклеусов, "гарпунов" с уплощенным плечиковым насадом, пронг метательных копий - на общем фоне явного генетического различия).

Но по этим элементам прослеживается сходство макаровской культуры и с культурой бадайской, развитие которой отражено в позднепалеолитических и мезолитических комплексах Приангарья (Сосновый Бор, Красный Яр, Черемушник, Бадай, Усть-Белая). Следует отметить, что сходство "бадая" и "макарово" наиболее ярко проявляется в группе нуклеусов и скребел (на раннем этапе). Остальные общие элементы фиксируются в бадайских памятниках несколько более поздних, чем финал макаровской культуры и появление их, вероятно, следует связывать с влиянием верхоленской культуры. Наряду с существованием некоторого числа общих признаков существуют и различия, по которым макаровская культура довольно резко противопоставляется ангарским.

В "макарово" практически полностью отсутствует бифациальная техника обработки, за исключением клиновидных нуклеусов, появляющихся на заключительном этапе. Отсутствуют такие характерные формы как улуподобные орудия, остроконечники-бифасы, клиновидные нуклеусы гобийского типа, трансверсальные резцы верхоленского типа, т.е. отсутствуют как раз те формы, которые и создают своеобразие ангарских культур. И в то же время в макаровской культуре нет особых форм, которые были бы присущи только ей. Практически все они как составляющий элемент входят в ангарские комплексы. Однако сочетание отдельных форм в комплексах резко отлично и весьма своеобразно для каждой культуры.

Отдельные элементы сходства макаровская культура обнаруживает с синхронными культурами долины р.Енисея. Частичное сходство можно отметить в группе нуклеусов, в односторонне обработанных остриях. Но как в кокаревской, так и в афонтовской культурах, подобно бадайской, одновременно с односторонней обработкой существовала двусторонняя и бифациальная (Абрамова, 1971), что не присуще унифациальной технике "макарово".

Значительно отличается макаровская культура и от одновременно существовавшей в северо-восточных районах дюктайской культуры (Мочанов, 1970, 1972).

Поздний палеолит Забайкалья, к сожалению, изучен слабо. Отсутствие у большинства находок четкой стратиграфической привязки и точного хронологического определения их исключают достаточно обоснованные сравнения.

Можно только отметить, что среди находок из долины р.Селенги имеются предметы, вполне сравнимые с входящими в макаровский комплекс (Абрамова, 1959; Окладников, 1959). Это прежде всего группа нуклеусов и некоторые унифациальные орудия. Но по этим же элементам палеолит Забайкалья сравнивается с енисейским. На основании сходства этих элементов делаются даже заключения о генетическом единстве палеолита Забайкалья и Минусинской котловины (Абрамова, 1971). Однако степень исследованности забайкальского и енисейского палеолита слишком различна, и поэтому подобные выводы следует считать преждевременными. Сравнение же материалов примерно равноценных по степени исследованности позволяет объяснять причины сходства между одновременными культурами обширной области юга Восточной Сибири иными обстоятельствами.

На современном этапе развития науки мы должны признать невозможность однозначного решения вопроса происхождения позднепалеолитических культур этого региона. Но мы можем и должны попытаться объяснить причину сходства ограниченного круга элементов, признаков выделенных культур.

Анализ материалов указывает на то, что все позднепалеолитические культуры (в географических рамках от южной части долины р.Енисея до Забайкалья) развивались в сходных экологических условиях и хозяйство отдельных групп населения, в данных условиях и в данное время, развивалось в одном направлении. Население – носитель культур афонтовской, кокоревской, бадайской, макаровской – вело охотничье хозяйство в условиях открытых степных пространств.

Закономерно предполагать в данных условиях сходство в элементах материальной культуры, подобное сходству в пределах одного хозяйственно-культурного типа. Но подобное единство по этнографическим данным не предполагает этногенетического единства.

При наличии огромных, малонаселенных пространств мы вправе предполагать относительную изолированность и крайнюю редкость контактов между отдельными группами населения. Из этого предположения мы можем сделать вывод, что основной причиной сходства в материальной культуре являлось не генетическое родство, а единый путь развития хозяйства в равных экологических условиях. При условии бесспорной огромной роли природной среды мы должны считать район юга Восточной Сибири не сферой распространения гене-

тически родственных групп населения, не этно-культурной областью, а своеобразным экологическо-хозяйственным регионом.

В пределах этого района отдельные самостоятельные группы населения (культуры) в экологически одинаковых условиях вели равнонаправленное хозяйство, уровень развития которого был примерно одинаковым. Этим обеспечивалось ограниченное сходство в материальной культуре. Отрицать категорически возможное генетическое родство отдельных культур мы не можем также, как не можем констатировать его наличие из-за полного отсутствия фактов. Экологическо-хозяйственная специализация позднепалеолитических культур региона была высокой. С изменением природной среды, с началом голоцена в Приангарье, трансформация хозяйства происходила на базе местной позднепалеолитической культуры (бадайской), но под воздействием верхоленской культуры. В результате взаимодействия этих культур в Приангарье сформировалась единая позднемезолитическая культура, в которой заметно преобладание черт, характерных для верхоленской культуры.

Верхоленская культура, видимо, оказывала влияние и на развитие макаровской, что прослеживается по материалам Ш слоя Макарово П. На этапе же развитого и позднего мезолита прослеживается непосредственное, прямое проникновение группы населения из ангарской долины в верхнюю часть долины р.Лены. Иммигранты принесли с собой более прогрессивные способы ведения хозяйства. Начиная с этого времени, на р.Лене обнаруживаются следы комплексного охотничье-рыболовческого хозяйства. Пришельцы не вытеснили местное "макаровское" позднепалеолитическое население, а смешались с ним. Этот факт миграции мезолитического населения ярко прослеживается в материалах П слоя Макарово П. Материальная культура населения, оставившего следы в этом слое, является явным ответвлением верхоленской мезолитической культуры Верхнего Приангарья. "Верхоленцы" принесли сюда не только хозяйственные навыки, но и часть орудий, изготовленных из ангарского материала (орудия из аргиллита). От "макаровцев" же они унаследовали технологические приемы обработки местного поделочного материала.

На базе слияния макаровской позднепалеолитической и верхоленской мезолитической культуры в верхней части долины р.Лены развилась позднемезолитическая культура, являющаяся территориаль-

ным подразделением единого культурного массива Прибайкалья. На базе этой обширной культурной общности в последующие эпохи развились сходные неолитические и раннеметаллические культуры Прибайкалья.

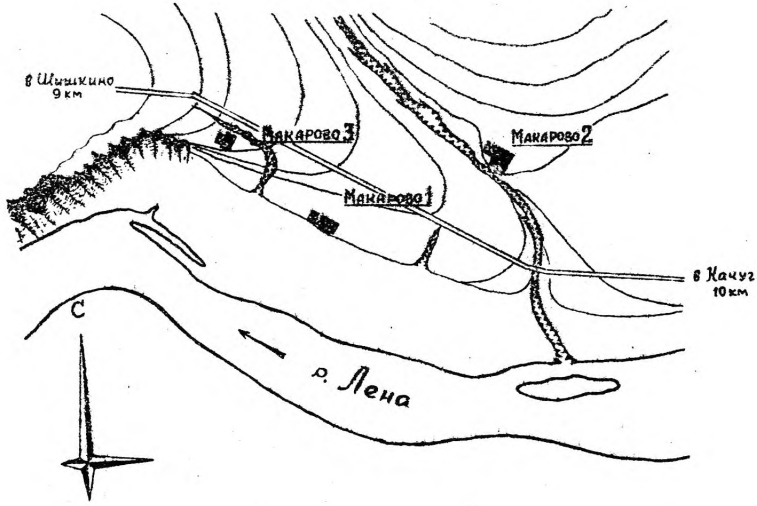

Рис.I. Ситуационный план

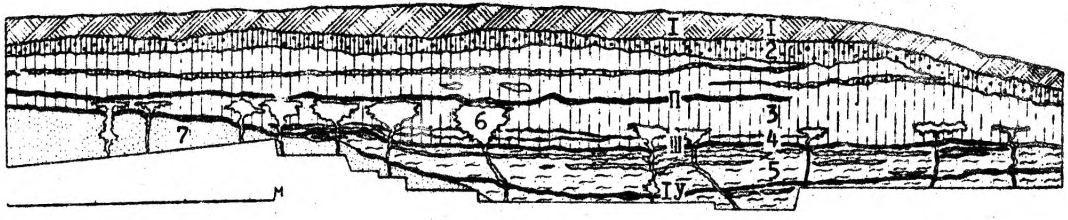

Рис.2. Разрез стенки раскопа

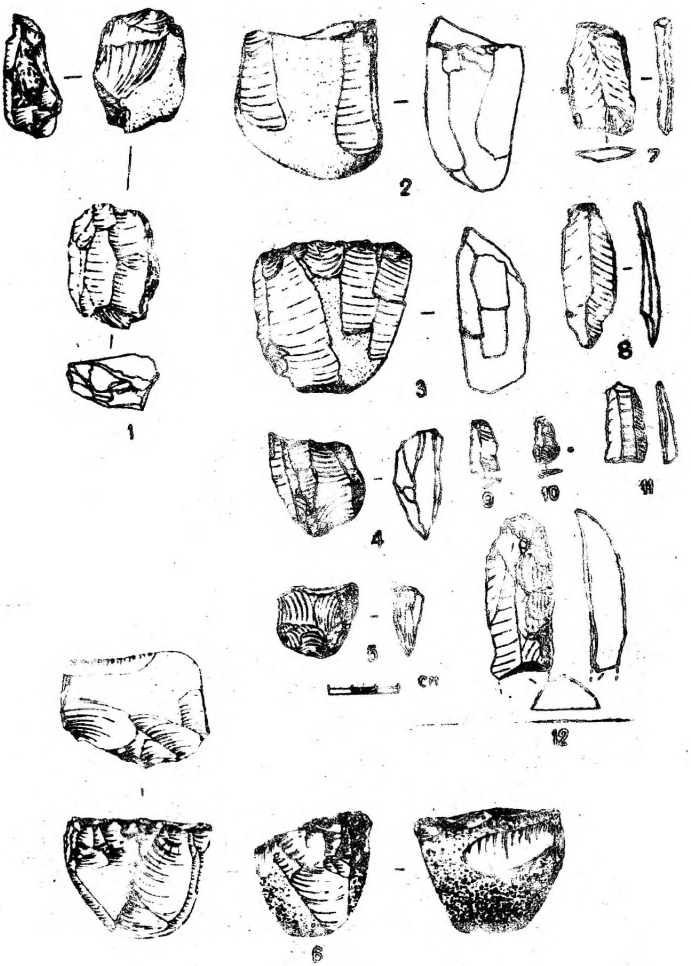

Рис. 3. Изделия из камня

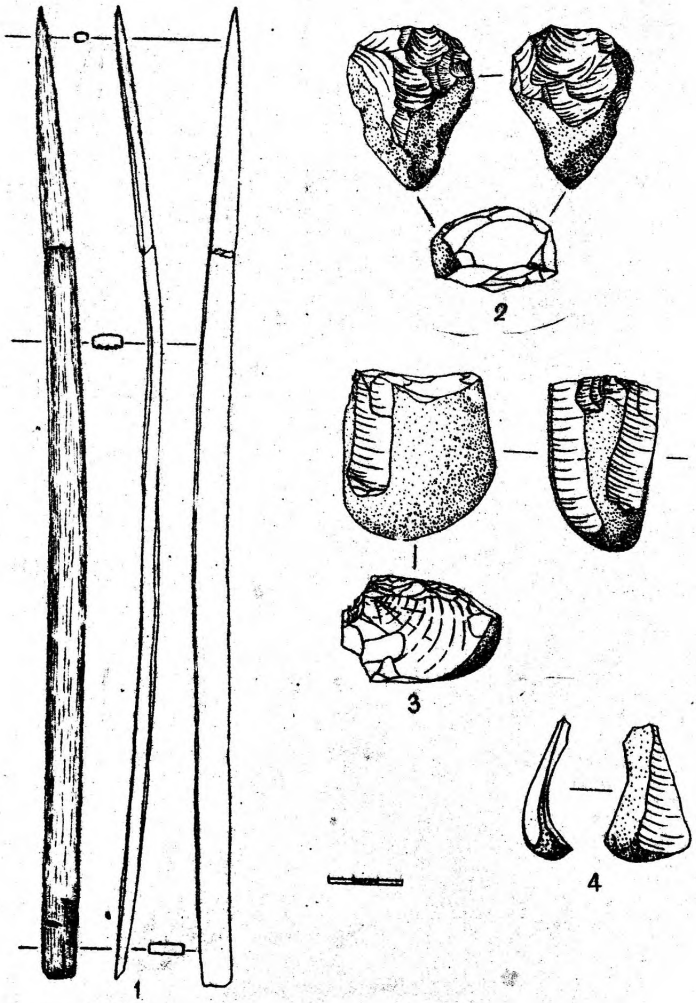

Рис.4. Изделия из кости и камня

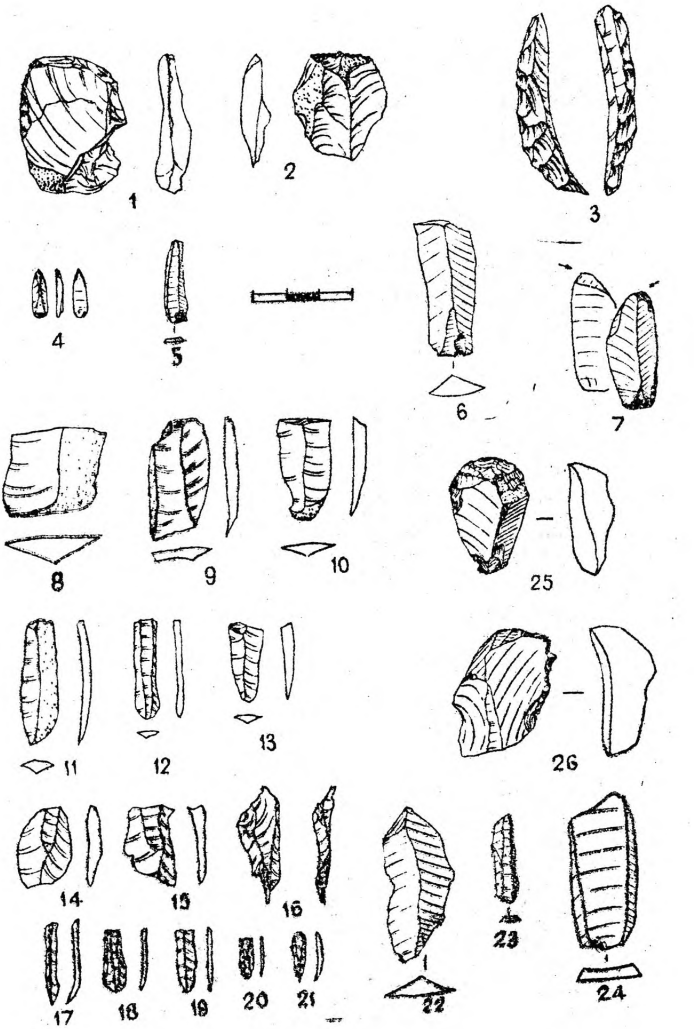

Рис.5. Изделия из камня

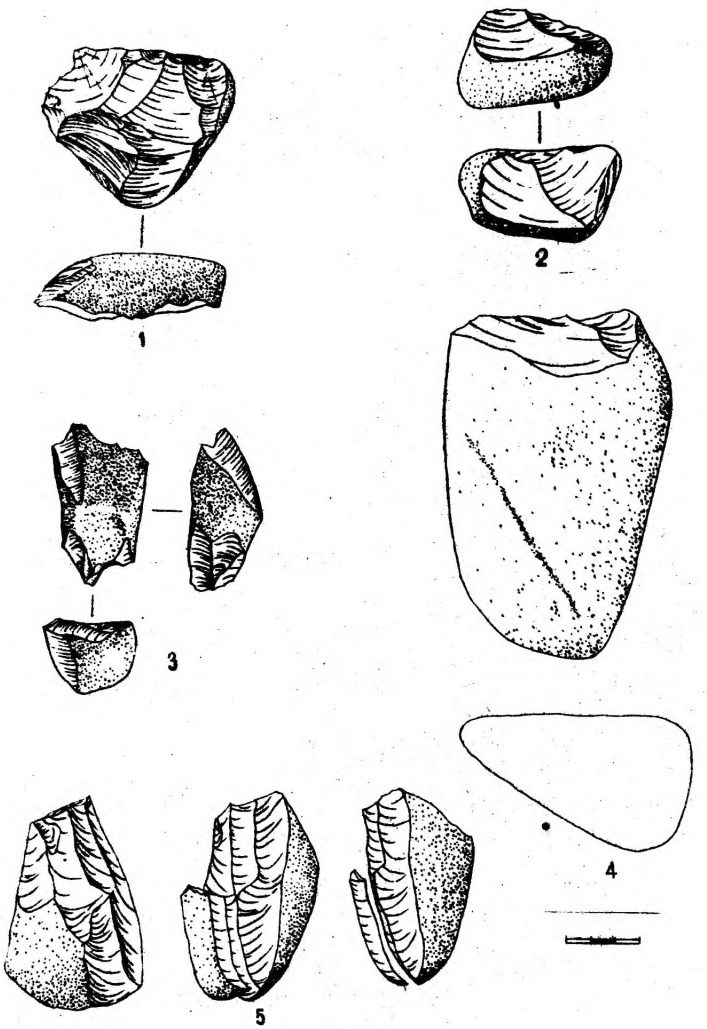

Рис.6. Изделия из камня

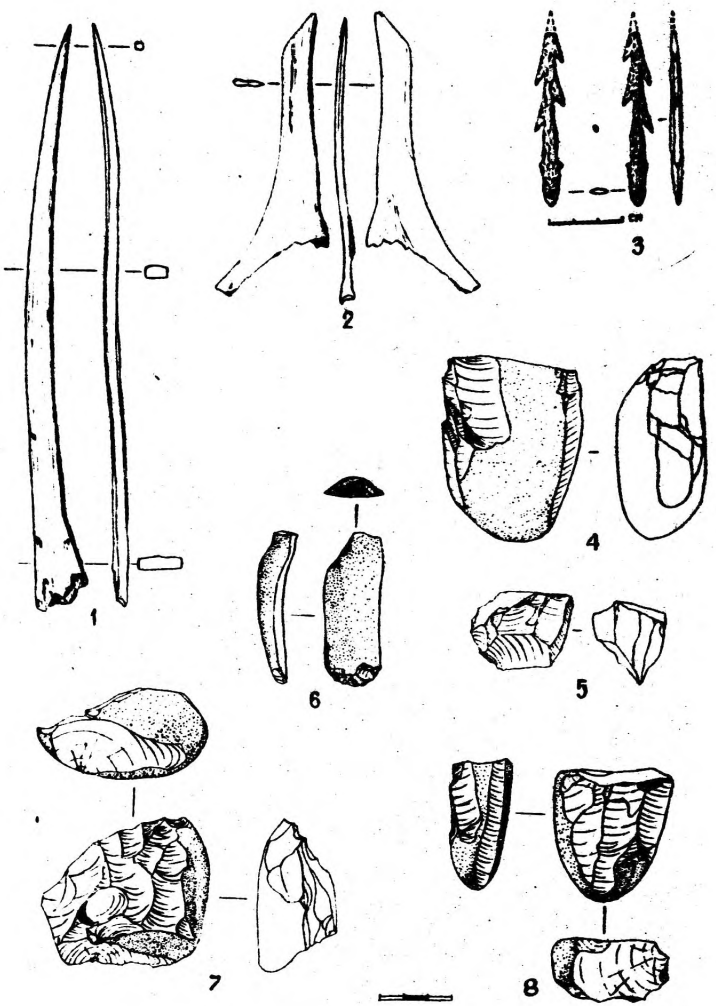

Рис.7. Изделия из кости и камня

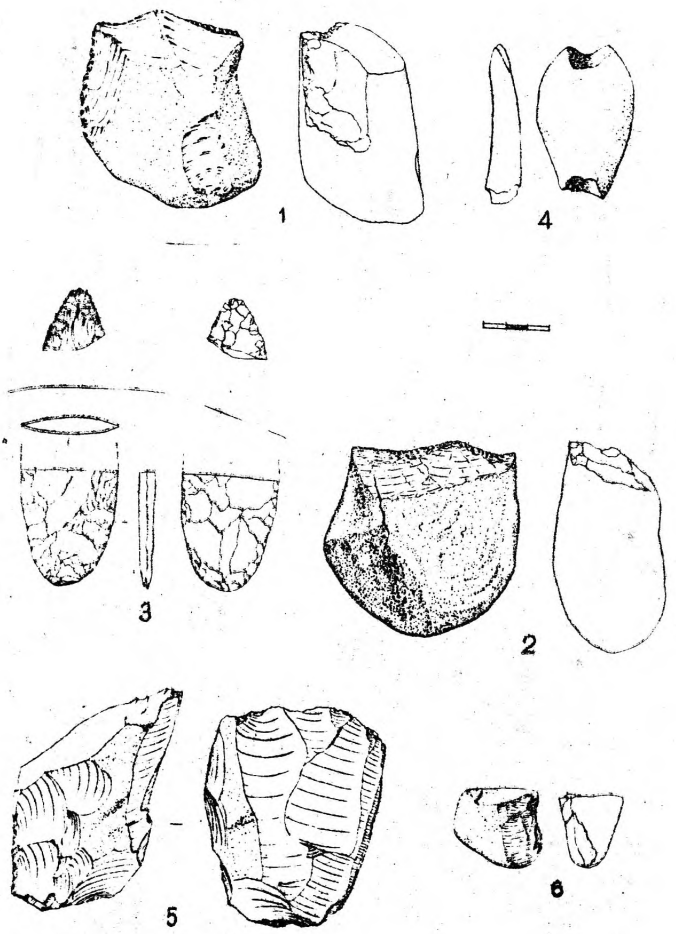

Рис. 8. Изделия из камня

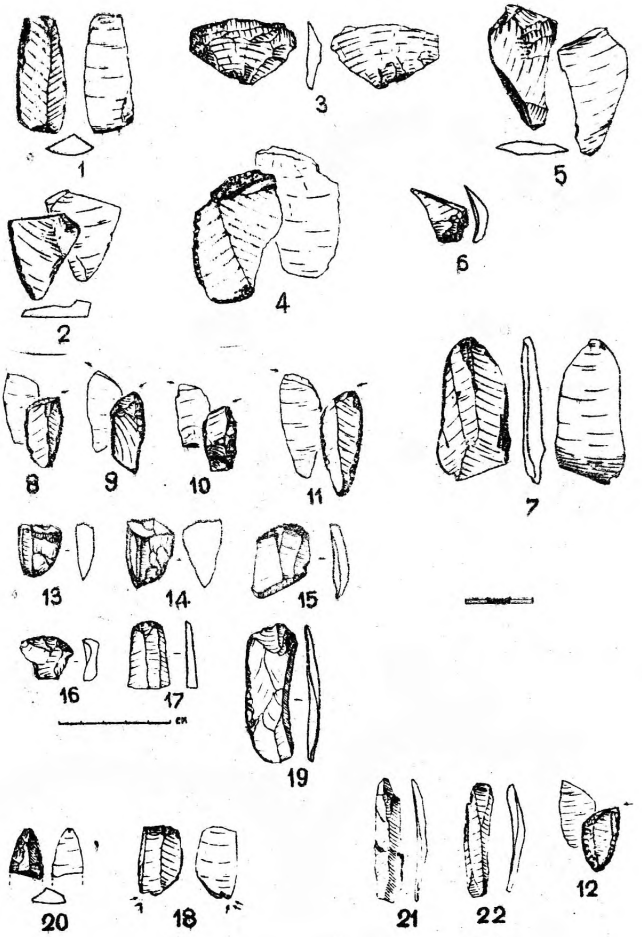

Рис.9. Изделия из камня

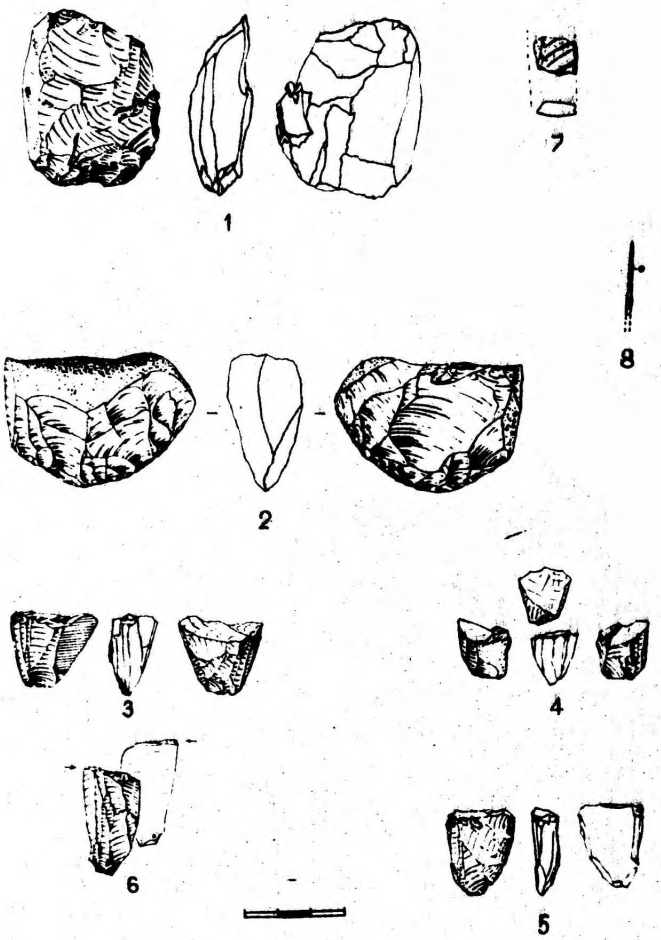

Рис.IO. Изделия из камня

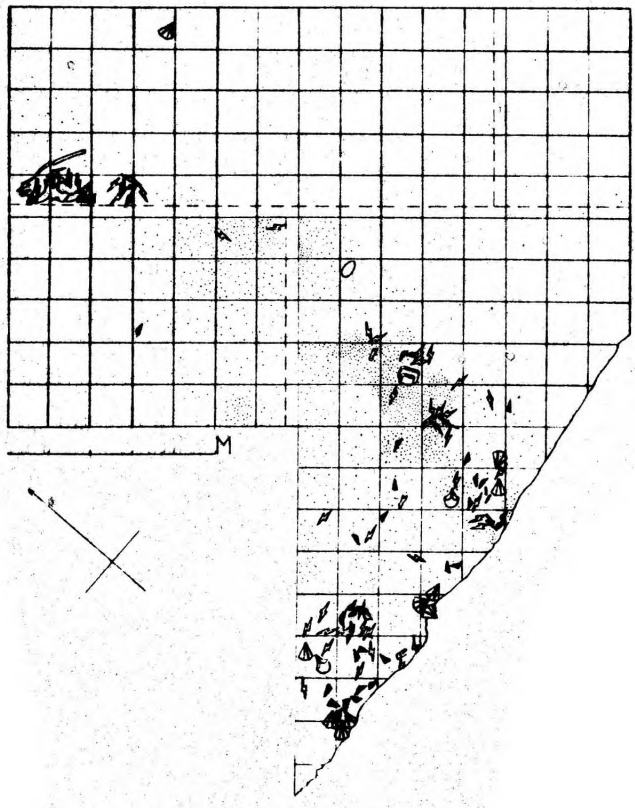

Рис.II. План раскопа, слой IУ

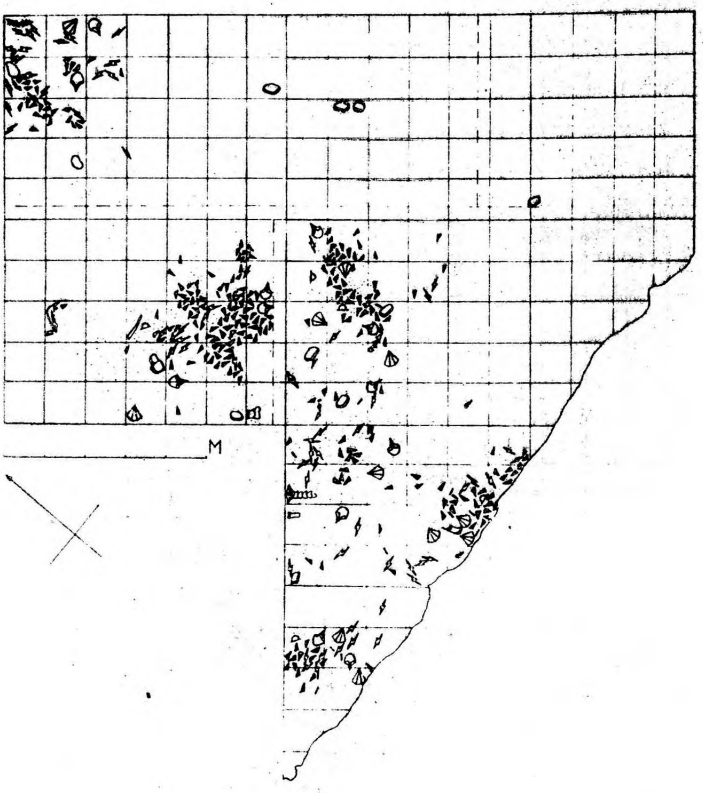

Рис.I2. План раскопа, слой Ш

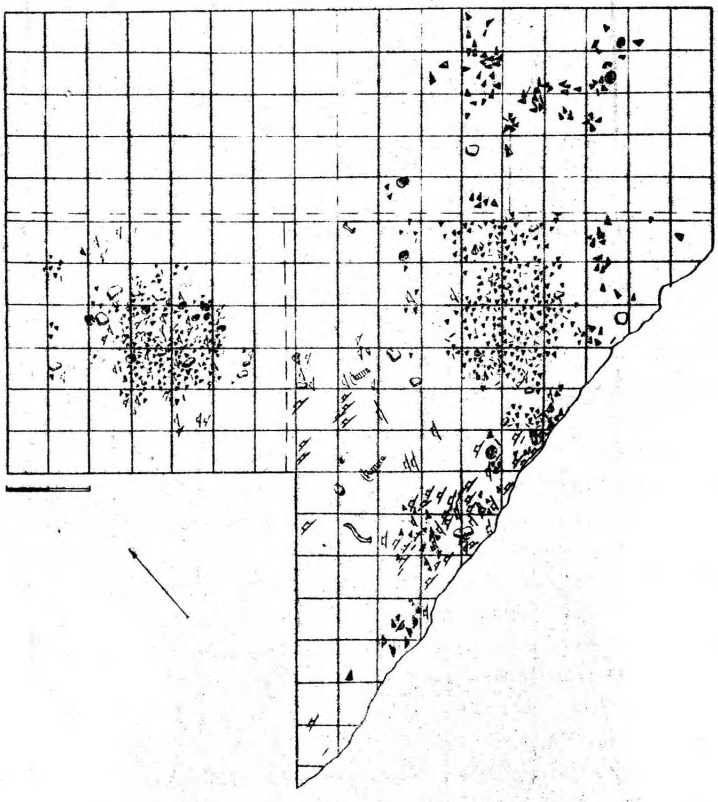

Рис.13. План раскопа, слой II

Рис.14. План жилища, слой II

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
вып. I. 1974

В.А.Лынша

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПАМЯТНИКА МАКАРОВО III
(предварительное сообщение)

Новое местонахождение в долине р.Лены Макарово III было открыто в 1971 г. сотрудниками Макаровского палеолитического отряда Ленской партии Комплексной археологической экспедиции ИГУ. Оно расположено близ ранее исследовавшихся стоянок Макарово I и Макарово II (Окладников, 1953б; Аксенов, 1967; 1969; 1970; 1971; 1972), которые являются опорными памятниками при изучении каменного века Верхней Лены.

Разведочные шурф-пикет (6 х 4 м) и траншея-врезка (1 х 10 м) позволили установить, что остатки материальной культуры памятника связаны с делювиально-аллювиальными отложениями II-й надпойменной террасы ("Плоскогорья и низменности Восточной Сибири", 1971; Адаменко, 1971), нарушенными криогенными процессами. Зарегистрированы следы морозного растрескивания и солифлюкции. Сильно нарушенный культурный слой приурочен к солифлюкционным отложениям. Но в настоящее время стратиграфическая ситуация до конца еще не выяснена.

Цель данного сообщения - введение в научный оборот археологических материалов с нового памятника и попытка их сопоставления с позднепалеолитическим инвентарем Макарово II. В методике определения терминов, элементов, наименований различных деталей изделий и метрических показателей мы следуем за статьями американских археологов (MacNeish, 1960; Aigner, 1970; Sanger, 1970; McGhee, 1970; Wyatt, 1970; Hayashi, 1968, а также за

статьей Медведева, Михнюк, Лежненко, см. данный сборник). Необходимо заметить, что мы считаем возможным и удобным придерживаться терминологии американских археологов, несмотря на то, что она предлагается, в основном, для микролитических индустрий и разработана исключительно на американских материалах.

Результаты наблюдений над залеганием культурных остатков на Макарово III позволяют рассматривать их в целом как единый культурный комплекс, подвергнутый в древности переотложению.

В ходе раскопок с площади более 100 м^2 было собрано 514 предметов. В основном это - "отходы производства" (82,6%) [1]. Отщепы с размерами 3 х 2 х 0,5 см представляют наиболее многочисленную группу (29,1%). Из них около двух третей составляют отщепы с фасетированной ударной площадкой (рис. I - 20), образующей тупой угол с вентральной поверхностью (обычно 100-115^0). Следующая группа - массивные отщепы с размерами 6 х 4 х 3 см (10,4%). Среди них более двух третьей составляют нефасетированные отщепы с углом 90-95^0 между ударной площадкой и вентральной поверхностью (рис.I - 18). Чашуики и отщепы с изделий составляют 12,8% и, наконец, битая галька - 15%.

К категории "отходов производства" условно отнесены обломки изделий со следами одного или нескольких сколов. Один из таких обломков представляет фрагмент "чоппероподобного изделия" (рис.2 - 5), другой - фрагмент рабочего края отбойника (рис.2 - 4). При составлении отдельных обломков в одном случае было получено лезвие "чоппингоподобного" орудия (рис.2 - 6), в другом фрагмент "чоппероподобного" изделия (рис.2 - 7).

Четыре медиальных сегмента (рис.I - 12,13) - короткие и широкие сечения пластин, у которых Ldp варьирует от 16 мм до 35 мм, w - от 14 мм до 24 мм, т - от 3 мм до 6 мм и $\frac{T \cdot 100}{W}$ - от 21,4 до 25,0 - свидетельствуют о наличии техники призматического расщепления. В коллекции имеется только одна целая призматическая пластина, у которой Lc= 64 мм, w = 30 мм, т = 7 мм и $\frac{T \cdot 100}{W}$ = 23,3. В данном случае ломаная линия правого маргинала и фасетки левой

I. Здесь и далее процентное содержание изделий дается от всего количества найденных предметов.

грани, расположенных под углом 35° к линии дорсального гребня, не мешают классифицировать предмет как призматическую пластину (рис.I - I6), поскольку поперечное сечение имеет подтреугольный (несколько приближающийся к трапеции) контур, дорсальный гребень параллелен левому маргиналу и перпендикулярен горизонтали сохранившейся ударной площадки. По этим же признакам четыре предмета классифицированы как фрагменты призматических пластин. Два из них оказались проксимальными сегментами (рис.I - II), а два других - дистальными (рис.I - I4).

В некоторой степени о технике призматического расщепления позволяют судить сколы с нуклеусов с негативами снятий призматических пластинок (рис.3 - 6,7,8). В коллекции они представлены тремя экземплярами.

Пока обнаружен только один нуклеус с призматическим принципом расщепления (рис.4 - I2). Он имеет косую ударную площадку и три, четыре снятия, подготавливающих его для последующего отделения призматических пластин.

Предварительно мы отнесли к разряду нуклеусов еще два предмета. Один из них, представляющий массивный мергелевый скол с негативами нескольких встречных субпараллельных снятий на вентральной поверхности, мы характеризуем как монофронтальный двуплощадочный нуклеус (рис.3 - 3). Другой - как монофронтальный нуклеус с "беспорядочным" скалыванием, несколько приближающимся к радиальному. Но возможно, что это - заготовка какого-то другого нуклеуса (рис.3 - 5).

Наиболее яркую, хотя и немногочисленную, группу орудий представляют скребла. Прежде всего, это - два скребла с крутым рабочим краем, изготовленные из массивных кварцитовых сколов. У одного из них два рабочих края сопрягаются почти под прямым углом (рис.5 - I), тогда как у другого одно выпукло-овальное лезвие (рис.5 - 2). На обоих скреблах дорсальная поверхность почти полностью обработана ударной разнофасеточной ретушью, а лезвие подправлено мелкой разнофасеточной прерывистой ретушью.

Два скребла из уплощенных мергелевых сколов по всему периметру обработаны плоской с широкими фасетками ретушью: в одном случае - обработка вентральная, в другом - дорсальная (рис.4 - II,I3). У обоих скреблл противолежащие края, расположенные на

длинных сторонах прямоугольника, подправлены мелкой разнофасеточной ретушью.

Необходимо также отметить скребло из массивного кварцитового отщепа с крутым и прямым рабочим краем (рис.5 - 7) и скребло из уплощенного мергелевого скола со слегка выпуклым лезвием (рис.5 - 9). Рабочие края скребел обработаны дорсальной ретушью с широкими фасетками и подправлены мелкой разнофасеточной ретушью.

Кроме того, имеется четыре фрагмента кварцитовых скребел с аналогичной обработкой рабочего края (рис.5 - 8,10,11,12).

В коллекции - всего шесть скребков: 1) два концевых скребка (рис.1 - 3,4), изготовленных из коротких и широких отщепов (т.е. отщепов, у которых поперечные размеры превосходят продольные); 2) округлый скребок с дорсальной разнофасеточной ретушью (рис.1 - 1); 3) боковой скребок с полулунно-выпуклым лезвием (рис.4 - 9); 4) концевой скребок "с ушком" (рис.1 - 2); 5) скребок из массивного мергелевого отщепа, на одном из острых углов которого стелющейся отжимной ретушью оформлен крутой рабочий край (рис.1 - 5).

К категории скребущих орудий отнесены отщеп с ретушированной выемкой (рис.1 - 6) и два краевых скола с нуклеусов, имеющих ретушь утилизации (рис.4 - 10). Очевидно, сюда же следует отнести часть отщепов со следами использования (рис.1 - 8,9,10).

В коллекции имеется два остроконечника. Один из них - симметричный почти листовидной формы - изготовлен из пластинчатого отщепа с ломаным дорсальным гребнем (рис.4 - 1). Другой - также изготовленный из пластинчатого отщепа - имеет выемку у проксимального сегмента, образовавшуюся в ходе первичной обработки (рис.5 - 3). Оба остроконечника имеют разнофасеточную дорсальную ретушь, заходящую на 1 - 4,5 мм от края.

Тремя экземплярами представлены своеобразные проколки, у которых небольшой зубец оформляется мелкой ретушью на одном из острых углов отщепа (рис.5 - 4,6). Кроме того, один экземпляр имеет ретушь утилизации (рис.5 - 4).

Шесть "галечных" изделий отнесены к разряду так называемых "чопперов" (рис.6 - 1,2; 2 - 1) и "чоппингов" (рис.1 - 21). Три из них были использованы в качестве отбойников, о чем свидетельствуют характерные звездчатые выбоины (рис.2 - 2; 6 - 2).

К разряду неопределенных изделий отнесена заготовка какого-то "галечного" орудия (рис.3 - 4), при обработке ее, как нам кажется, были получены 2-3 отщепа с линейными размерами, которые можно выразить как L =2 W. Из таких отщепов изготовлены уже упоминавшиеся своеобразные концевые скребки. Но так как изделие представлено только одним экземпляром, мы не можем предполагать насколько оно типично.

О месте, которое занимает новый памятник в ряду уже известных местонахождений этого района, можно судить на основе сопоставлений его материалов с позднепалеолитическим инвентарем Ш, IУ культурных горизонтов Макарово П (см. статью Аксенова в данном сборнике).

Несмотря на то, что из-за явной недостаточности материала мы не можем сопоставить типологические и морфологические характеристики нуклеусов и дать сравнение метрических характеристик призматических пластинок, присутствие техники призматического расщепления на Макарово Ш неоспоримо. Если слой 3 Макарово П дал 58 призматических пластинок, что составляет 4,9% от 668 предметов коллекции (грубые пластинки из подсчетов исключены), то на Макарово Ш 8 фрагментов и I целая призматическая пластина составляют I,9% от 5I4 обнаруженных предметов. На новом памятнике не обнаружено ни одной микропластинки, тогда как на Макарово Ш они составляют 3,8% от всей коллекции. Соответственно, может быть не случайным отсутствие микронуклеусов.

Остальной инвентарь также позволяет сделать некоторые наблюдения. Так,например, если в коллекции Макарово Ш имеются различные скребла, то на Макарово П они не найдены. Не обнаружено на Макарово П поделок из кварцита, тогда как на новом местонахождении этот материал довольно распространен. В свою очередь на Макарово Ш не обнаружено орудий из кости. Заслуживают внимания упоминавшиеся выше проколки и остроконечники, но пока это - единичные экземпляры.

"Отходы производства" - последняя группа, которая в какой-то мере интересна для сопоставлений. Так, например, на Макарово Ш массивные отщепы составляют I0,6%, в то время как на Макарово П эта группа представлена всего несколькими экземплярами. На новом памятнике I5% составляет битая галька,тогда как на Макарово П ее почти нет.

Итак, при сопоставлении этих памятников мы обнаруживаем определенные различия. Но выявленные различия не являются равноценными. Так, для нас важно, что на новом памятнике нет микронуклеусов и микропластинок и почти в три раза меньше призматических пластинок, что позволяет говорить о существовании хронологического разрыва между Макарово II и Макарово III и о большей древности последнего. Остальные различия, что прежде всего, касается скребел, костяных орудий и кварцитового сырья, носят скорее случайный характер. Отчасти это объясняется явной недостаточностью материалов, отчасти - тем же хронологическим разрывом.

Кроме описанных различий в материальной культуре памятников имеются об ие и, как нам кажется, довольно существенные черты. Так, на обоих памятниках несколько "чоппингов" являются единственными бифациальными изделиями, в целом же индустрии унифациальны. Крайне незначительный удельный вес призматических пластинок характерен для обоих памятников. Наконец, ни на Макарово II, ни на Макарово III нет ни одного изделия, ни одного элемента, характерного только для этих стоянок. Оба памятника обнаруживают отдельные элементы сходства с верхнепалеолитическими стоянками Енисея, Прибайкалья и Забайкалья. Но констатируя факт сходства определенных форм и элементов, мы в настоящее время считаем преждевременным говорить о генетическом родстве макаровских памятников с какими-либо комплексами изученных регионов в Сибири.

Еще очень много необходимо сделать для окончательного выяснения взаимосвязей между памятниками Макарово II и Макарово III.

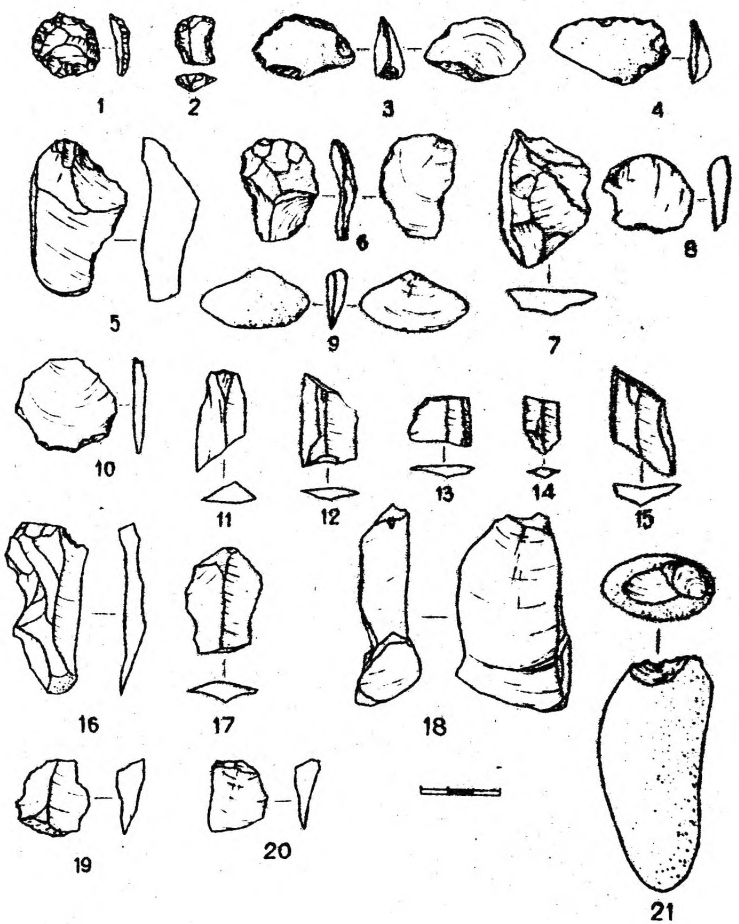

Рис.I. Изделия из камня

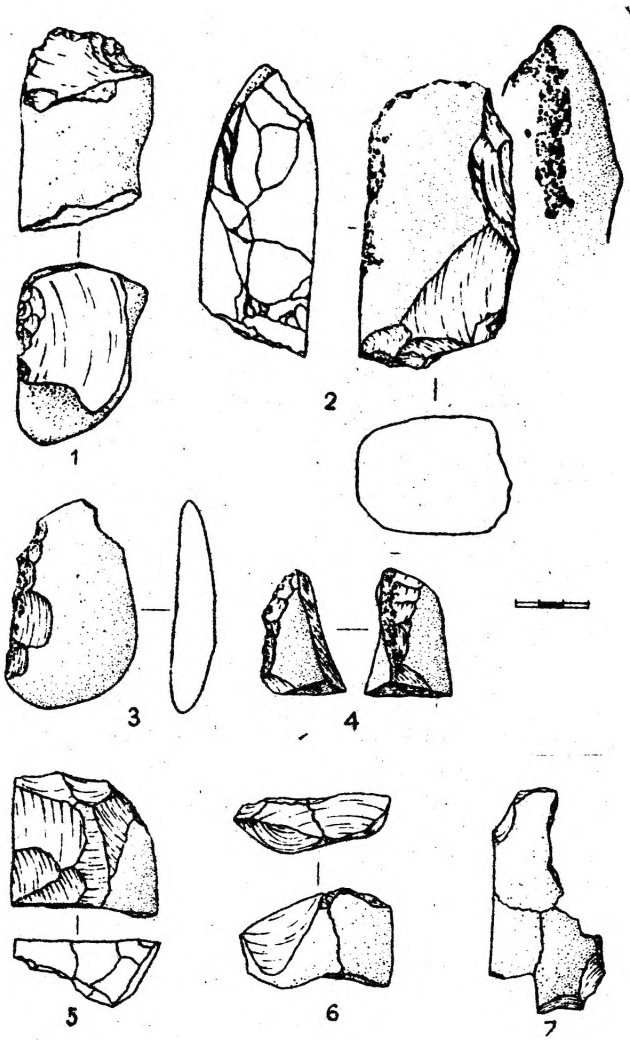

Рис.2. Изделия из камня

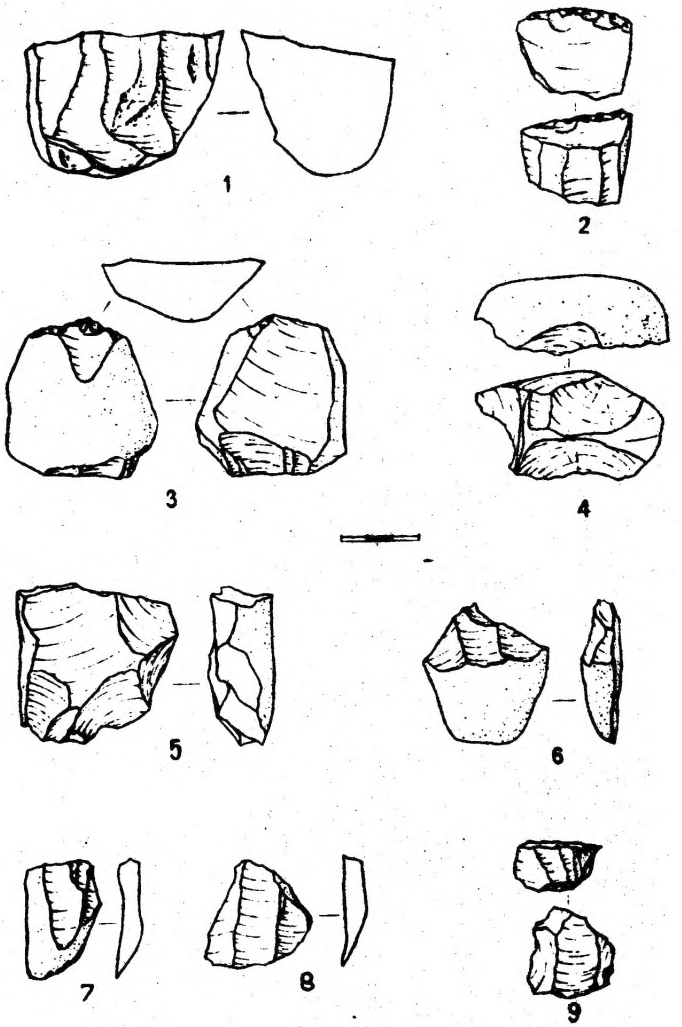

Рис.3. Изделия из камня

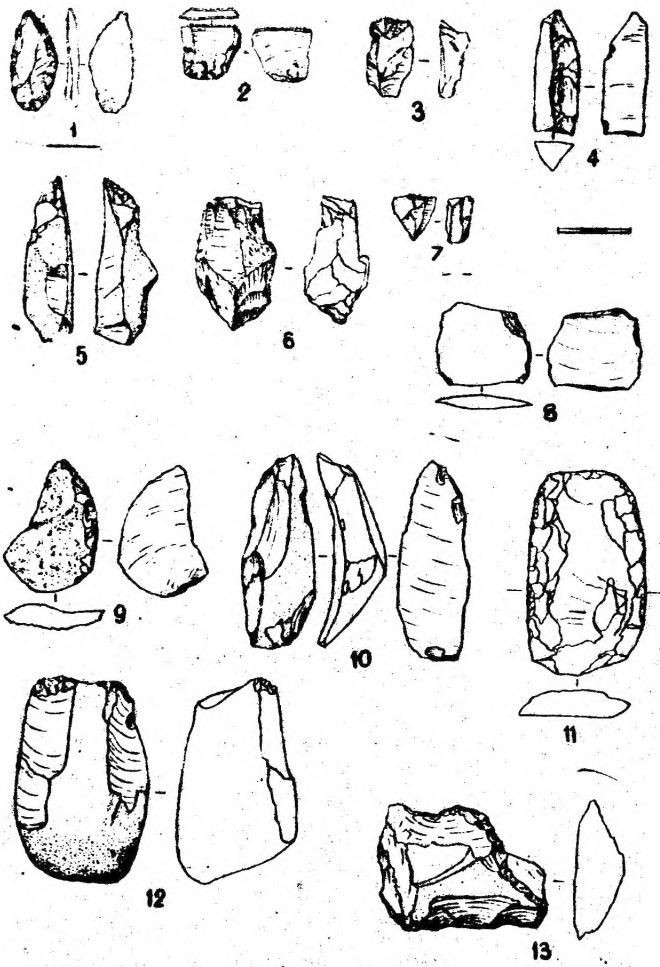

Рис.4. Изделия из камня

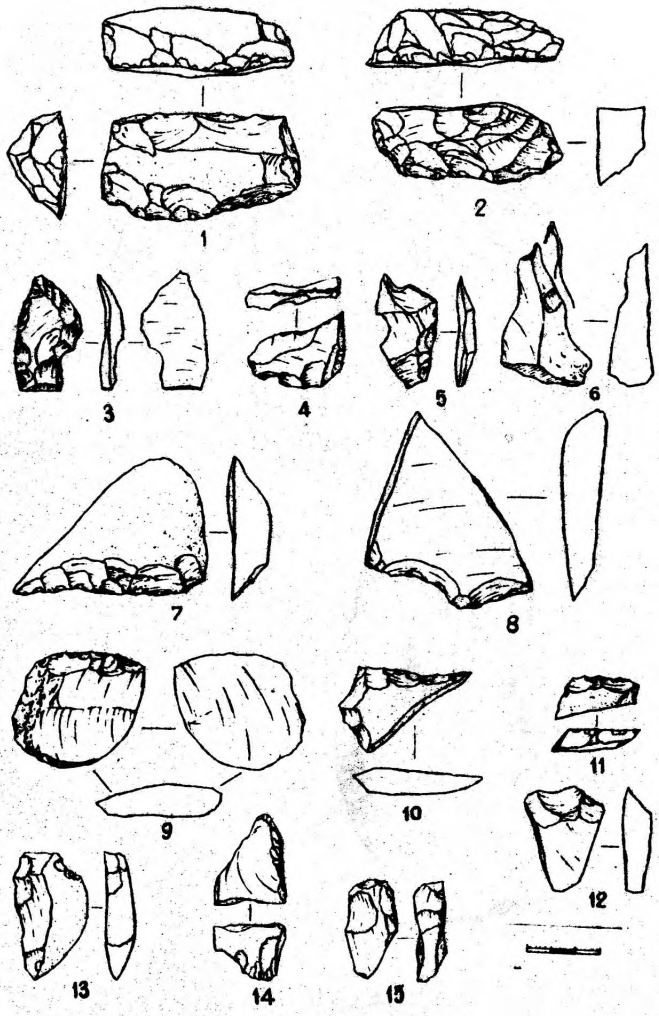

Рис.5. Изделия из камня

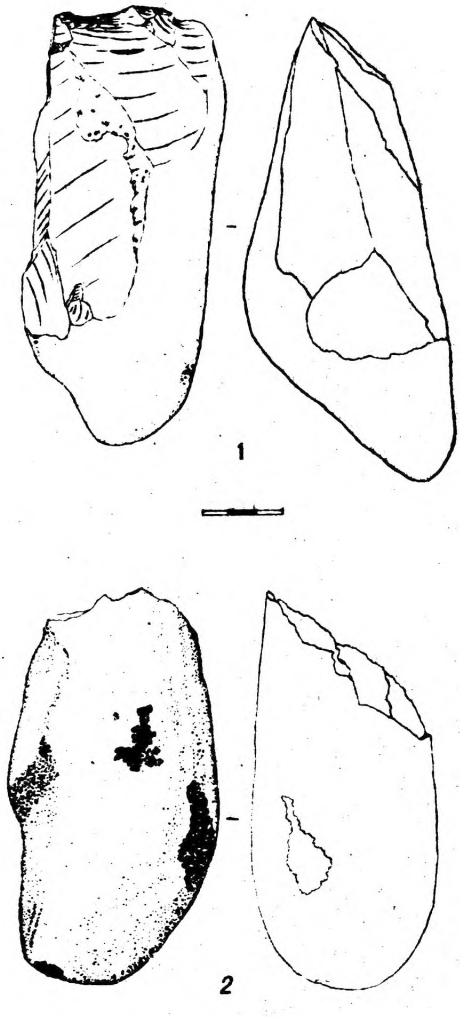

Рис.6. Изделия из камня

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
вып. I. 1974

М.П.Аксенов, П.Е.Мыгун

КИСТЕНЕВО - НОВЫЙ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ВЕРХНЕЙ ЛЕНЫ

26 июля 1971 г., во время одного из разведочных маршрутов на восточной окoлице д.Кистенево (4 км ниже по течению р.Лены от группы макаровских стоянок), в отвале котлована для строящегося телятника М.П.Аксеновым и В.С.Федчиным были обнаружены каменные орудия, битая галька, отщепы и пластинчатые сколы (рис.I). Рельеф поверхности района д.Кистенево весьма напоминает геоморфологическую ситуацию района Макарово. Однако, до сих пор неоднократные попытки обнаружить остатки культурной деятельности людей прошлых эпох в этом районе кончались безрезультатно. Поэтому обнаружение каменных орудий определенных форм, характерных для определенной эпохи и определенного круга памятников, побудило нас более внимательно обследовать этот район.

Серия аккумулятивных террас, аналогичных по высоте террасам в районе д.Макарово, подымаясь четкими уступами, примыкает к 80-100 метровым эрозионным террасам.

I-я надпойменная терраса, в борт которой врезан котлован телятника (20 х 100 м), возвышается над меженным урезом реки на 6-10 м и внешне ничем не отличается от аналогичного уровня террас в окрестностях.

Стратиграфически же эта терраса значительно отличается от

них. Здесь отсутствуют лессовидные делювиальные отложения и до минимума сокращена мощность современной почвы (рис.2). Кроме того, рельеф поверхности террасы осложнен дюнами. Ветровой эрозией полностью переработана верхняя (делювиальная) пачка отложений. Местами маломощная современная почва (5 см) лежит непосредственно на пойменных аллювиальных отложениях, местами же пойменный аллювий покрыт мощной толщей (до 3 м) дюнных наносов.

В этом районе и прилегающей местности не было обнаружено никаких признаков керамики (была обследована полоса протяженностью свыше 3 км по фронту террасы на глубину 20-30 м). Орудия, найденные на отвале котлована, характерны для развитого и позднего мезолита верхоленско-забайкальской культурной области: 2 скребла, 2 ножа полулунной формы, за которыми в сибирской археологии укрепилось название "улу" или "улуподобные".

Один из ножей изготовлен из плоской мергелевой гальки. Обработка двусторонняя. Высота негативов сколов обработки 1,5-3 см. Одна сторона обработана полностью, другая на 2/3. Обушок не обработан, на нем сохранилась галечная поверхность. Лезвие образуется двумя ретушированными плоскостями, сходящимися под углом 48^0. Размер фасеток подработки 0,3-2 см. Длина ножа - 10 см, ширина - 6 см, толщина по обушку - 2 см (рис.3 - 1).

Второй нож изготовлен также из плоской гальки окремнелой породы. Обработка двусторонняя. Высота негативов сколов обработки до 3,5 см. Одна сторона обработана полностью, другая на 4/5. С обушка снят лыжевидный скол, занявший 3/4 его поверхности. Край скола с одной стороны подработан очень мелкой ретушью на протяжении 2,7 см. Боковая сторона и поверхность скола составляют угол 92^0. Лезвие образуется двумя ретушированными фасами, сходящимися под углом 65^0. Подработка выполнена очень мелкой отжимной ретушью. Длина ножа - 7 см, ширина - 4 см, толщина по обушку - 2 см (рис.3 - 2).

Определенный интерес представляют и скребла, изготовленные из одной, расколотой на 2 части гальки окремнелой породы.

Форма одного из скреблл близка к прямоугольнику. Дорсальная сторона скола обработана отжимной ретушью. Высота фасеток - 1,5-2 см. Участок вентральной стороны, частично сохранивший при

раскалывании галечную корку, обработан ударной ретушью. Со смежного ему участка дорсальной стороны произведено два скола размерами 3,3 х 2,5 см и 2,5 х 1,3 см. Подработка произведена мелкой отжимной ретушью. Дорсальная сторона обработана на 1/3, на остальной поверхности и обушке сохранилась галечная корка. Длина скребла 10 см, ширина 5,8 см, толщина по обушку 3 см (рис.4 - 2).

Второе скребло - полулунной формы. Обработано отжимной ретушью с дорсальной стороны. Высота фасеток до 0,7 см и лишь 2 фасетки по 1,5 см. На остальной поверхности и обушке сохранилась галечная корка. Длина скребла 8,5 см, ширина 5 см, толщина по обушку 1,8 см (рис.4 - 3).

Менее диагностичные отщепы, обитые гальки и пластинчатые отщепы не противоречат отнесению найденных орудий к мезолиту.

Попытка обнаружить стратиграфическое положение культурных остатков в котловане результатов не дала. Вокруг котлована были заложены 3 шурфа. Два из них, заложенные на поверхности дюн, абсолютно не дали культурных остатков. Шурф № 1, заложенный на понижении между дюнами, позволил определить стратиграфическое положение культурных остатков на новой стоянке.

Стратиграфия I-й террасы приводится по этому шурфу (рис.2)

Сверху вниз:	Мощность в м
1. Почва	0,15
2. Мелкозернистый красноватый песок со следами эоловой переработки	0,25
3. Горизонтально слоистые пески, супеси, илы. Пойменный аллювий	1,50
4. Галька, крупнозернистый песок. Русловой аллювий. Вскрытая мощность	0,20-0,25

Культурные остатки залегают тонким (до 5 см), четко выделяющимся в разрезе слоем на контакте делювия с пойменным аллювием в среднем на глубине 30 см. Культурный слой насыщен находками. Собрано 83 каменных предмета и 90 фрагментов костей с площади 2 м^2. Основную массу составляют "отходы производства" и "кухонные остатки" - отщепы, пластинки, осколки камня, кости и жженая кость.

В шурфе найдено лишь два орудия – клиновидный микронуклеус и скребок.

Микронуклеус одноплощадочный, монофронтальный. Клин слегка подработан с латералей. Площадка скошенная, не подработана. На фронте прослеживаются негативы 5 сколов (рис.3 – 3).

Концевой скребок изготовлен из отщепа серой окремнелой породы. Рабочий край образован отжимной ретушью, нанесенной с дорсальной стороны на дистальном конце. С одной стороны рабочего края имеется выступ ("ушко") (рис.3 – 4).

Морфологически орудия новой стоянки находят аналогии в инвентарных комплексах таких стоянок, как Макарово I (низ) и Макарово II (слой II) на р.Лене (Аксенов, 1970; 1971), а также в средне- и позднемезолитических комплексах Приангарья (Верхоленская Гора) и Забайкалья (Ошурково) (Аксенов, 1966; Окладников, 1959).

Залегание культурных остатков в отложениях, являющихся контактом делювия и поймённого аллювия (раннеголоценовых), подтверждает средне-позднемезолитический возраст Кистенево.

Стоянка интересна тем, что является пока единственным однослойным мезолитическим памятником на верхней Лене.

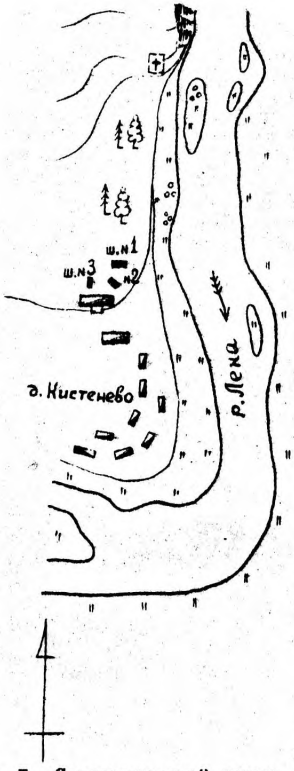

Рис.I. Ситуационный план

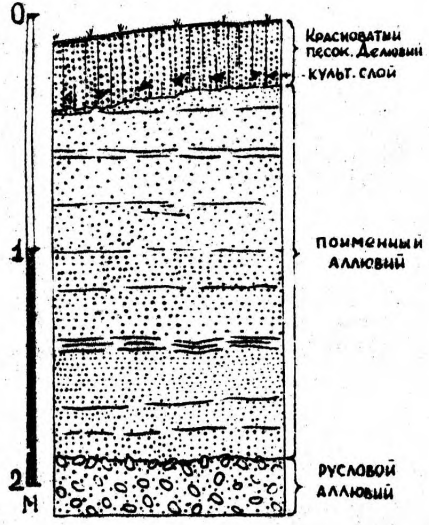

Рис.2. Разрез шурфа № I

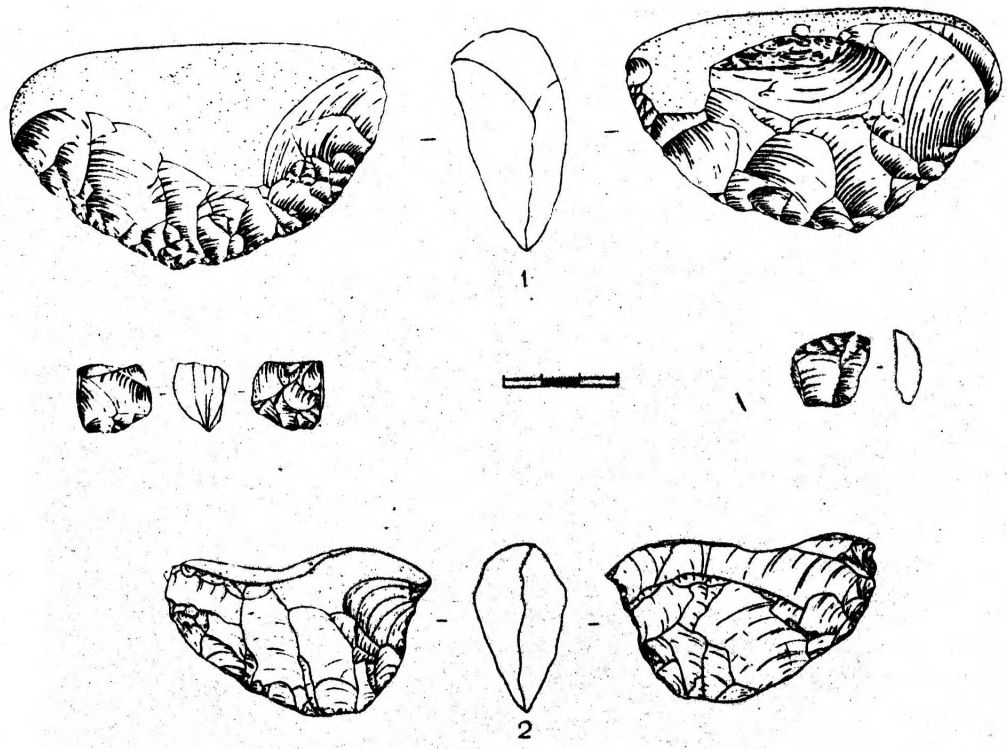

Рис.3. Изделия из камня

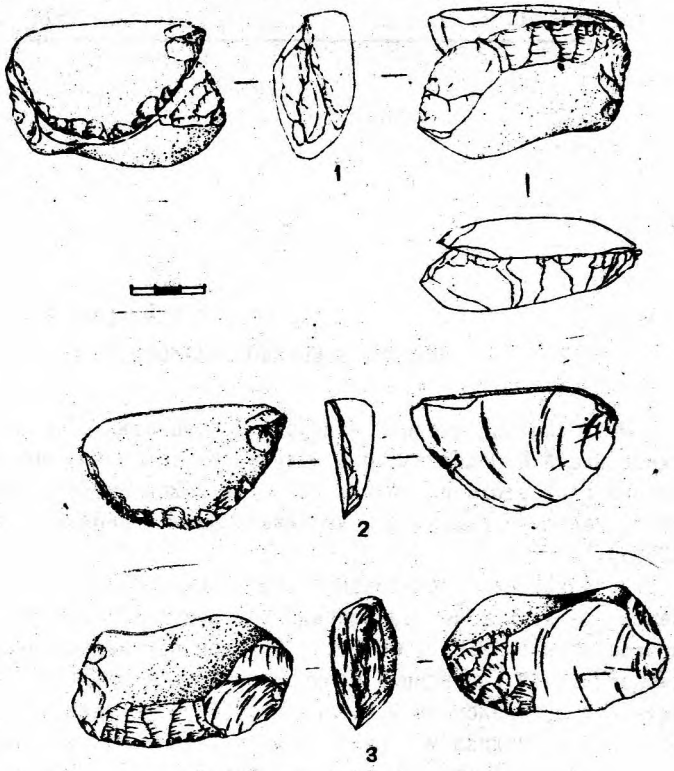

Рис.4. Изделия из камня

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
вып. I. 1974

В.М.Ветров, В.С.Зубков

ВЕРХНИЙ КОМПЛЕКС МАКАРОВО I

Многослойная стоянка Макарово I была открыта и впервые исследована А.П.Окладниковым, заложившим там небольшой раскоп. Нижний слой этого памятника А.П.Окладников отнес к позднему этапу ленского палеолита, верхние слои – к неолиту (Окладников, 1953б).

В дальнейшем исследование этого памятника было продолжено Ленской археологической экспедицией Иркутского областного музея краеведения в 1966, 1968 гг. и Ленской партией комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета под руководством М.П.Аксенова. В результате проведенных раскопок и анализа материала было установлено, что нижний комплекс Макарово I является мезолитическим, а два вышележащих слоя были отнесены соответственно к неолиту и эпохе металла (Аксенов, 1970).

Однако при исследовании Макарово I основное внимание исследователями уделялось изучению нижнего комплекса стоянки, так как решался вопрос о существовании мезолита в Сибири вообще и на Верхней Лене, в частности. Цель данной статьи – ввести в научный оборот материалы верхних слоев Макарово I.

Стоянка расположена за нижней околицей деревни того же названия, на первой надпойменной террасе, высотой 6 м. Эта аккумулятивная терраса с севера и северо-запада причленяется к 15-25-метровой террасе, последняя в свою очередь – 50-80-метровой

скульптурной террасе. Делювиальный шлейф, прикрывая прибровную часть, повышает уровень террасы до 8-9 м. В юго-восточном направлении терраса, постепенно снижаясь, выходит на уровень высокой поймы. С юга к террасе примыкает обширная высокая пойма.

Стратиграфическая ситуация (рис.I), выявленная в процессе раскопок, следующая (по северо-западной стенке раскопа 1966 г.)

Сверху вниз:	Мощность в м
I. Почва	0,30-0,40
2. Серая лессовидная супесь	0,07-0,10
3. Углистая масса, заполняющая искусственные углубления	0,15-0,25
4. Палевая лессовидная супесь	0,15-0,60
5. Пески, супеси, илы, аллювий	до 2,50

Находки верхнего комплекса Макарово I заключены в гумусном слое и в слабо гумусированной подпочве (I-3). Разделение этой толщи на два культурных слоя было произведено условно по прослойке плиток песчаника. Из первого слоя, прорезая второй, вниз уходят ямы округлых форм, заканчивающиеся кладками плиток серого песчаника. Форма кладок, наличие в них золы, указывают на то, что они являются своеобразными очагами. Плитки, подстилающие первый слой, располагаются и на скатах очажных ям, из чего можно заключить, что они относятся именно к этому слою. Близкое расположение, высокая концентрация на сравнительно малой площади (9 очагов на 52 м^2 в раскопе № 2), отсутствие предметов хозяйственной деятельности в самих очагах позволяют предположить, что последние не служили каким-либо хозяйственным целям. Целевое назначение их остается неясным.

Каменный инвентарь и керамика I и II культурных слоев характеризуются единством форм и техники обработки, поэтому весь материал рассматривается в комплексе независимо от выделенных слоев.

Керамический комплекс верхних слоев Макарово I довольно разнообразен. В настоящее время дифференцировать его по технике изготовления не представляется возможным с достаточной достоверностью, так как вполне возможно, что вся керамика изготовлялась методом выколачивания. Поэтому за основу подразделения взят декор. В соответствии с этим выделено 4 группы (табл.I).

Таблица I

Послойное распределение групп керамики Макарово I

Группа керамики	1966 г.		1971 г.
	I слой	II слой	I слой
Со следами сетки плетенки	II	47	36
Шнуровая	-	47	-
Заглаженный шнур	49	-	107
Штриховая	23	208[1]	-
Гладкостенная	157	219	169

Из таблицы видно, что преобладает гладкостенная керамика. Наличие керамики со следами сетки-плетенки, считающейся наиболее древней для Прибайкалья, невелико.

Наиболее полное представление о художественной орнаментации сосудов дают имеющиеся в нашем распоряжении фрагменты венчиков. Всего на стоянке за 1966-1971 гг. найдены венчики не менее 50 сосудов. Из них наиболее интересными являются: фрагменты венчиков двух сосудов со следами сетки-плетенки. Фрагмент венчика одного из них не имеет никакого дополнительного орнамента. Второй был украшен косыми насечками по бортику венчика. Оба венчика непрофилированные (рис.2 - I). Характерно, что сосуды со следами сетки-плетенки орнаментировались очень скупо или совсем не имели узора.

Фрагменты венчиков 4 гладкостенных сосудов орнаментированы по одному и тому же композиционному принципу. По боковой плоскости они украшены поясками выпуклин-"жемчужин" в I-2 ряда, а по бортику венчика насечкой или вдавливаниями отступающей лопатки. Два венчика имеют налеп по краю со следами пальцевых защипов (рис.2 - 3; 3 - I6). Подобным же образом украшен и венчик сосуда со штриховой поверхностью (рис.2 - 7).

Очень часто венчики сосудов утолщены налепом треугольным или сегментовидным в сечении. Орнаментация венчиков довольно разнообразна. Так налеп треугольной формы на венчике одного сосуда был украшен прочерченными линиями, образовавшими решетку

I. Все фрагменты принадлежат одному сосуду.

с ромбовидными ячейками. По боковой плоскости налепа другого венчика нанесены группы широких прочерченных линий, расположенных почти перпендикулярно друг другу. Ниже налепов у обоих венчиков имеется поясок выпуклин-"жемчужин". Края венчиков слегка отогнуты наружу (рис.2 - 6,7).

Нередко налеп орнаментировался двойными рядами косых прочерченных линий. Внутренняя поверхность венчиков украшалась косыми прочерченными линиями или вдавливаниями отступающей лопатки (рис.3 - I2,I5).

Найдено также 3 фрагмента венчиков, у которых налеп треугольной формы орнаментирован вдавливаниями прямоугольным стеком, образующими "елочку". Ниже налепа сосуд украшен горизонтальными рядами двойной отступающей лопатки (рис.3 - I7).

Кроме вышеописанных способов орнаментации и приемов композиции, имеются фрагменты венчиков гладкостенных сосудов оформленных горизонтальными рядами отступающей лопатки прямоугольной по форме (рис.2 - 4).

Немало фрагментов керамики, включая и венчики, орнаментировано горизонтально и вертикально прочерченными линиями. Часто эти линии прочерчены в виде "елочки" (рис.3 - 8-I0).

Очень интересным является фрагмент сосуда, изготовленный методом выколачивания на твердой основе. Сосуд круглодонный со штрихованной поверхностью и четко выраженной шейкой, со слегка отогнутым краем венчика. По венчику и шейке, параллельно срезу венчика, прочерчено I3 линий, от которых вниз отходят двойные зигзагообразные линии, прочерченные через равные интервалы. Под последними, параллельно срезу венчика, проведена еще одна двойная зигзагообразная линия (рис.2 - 8).

В верхних слоях стоянки Макарово I была также собрана довольно обширная и разнообразная коллекция изделий из камня. Подавляющее большинство изделий, относящихся, как к первому, так и ко второму слою (которые были выделены условно и составляют единый культурный комплекс), характеризуется единством морфологических принципов и техники обработки.

Все нуклеусы, обнаруженные на стоянке, призматические. Общее их количество - I8 экземпляров. По морфологическим признакам они компонуются в 4 группы.

К первой группе относятся нуклеусы одноплощадочные, монофронтальные. Сторона такого нуклеуса, противоположная фронту скалывания, имеет негатив одного широкого скола. Группа представлена 6 экземплярами, 5 из которых являются микронуклеусами (рис.4 - 5).

Вторую группу составляют 4 микронуклеуса конусовидной формы (рис.4 - 3).

Третья группа состоит из 3 одноплощадочных, монофронтальных микронуклеусов, имеющих двусторонне подработанные гребни (рис.4 - I,4).

К четвертой группе отнесено 2 нуклеуса из отщепов. Оба нуклеуса, один по принципу скалывания пластин, другой по форме подработки гребня, отдаленно напоминают клиновидные нуклеусы, но ни в коей мере таковыми не являются (рис.4 - 7,II).

Остальные нуклеусы не могут быть причислены к какой-либо из вышеописанных групп и представлены единичными экземплярами:

I. Нуклеус двуплощадочный, с двумя сопряженными фронтами скалывания. Площадки полюсные. Отделение пластин производилось лишь с одной из них. Другая имеет подработку рабочего края, скалывание с которой оказалось неудачным, вследствие неподходящей структуры камня (рис.4 - 6).

2. Нуклеус двуплощадочный, монофронтальный. Площадки полюсные. Отделение пластин происходило навстречу друг другу (рис.4 - 2).

Оба вышеописанных нуклеуса имеют косые площадки. Морфология и технические приемы обработки этих нуклеусов уходят корнями в местный мезолит и поздний палеолит.

3. Обломок призматического двуплощадочного микронуклеуса. Площадки полюсные. Снятие пластин производилось навстречу друг другу.

На стоянке было найдено IO изделий, которые по своим признакам могут быть отнесены к заготовкам нуклеусов. Заготовки эти находятся в первоначальной стадии обработки, не дающей возможности с уверенностью судить об окончательной форме нуклеуса. Среди них имеются:

I) три заготовки нуклеусов с двусторонне подработанными гребнями. Одна из них имеет негатив от первичного скола на од-

ной из боковых плоскостей, который был произведен с косой площадки (рис.5 - 5,7);

2) заготовка нуклеуса из продолговатой гальки, имеющая одну косую площадку и два сопряженных фронта с негативами нескольких невыразительных сколов, а также два скола по краю, нанесенных по антитезе. Можно предположить, что при дальнейшей обработке данного изделия по краю должен был образоваться гребень, аналогичный гребням вышеописанных заготовок нуклеусов;

3) изделие из плоского скола, бифациально обработанное по краям, имеющее форму остроконечника. Проксимальный конец скола представляет собой хорошо подработанную косую площадку, с которой было произведено отделение пластины (рис.5 - 3). Поэтому можно предположить, что изделие является заготовкой нуклеуса, а его края - подработанными гребнями, один из которых должен был исчезнуть при дальнейшем отделении пластин. Вероятно, данное изделие (также, как и 4 предыдущих) при своем дальнейшем употреблении в качестве нуклеуса, могло превратиться в нуклеус с подработанными гребнями, аналогичный нуклеусам третьей группы;

4) два изделия из галек, имеющие биф циальную локальную обработку, которые по своему виду могут быть отнесены к заготовкам нуклеусов или даже в разряд нуклеусов. Как показали исследования под бинокуляром, одно из изделий использовалось в качестве скребущего орудия: лезвие, образованное сопряжением обработанных плоскостей, имеет следы сработанности в виде полосы мелких штрихов шириной 3-5 м (рис.4 - 9,10);

5) четыре бифациально обработанных изделия с радиально обколотыми сторонами. Несмотря на сходный принцип обработки, они отличаются друг от друга по форме, что, по-видимому, было обусловлено их различным функциональным назначением (рис.5 - 1,2,4).

К этой группе изделий, в какой-то мере, примыкают две заготовки тесловидных орудий с радиальным принципом скалывания, но обработанных унифациально и более грубо. Вторая сторона такой заготовки сохраняет галечную поверхность (рис.5 - 6).

Среди изделий, найденных в верхних слоях Макарово I, одной из наиболее значительной в количественном отношении является

коллекция скребков, насчитывающая 16 экземпляров. Изделия эти в подавляющем большинстве изготовлены из широких или узких отщепов, формы которых иногда очень близко подходят к формам пластин. Два скребка - боковые, остальные - концевые. Все они обработаны отжимной разнофасеточной ретушью. Наибольший интерес представляют скребки, выполненные из крупнозернистого кварцита (рис.6), выделяющиеся из общей массы большими размерами и грубой обработкой. Среди них отмечены:

1) концевой скребок из плоской продолговатой гальки, имеющей лишь обработку рабочего края (рис.6 - 1);

2) скребок из крупного отщепа. Ретушь, образующая рабочий край, выполнена не на дорсальной, как у остальных скребков, а на вентральной стороне отщепа (рис.6 - 12);

3) два скребка, изготовленные из сколов, дорсальная сторона которых сохраняет галечную корку (рис.6 - 5,6).

В коллекции орудий имеются 3 скребла архаичные по своей форме и обработке. Два из них представляют собой массивные галечные сколы, имеющие дополнительную подработку рабочего края ударной ретушью с дорсальной и вентральной сторон (рис.6 - 2). Третье скребло сохраняет форму исходной уплощенной, почти круглой гальки, обработанной ударной ретушью по окружности. Все три скребла носят следы долгого употребления в работе.

Ножи, найденные на стоянке, изготовлены из плоских отщепов или отслоившихся кварцитовых пластин. Они имеют различные формы и различный принцип обработки. Среди них следует отметить одно лезвийные, двулезвийные, обработанные с двух сторон или одной краевой отжимной, разнофасеточной ретушью (рис.6 - 14,15).

Наконечники стрел представлены тремя экземплярами. База и острие одного из них обломаны, и это не позволяет определить его первоначальную форму. Два других наконечника совершенно разные. Один имеет удлиненную треугольную форму с сильно вогнутой базой и слегка вогнутыми сторонами. Другой - наконечник треугольной формы со слегка вогнутой базой и сильно выпуклыми сторонами, имеет очень маленькие размеры.

В каменный инвентарь верхних слоев Макарово I входят также единичные экземпляры следующих орудий:

1. Тесло из уплощенной продолговатой гальки, обработанное с одной стороны.

2. Угловой резец из пластинчатого отщепа.

3. Тесловидное микроорудие из отщепа с двусторонне обработанным рабочим краем (рис.6 - 4).

4. Микросверло.

5. Массивная галька-отбойник.

6. Ретушер-отбойник.

7. Грузило из плоской удлиненной гальки с боковыми выемками.

На стоянке было обнаружено несколько обломков шлифованных орудий из камня, а также орудия, изготовленные из отщепов, снятых со шлифованных изделий.

Материал верхних слоев стоянки Макарово I фактически представляет собой единый культурный комплекс. Сочетание, с одной стороны, мелкого каменного инвентаря с высокой степенью мастерства обработки, доходящей иногда до небрежности при изготовлении орудий, и, с другой стороны, архаичность форм и грубость техники обработки, а также композиция орнаментов на сосудах данного памятника, являются обычными для эпохи финального неолита и энеолита Прибайкалья (Окладников, 1950б; 1953а).

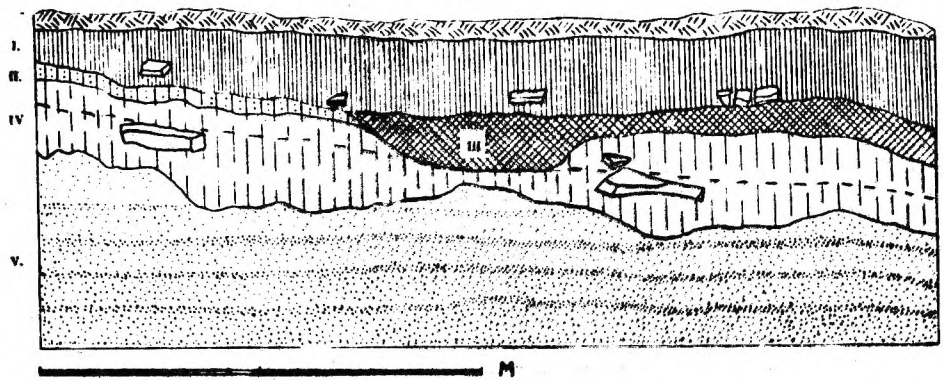

Рис.I. Стратиграфический разрез

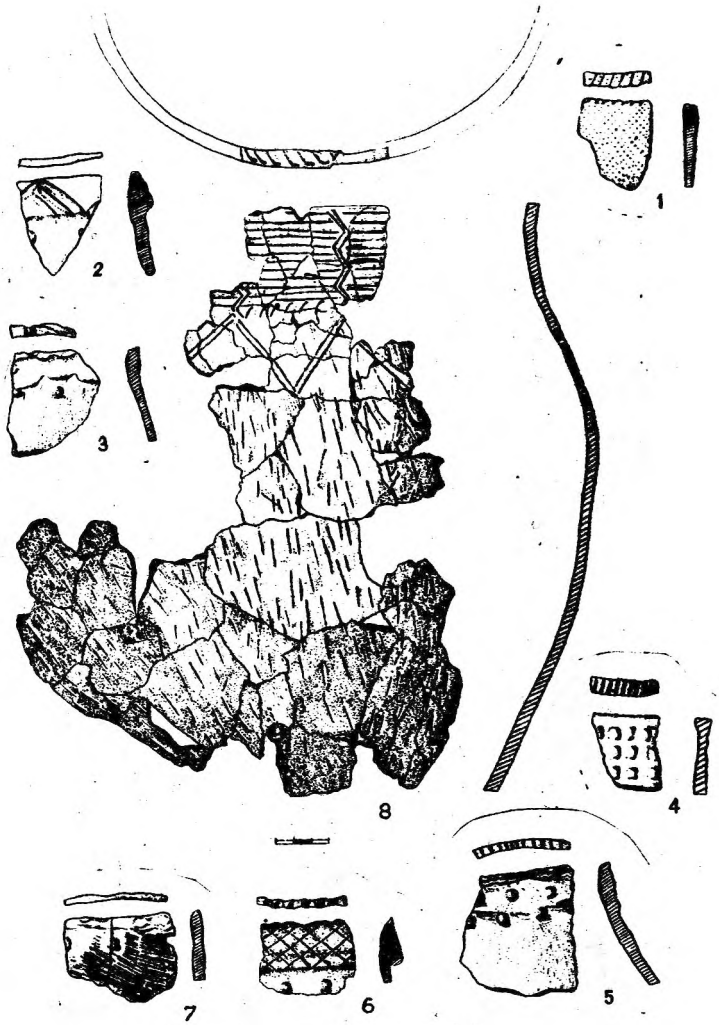

Рис.2. Кэрамика

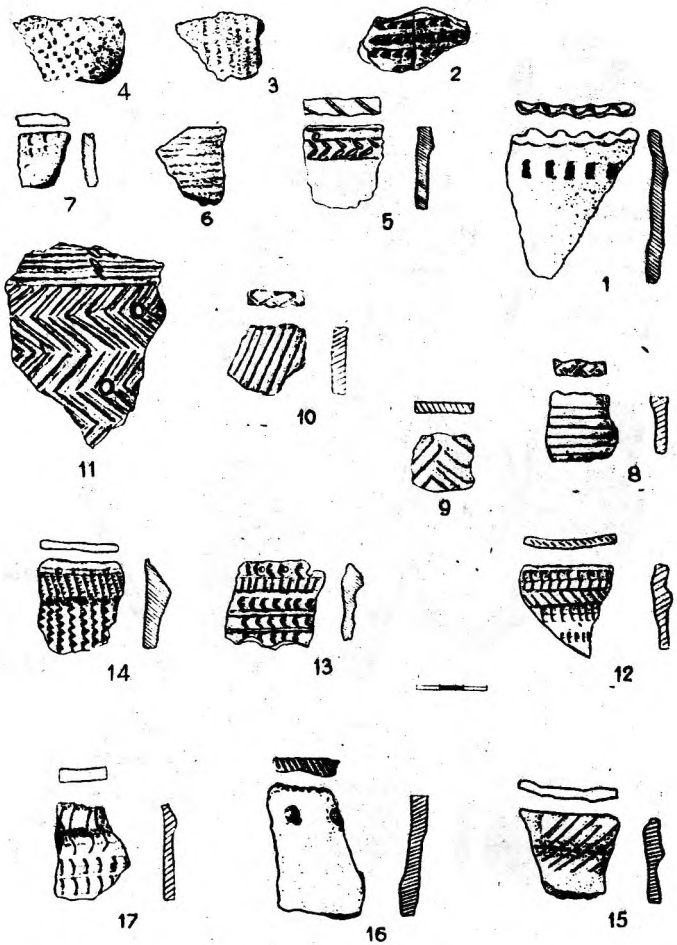

Рис.3. Керамика

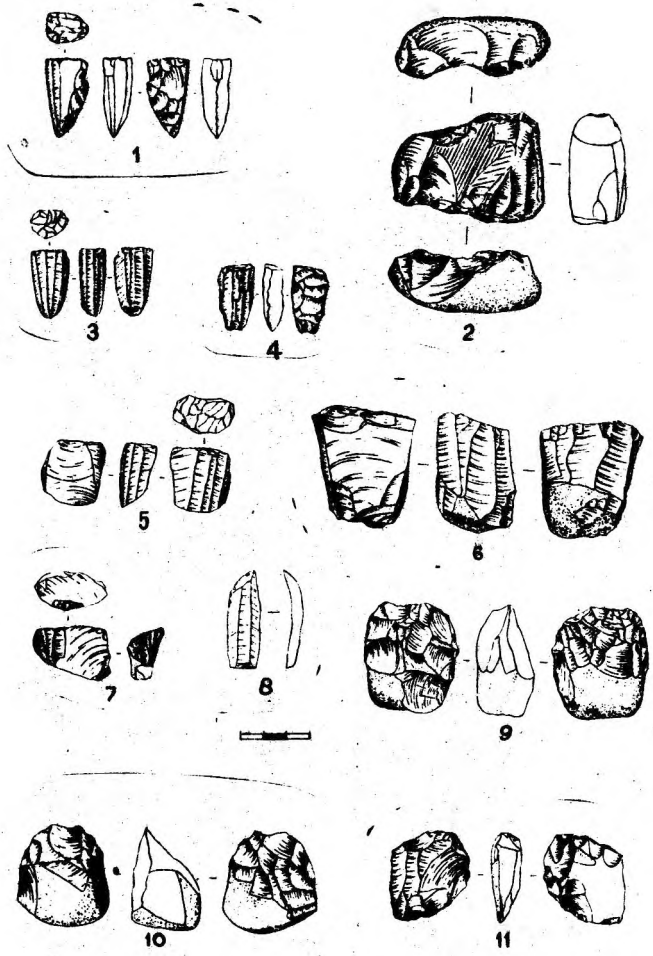

Рис.4. Изделия из камня

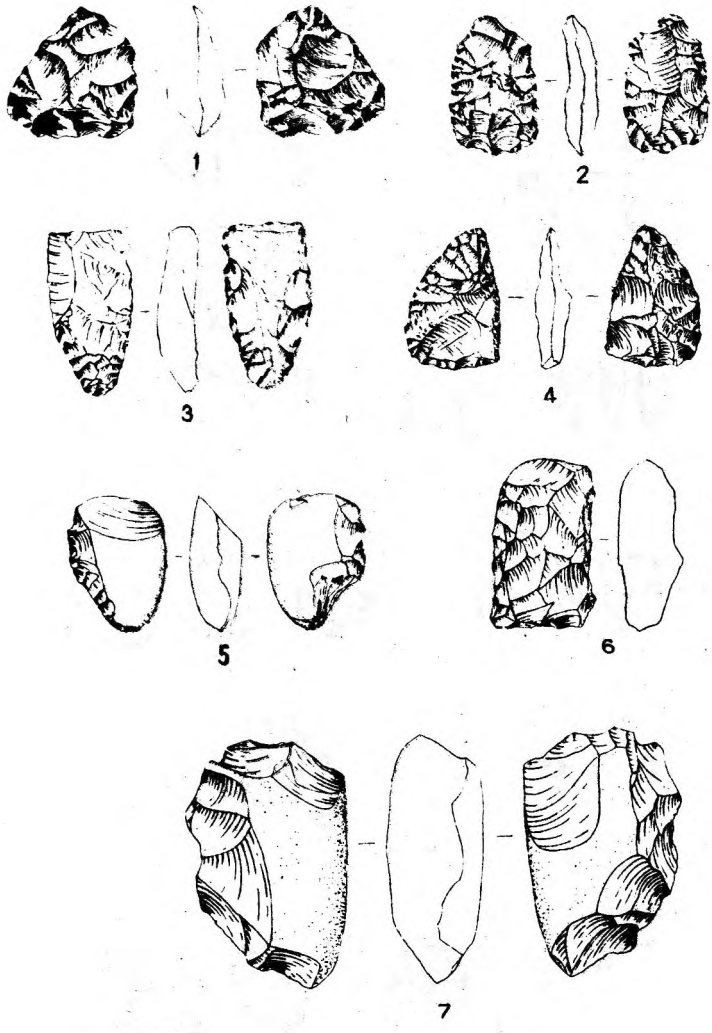

Рис.5. Изделия из камня

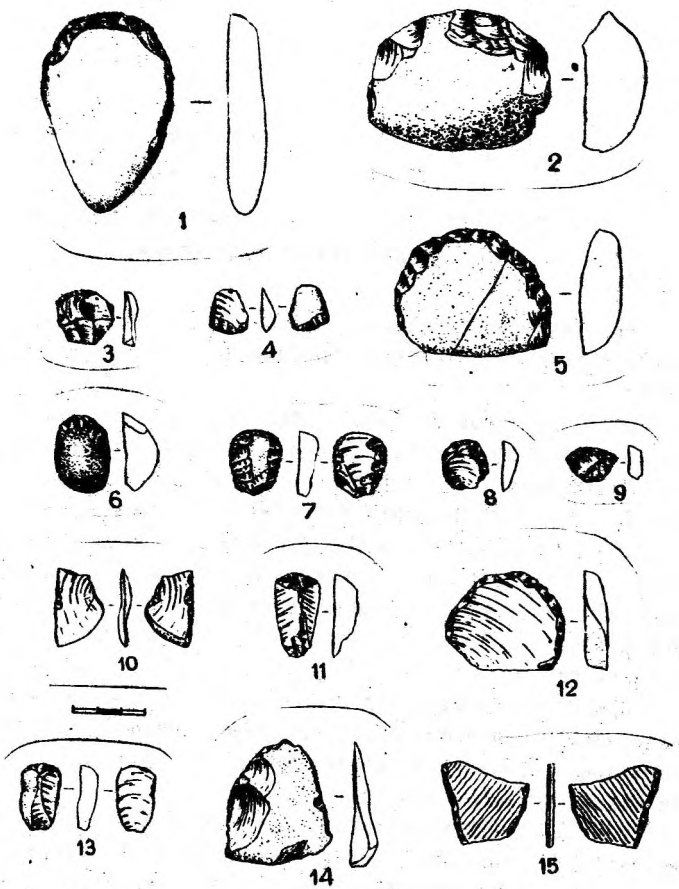

Рис.6. Изделия из камня

Н.А.Савельев, О.И.Горюнова,
А.Г.Генералов

РАСКОПКИ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ ГОРЕЛЫЙ ЛЕС
(предварительное сообщение)

Цель настоящей статьи – ввести в научный оборот материалы новой многослойной стоянки Горелый Лес (Савельев, Горюнова, 1972).

Поскольку наше сообщение носит предварительный характер, мы не ставим перед собой задачу подробной характеристики вскрытых комплексов, т.е. определения их места во времени и пространстве, а ограничиваемся лишь полной публикацией находок.

Многослойная стоянка Горелый Лес расположена на правом берегу среднего течения р.Белой, в 3 км ниже современного поселка Мишелевка. Стоянка находится на высокой 7-метровой пойменной террасе в 500 м от старого устья правого притока р.Белой – р.Хайтинки (рис.I).

Памятник был открыт в сентябре 1970 г. разведочной группой Бельского неолитического отряда Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета при зачистке обнажения высокой поймы.

В 1971 г. (июль-сентябрь) на стоянке были начаты стационарные исследования. Под раскоп была выбрана юго-западная часть стоянки на месте зачистки 1970 г. Раскоп состоял из трех пикетов "А","Б","В" по 150 $м^2$, разделенных контрольными бровками (шириной I м), и был вытянут на 46 м вдоль бровки террасы и на

7-10 м в глубину ее, в зависимости от изрезанности линии берегового обрыва.

Поверхность площадки будущего раскопа была нарушена дорожной выемкой, проходящей в 3 м от кромки террасы.

В процессе раскопок стоянки Горелый Лес выявлен следующий разрез отложений высокой поймы (рис.2)

Сверху вниз:	Мощность в м
I. Почвенно-растительный горизонт	0,28
2. Сильно гумусированная иловатая супесь. Темно-коричневая в подошве слоя	0,20-0,30
3. Развеянная супесчаная погребенная почва	0,31-0,40
4. Мелкозернистый желтоватый гумусированный песок	0,21-0,26
5. Аллювий пойменной фации. Подразделяется на две толщи - верхнюю супесчаную и нижнюю - более суглинистую. Верхняя толща мощностью I,25-I,50 м представлена равномерно переслаивающимися горизонтально слоистыми иловатыми гумусированными супесями и песком мелкой и средней зернистости. Вся пачка в целом делится на 5 слоев. Мощность песчаных прослоек достигает	0,35-0,15
Нижняя, ранняя пачка пойменных отложений состоит из 8 прослоек темно-серого суглинка и средне- и крупно-зернистых песков. Общая мощность всей толщи	3,00-3,10
6. Крупно-зернистый песок светло-серого цвета (русловой аллювий). Видимая мощность по данным траншеи	

вдоль юго-восточной стенки
раскопа до 2,00

Ниже отложения террасы в 1971 г. не вскрывались.

Культурные остатки на стоянке Горелый Лес заключены во 2-м, 3-м слоях и в верхней пачке отложений пойменной фации аллювия (5 слоев).

Самый верхний горизонт находок, зафиксированный во 2-м слое приведенного разреза, получивший название I культурного горизонта, удалось проследить только на прибрежной части террасы в промежутке не более чем в 3 м от бровки раскопа. Это объясняется указанным выше нарушением поверхности террасы дорожной выемкой.

Третий слой, где залегает II культурный горизонт, не имеет в разрезе четких границ, сливаясь кое-где с нижней гумусированной прослойкой, в которой расположены культурные остатки III горизонта.

Начиная с 3-го слоя, культурные напластования разделены между собой четкими стерильными прослойками светло-серого разнозернистого песка паводкового характера, образовавшимися в то время, когда поверхность террасы была залита водой и являлась непригодной для жизни человека.

Такое своеобразие образования отложений террасы обуславливало кратковременность пребывания на ее поверхности древних людей, т.е. только в период между обводнением и обсыханием. Поэтому стоянки на многослойном памятнике Горелый Лес носили сезонный характер. С другой стороны, благоприятные природные условия, приустьевой участок, богатый рыбой, обилие животных в окрестных лесах, удобное географическое положение с постоянно дующими северо-западными ветрами, отгоняющими комара и гнуса, влияли на продолжительность существования поселений в рассматриваемом районе р.Белой.

В целом, всю пачку культурных напластований можно разделить на семь культурных горизонтов.

Описание материала дается с нижнего как самого древнего.

УП культурный горизонт

УП культурный горизонт вскрыт на площади 224 м^2 в пикетах А и Б[1]. Он был выявлен на глубине 1,30 – 2,10 м[2] от дневной поверхности в темной гумусированной прослойке, являющейся границей между верхней и нижней пачкой супесчаной и суглинистой фации пойменного аллювия. От верхнего, шестого, культурного горизонта он отделялся четкой стерильной прослойкой в 0,12 м светло-серого среднезернистого песка.

Наибольшая часть находок располагалась в виде двух пятен, которые, судя по большому скоплению отщепов и призматических пластин, являлись производственными площадками для первичной обработки кремня. Это подтверждается и тем, что из 5273 предметов, зафиксированных в УП горизонте, 3430 составляют отщепы (66% от всех находок). По материалу 3220 отщепов из серого кремня, 241 отщеп из белого прозрачного халцедона и 59 из кварцита. 10 отщепов носят следы рабочей ретуши.

Из числа остальных предметов, собранных в УП горизонте, 542 составляет фауна (10%), 369 – призматические пластинки и пластинчатые сколы (7,2%) и 81 – изделия различного рода (1,1%).

Нуклеусы представлены 42 экземплярами: 13 грубопризматических, 17 призматических (рис.3 – 1,2,3), 3 конических (рис.3 – 4) и 9 заготовок. В числе последних 3 заготовки конических нуклеусов (рис.3 – 6), 5 призматических и 1 заготовка клиновидного нуклеуса (рис.3 – 5).

На 40 ножевидных пластинах, снятых с нуклеусов, видны следы рабочей ретуши.

Обнаруженные в слое кремневые орудия (39 экз.) представлены скребками, вкладышами, резчиками, наконечником стрелы, проколкой, проверткой (рис.4 – 8), ножами, скобелем и 5 заготовками и обломками.

В группе скребков 3 концевых на пластинчатых сколах (рис.4 – 12,13) и один боковой на отщепе (рис.4 – 14).

---

1. Из-за недостатка времени и неблагоприятных метеоусловий У-УП горизонты в пикете "В" в 1971 г. вскрыты не были.

2. Первое измерение глубины дается по северо-западной стенке раскопа, второе – по юго-западной.

Вкладыши в обойму костяных орудий (4 экз.) изготовлены на обломках призматических пластинок. Все вкладыши оформлены мелкой отжимной дорсальной ретушью, идущей по одной из сторон пластинки (рис.4 - 4). В одном случае дорсальная ретушь оформляет обе боковые грани пластинки (рис.4 - 3).

Резчики (4 экз.) сделаны на четырехгранных ножевидных пластинах светло-серого кремня. Три резчика имеют два рабочих лезвия и один - одно. Они образованы прямой плоскостью излома пластины и ретушированной выемкой, имитирующей резцовый скол (рис.4 - 5,6).

Целый наконечник стрелы один, у второго обломано острие (рис.4 - 9), а у третьего - основание (рис.4 - 10). Целый экземпляр, изготовленный из светло-серого кремня имеет вытянутое тельце и слабо вогнутое основание со слегка асимметричными жальцами. Длина наконечника 3,2 см, ширина основания 1,1 см (рис.4 - 11).

Проколка выполнена на четырехгранной ножевидной пластинке из белого прозрачного халцедона. Острие орудия образовано двусторонней краевой ретушью, нанесенной с брюшка пластинки. Длина орудия 2,5 см, ширина основания 0,9 см (рис.4 - 7).

Ножи УП горизонта представлены одним типом. Они изготовлены на крупных пластинчатых сколах и имеют одно рабочее лезвие по длинной грани (рис.4 - 1).

Рабочая овальная выемка скобеля образована мелкой крутой вентральной ретушью, нанесенной по медиальному сегменту четырехгранной пластины, из которой изготовлено орудие (рис.4 - 2). Кроме вышеописанных орудий в слое было собрано 19 галек-отбойников.

Обнаруженные 22 фрагмента керамики настолько мелки, что при отсутствии обломков венчиков и дна сосудов, не дают никаких оснований для восстановления форм и размеров керамических изделий. По техническому декору на 10 фрагментах видны отпечатки сетки-плетенки, характерного признака для ранней керамики Прибайкалья (Окладников, 1950б) и на 12 - отпечатки витого шнура.

Фауна УП горизонта по предварительному определению содержит остатки косули, лося и 447 фрагментов битой неопределимой кости

УI культурный горизонт

УI культурный горизонт вскрыт на площади 223 м^2. От вышележащего У и нижележащего УП он отделялся четкими стерильными прослойками светло-серого мелкозернистого песка мощностью в 0,2I и 0,I2 м.

По обилию культурных остатков, заключенных в УI слое, можно судить о том, что поселение в этот период было обитаемым довольно продолжительный отрезок времени.

На это также указывают остатки 35 очагов, вскрытых на площади раскопа. Все они одинаковы по форме (в виде розеток с кольцевой обкладкой из плит известняка) и отличаются только по размерам. Для полного представления о характере их устройства, мы даем описание двух очагов с наиболее полной очажной кладкой. Очаг № I7 (кв.285) имел правильную округлую форму диаметром в 35 см. По кругу были вкопаны плиты известняка, размером от 35 х 43 до I5 х 27 см, наклоненные под углом в 45^0 к поверхности террасы. Для большей плотности кладки, стыки между плитами защищались дополнительными плитами. Мощность зольного пятна черного цвета с большим количеством углей 0,35 см. Очаг № 24, расположенный в кв.33I-332, частично разрушен. Кольцевая кладка из крупных плит известняка в виде неправильного круга (0,85х I,00 м) выложена несколькими последовательными рядами, плотно прилегающими друг к другу. Плиты первого ряда вывернуты и хаотично набросаны в центре очага. Юго-восточная часть стенки разрушена. Очажное пятно черного цвета, с большим количеством крупных древесных углей. Толщина зольника в центре очага I0 см, по краям 2 и 3 см (рис.5).

Несмотря на такое большое количество очагов, поселение не имело определенной выдержанной планировки. Культурные остатки не были привязаны ни к одной из очажных кладок и располагались почти равномерно по всей вскрытой площади раскопа (рис. 7).

Из 203I4 находок УI горизонта IIII4 составляют остатки фауны (54,7%). По предварительному определению Л.Н.Иваньева[I], она содержит остатки косули (327 экз.), лося (230 экз.), изюбра

I. Старший научный сотрудник Института Земной Коры СО АН СССР.

(6 экз.). Из неопределимых фрагментов интересны позвонки рыбы (28 экз.) и осколки трубчатых костей птиц (20 экз.).

Вторую многочисленную группу находок составляют отщепы (по преимуществу, серый кремень) 4012 (19,1%).

Кремневые изделия (1512) состоят из нуклеусов, пластин и орудий. Среди нуклеусов 55 грубопризматических, 39 призматических (рис.11 - 6,9), 3 конических и 21 заготовка различных форм.

Из 1192 пластин: 961 - неправильной формы и 231 призматических. 100 пластин оформлены мелкой притупляющей ретушью.

Орудия (161 экз.) представляют несколько типологических групп.

Самую большую группу составляют скребки. 14 скребков изготовлено на отщепах, 10 на пластинчатых сколах. По расположению рабочего лезвия 14 концевых скребков (рис.8 - 4,5,7-10), 3 круговых (рис.8 - 2,11), 3 боковых (рис.8 - 6) и 2 с высоким рабочим краем. У 2-х концевых скребков (рис.8 - 1,3) и одного кругового (рис.8 - 2) ретушь дополнительно нанесена по брюшку орудия.

Все резцы (7 экз.) угловые и сделаны на ножевидных пластинках. Резцовые лезвия в 4-х случаях расположены на верхних углах пластинок (рис.9 - 2) в одном на 2-х верхних и одном нижнем (рис.9 - 1) и в 2-х - на одном из верхних.

Два резчика сделаны на ножевидных пластинах (рис.9 - 3), один на отщепе.

Ножи представлены двумя типами: ножами на пластинах (2 экз.) и плоским двустороннне ретушированным ножом.

Среди наконечников стрел два целых экземпляра и четыре обломка. По форме наконечники делятся на лавролистные с усеченным основанием (2 экз.) (рис.9 - 7,8), с прямой базой (2 экз.) (рис.9 - 4) и удлиненно подтреугольные (2 экз.), изготовленные на призматических пластинах (рис.9 - 5,6).

Орудия, изготовленные на ножевидных пластинах подразделяются на несколько групп: проколки (5 экз.) (рис.9 - 13,14), проверткн (8 экз.) (рис.9 - 15,17,18), вкладыши в обойму костяного орудия (16 экз.) (рис.9 - 9-11), долотце (1 экз.) (рис.9 - 16).

Группа тесел представлена тремя заготовками из речных галек средних размеров (рис.IO - I-3) и двумя обломками. У первого обломка, изготовленного из змеевика темно-зеленого цвета, сохранился только слегка приостренный обушок (рис.II - 4), у второго, из светло-коричневого кремня, нижнее основание (рис.IO - I).

Уникальными являются два шлифованных обломка орудия, сделанные из шиферного сланца. Они представляют собой овальные в сечении стерженьки, со слегка приостренным и уплощенным верхом. В верхнем основании стерженьков вырезаны два прямоугольных паза, придающих им вид плечикообразных выступов, отделяющих головку стерженька от тулова. Длина обломков 5,2 и 3,4 см, ширина тулова 2,5 и I,2 см , размеры пазов 0,8 х 0,25 и 0,6 х 0,2 см (рис.II - 7,8).

Предположительно эти орудия можно отнести к разряду стерженьков составных рыболовных крючков, широко известных в неолите Прибайкалья.

Из других каменных орудий, обнаруженных в УI горизонте необходимо отметить:пест (рис.IO - 4), точильные бруски и обломки пилы из песчаника (6 экз.), 3 наковальни, I02 гальки-отбойника и грузило.

Единичным экземпляром представлена пуговица, сделанная из агальматолита (рис.II - 5).

Костяных изделий найдено I9: I6 мелких неопределенных фрагментов и 3 орудия. В числе последних гарпун с двумя рядами зубцов, плоским овальным в сечении насадом и острым боковым шипом для крепления его к линю (рис.II - 2); основа для вкладышевого ножа с односторонним пазом (рис.II - I) и острие на обломке трубчатой кости (рис.II - 3).

Керамику УI горизонта по технике изготовления можно разделить на три группы. Самая многочисленная из них со следами сетки-плетенки составляет 82% от всего количества керамики данного слоя. Эту группу можно разделить на два типа.

К первому типу относятся сосуды, имеющие характерную для серовского этапа форму яйца с усеченным острым концом (Окладников, I950б), т.е. сильно выпуклые стенки, суженную шейку и чуть отогнутый венчик. Дно круглое, полусферическое. Поверхность

горшка покрыта следами крупноячеистой сетки-плетенки (рис.I2 - I). Высота сосуда 22 см. Диаметр по венчику равен I8 см, а самой широкой части - 20,4 см. Разновидностью этого типа являются сосуды, украшенные в верхней части вертикальными рядами двузубчатого штампа. Тем же штампом оформлен и бортик венчика (рис.I2 - 3).

Второй тип представлен остродонным сосудом, покрытым отпечатками мелкоячеистой сетки-плетенки (рис.I2 - 2).

Вторую группу керамики данного культурного горизонта составляют гладкостенные фрагменты, которые можно разделить на три типа:

I-й тип этой группы - фрагменты с отогнутым венчиком и скошенным наружу бортиком. Сосуды I-го типа не орнаментированы (рис.I2 - 4).

2-й тип - сосуды с чуть отогнутым венчиком и прямым бортиком, покрытым штамповыми вдавлениями или прочерченными линиями. Тулово сосудов этого типа оформлено "елочным" орнаментом (рис.I2 - 5,6).

3-й тип - гладкостенная керамика, покрытая штамповыми вдавлениями (рис.I2 - 7).

Третья группа представлена фрагментами с отпечатками тонкого нитевидного шнура. Она составляет 9,5% (рис.I2 - 8). Из этой группы можно выделить 2 типа керамики, аналогичные 2-му и 3-му типу второй группы и отличающиеся от них только технологией изготовления.

У и IУ культурные горизонты

У и IУ культурные горизонты были вскрыты на площади в 338 м^2 в двух небольших по мощности в 0,09 и 0,II м темных гумусированных супесчаных прослойках. На глубине 0,7-I,40 м и 0,83-I,60 м от дневной поверхности. Небольшая по толщине стерильная прослойка среднезернистого темно-коричневого песка, разделяющая IУ и У горизонты, в некоторых местах выклинивалась, и поэтому их было трудно отделить друг от друга. Подобная стратиграфическая ситуация указывает, по-видимому, на тот факт, что обводнение поверхности террасы на уровне У слоя было небольшим и кратковременным, после чего на поселении опять жили древние

люди, оставившие культурные остатки. С другой стороны, стерильные прослойки между Ш и IУ, У и УI горизонтами были четкими и достигали 0,06-0,18 м. Как показал анализ каменного инвентаря и керамики, У и IУ культурные горизонты составляют одну пачку культурных напластований. Исходя из этого, описание находок IУ и У горизонтов мы даем суммарно. Общее количество остатков материальной деятельности людей, составляет 1242 предмета. Из них 45% приходится на остатки фауны (550 экз.), 30% - отщепы кремня, аргиллита (260 экз.), 8,6% - призматические пластинки и пластинчатые сколы (110 экз.), 20,7% - керамика (357 фр.) и 3,3% - орудия из кремня (41 экз.).

Среди различных кремневых изделий самую многочисленную группу составляют нуклеусы - 13 экз. Из них 12 аморфных и 1 призматический. Вторую по величине группу составляют скребки - 6 экз. Они подразделяются следующим образом: 4 концевых на призматических пластинках и пластинчатых сколах из аргиллита (рис.13 - 1-3), один - боковой на кварцитовом отщепе (рис.14 - 5) и один с двумя противоположными рабочими лезвиями на отщепе серого кремня (рис.12 - 6).

Ножи, представленные двумя экземплярами, относятся к одному типу. Они изготовлены на крупных пластинах серого и темно-коричневого кремня и имеют одно лезвие, идущее по боковой грани пластины, оформленное односторонней отжимной ретушью (рис.14 - 1). У ножа из серого кремня дорсал пластины носит следы подшлифовки (рис.14 - 3).

Группу резцов составляют 3 угловых резца (рис.13 - 5,6) и 2 резчика (рис.13 - 4).

Тесла представлены одним, небольшим по величине, экземпляром из светло-коричневого аргиллита с приостренным обушком (рис.14 - 2).

Вкладыши (2 экз.) сделаны на обломках крупных ножевидных пластин коричневого кремня и имеют вид сегментов с ретушированным краем (рис.13 - 11,12).

Среди обломков орудий наибольший интерес представляет обломок наконечника копья со шлифованными поверхностями из серого кремня (рис.14 - 4) и обломок двусторонне обработанного орудия (ножа?) на плитке аргиллита (рис.13 - 8).

Орудий из кристаллических пород – 14. Сюда входит 8 отбойников, 1 наковальня и 5 точильных брусков.

Основную массу фрагментов керамики У и IУ горизонтов составляет гладкостенная, на которую приходится 55%. Сосуды этой группы можно разделить на два типа. Первый тип представлен одним сосудом, имеющим полусферическую форму. Венчик непрофилирован, бортик слегка скруглен. Вся поверхность сосуда и внешний край венчика покрыты "личиночным" орнаментом, представляющим собой овальные отпечатки штампа с зубчатым краем. Узор располагается горизонтальными рядами. Дополнительно по верхнему краю сосуд украшен ямочками-горошинами. Высота сосуда 15 см, диаметр по венчику равен 25 см (рис.15). Второй тип представлен неорнаментированной гладкостенной керамикой (рис.16 – 5).

Вторую группу керамики составляют фрагменты, покрытые штрихами. Весь материал этой группы также можно разделить на два типа. К первому типу относятся сосуды с прямыми стенками и налепными треугольными или прямоугольными в сечении валиками, расположенными в 0,5 см от края горшка. Над валиком, как правило, ряд маленьких сквозных отверстий. Орнамент состоит из оттисков зубчатого штампа, украшающего валик и внешнюю сторону венчика. Тулово сосуда декорировано горизонтальными рядами, выполненными "отступающей лопаткой" (рис.16 – 1,2,13). Иногда горшок полностью орнаментировался зубчатым штампом (рис.16 – 6). Второй тип представлен сосудом, покрытым широкими параллельными штрихами. Венчик профилирован и резко отогнут наружу. По элементам орнамента эти два типа схожи. Их отличает только профилировка венчика (рис.16 – 4).

Отдельную небольшую группу составляет керамика со следами крупноячеистой сетки-плетенки (рис.16 – 7).

Фауна IУ и У горизонтов, по предварительному определению содержит остатки косули, изюбра, благородного оленя, лося.

Ш культурный горизонт

Культурные остатки Ш культурного горизонта, залегающие в очень небольшой по мощности (4–9 см) темной иловатой прослойке, были вскрыты в трех пикетах "А", "Б" и "В" на площади 335 м^2. Верхняя

прослойка стерильного темно-желтого мелкозернистого песка, отделяющая третий слой от второго, невелика по мощности, 4-3 см. Местами она выклинивалась и слои непосредственно налегали друг на друга.

Культурные остатки в слое размещались неравномерно и были разбросаны по всей площади раскопа небольшими скоплениями в 20-30 предметов.

Несмотря на довольно большой участок вскрытой площади поселения третьего горизонта, находки были немногочисленны. Весь инвентарь насчитывает 339 единиц, 171 (49%) экземпляров остатков фауны и 168 изделий из камня и глины.

Среди изделий: 50 экземпляров составляют отщепы кремня и кварцита, 15 - ножевидные пластинки и пластинки неправильных форм, 95 - фрагменты керамики и весь набор орудий.

Орудия представлены теслом подпрямоугольной формы с овальным пришлифованным лезвием из змеевика (рис.17 - 1), заготовками клиновидного и призматического нуклеусов, заготовками наконечников стрел на пластинчатых сколах (рис.17 - 2), угловым резцом (рис.17 - 6), концевым скребком на пластинке и ножом на массивном аргиллитовом отщепе.

Керамика третьего слоя делится на две группы. К первой группе относятся десять фрагментов со следами сетки-плетенки, а ко второй - керамика с отпечатками шнура (85 фрагментов), представленная одним сосудом.

Сосуд имеет форму усеченного в верхней четверти яйца, поставленного острым концом вниз. Венчик прямой, непрофилирован.

Сосуд орнаментирован только по бортику венчика и верхней части тулова (у горловины). Композиция состоит из наклонных параллельных оттисков зубчатого штампа и четырех горизонтальных линий, выполненных тем же штампом. Высота сосуда 32 см, диаметр по венчику 30 см. Толщина стенки сосуда 0,5 см (рис.18).

Фауна III горизонта содержит остатки косули (9 экз.), лося (18 экз.), 91 фрагмент битой неопределимой кости и 53 жженых мелких косточек.

П культурный горизонт

Культурные остатки П горизонта были заключены в темногумусированной, сильно развеянной погребенной почве, на глубине 0,55 м от дневной поверхности. В разрезе это выглядит в виде взаимочередующихся небольших участков (пятен), сохранившейся от денудации погребенной почвы и темно-коричневой, за счет гумуса супеси. По своему цвету супесь более светлая, чем вышележащий слой, в котором обнаружены остатки I культурного горизонта.

В целом, П культурный горизонт был вскрыт в пикетах "А", "Б" и "В" на площади 329 м^2. Характер распространения находок также, как и в Ш горизонте неравномерен и по количеству небольшой. Всего в слое собрано 876 предметов: 158 изделий из камня, 522 фрагмента керамики и 165 - фауна.

В число каменных изделий входит четыре грубопризматических нуклеуса, 98 отщепов, 37 пластин, 8 скребков, 2 наконечника стрелы, один многофасеточный резец (рис.17 - 14), заготовка остроконечника (рис.17 - 11), 1 обломок орудия, 2 отбойника и два точильных бруска. 14 пластин носят следы рабочей ретуши. Из скребков 5 боковых (рис.17 - 3,7), 2 концевых на пластинках (рис.17 - 4) и один с двумя противоположными высокими рабочими краями (рис.17 - 8).

Наконечники стрел одинаковы по форме и различаются только по характеру заготовки. Один изготовлен на отщепе темно-серого кремня, второй - на краевом пластинчатом сколе серого кремня. Оба изделия имеют черешок для крепления к древку и вытянутое, оформленное двусторонней мелкой отжимной ретушью, подтреугольное тулово, отделенное от основания плечикообразными выступами. Длина наконечников 0,85 и 0,80 см (рис.17 - 9,10).

Во П горизонте господствующее положение занимает штриховая керамика, она составляет 98,3%.

Сосуды этой группы имеют форму яйца с усеченным острым концом. Все они круглодонные.

По профилировке венчиков, элементам и композиции орнамента керамику этой группы можно разделить на три типа.

Первый тип представлен сосудами с отогнутыми наружу венчи-

ками, внутренняя часть которых округлена, а внешняя несколько уплощена.

Сосуды либо вообще не орнаментированы, либо опоясаны вокруг венчика рядом "жемчужин", то есть ямочек-горошин, нанесенных палочкой с закругленным концом изнутри сосуда. Высота первого сосуда - 20,8 см, диаметр по венчику - I5,0 см. Высота второго сосуда - I7,5 см, а диаметр венчика - I0,5 см. Толщина стенок сосудов этого типа 0,6 см (рис.I9, 20).

Сосуды второго типа либо непрофилированные со скошенными внешними краями, либо утолщенные и слегка отогнутые наружу. Бортики сосудов этого типа украшены параллельными насечками. Как правило, верхняя часть тулова горшка опоясывается рядом "жемчужин".

Дополнительно на одном сосуде изображены косые кресты, выполненные "отступающей" лопаткой с закругленным концом, а внешняя сторона венчика другого горшка орнаментирована ногтевыми насечками. Сосуды толстостенные (0,7-0,8 см) (рис.2I - I,2).

Третий тип представлен одним сосудом с профилированным венчиком, внешняя плоскость которого утолщена треугольным налепом. Бортик венчика прямой. Верхняя часть налепа украшена наклонными прочерченными линиями. Шейку опоясывает ряд ямок овальной формы. Тулово сосуда оформлено оригинальным зональным геометрическим орнаментом в виде параллельных острых углов, поставленных друг на друга. Всего на сосуде шесть таких построений. Высота сосуда 23 см, диаметр по венчику I4,5 см, а самой широкой части тулова сосуда - I7,5 см. Горшок тонкостенный (0,4 см) (рис.22).

Вторую малочисленную группу составляет гладкостенная керамика, представленная небольшими фрагментами.

Фауну второго горизонта составляют остатки косули (65 экз.) и I00 фрагментов битой неопределимой кости.

I культурный горизонт

I культурный горизонт залегает в кровле темной гумусированной супеси на глубине I6-25 см от поверхности террасы. Как уже отмечалось выше, в 3-4-х м от бровки террасы слой гумусированной супеси был уничтожен дорожной выемкой, и поэтому находки

первого горизонта располагались на небольшом сохранившемся участке памятника. Общая вскрытая площадь первого горизонта в пикетах "А" и "Б" достигает 201 м^2; в пикете "В" находок первого культурного горизонта не зафиксировано.

Культурные остатки, собранные в слое, немногочисленны и невыразительны по содержанию. Из 710 предметов: 81 - остатки фауны, 53 - каменные изделия и 564 фрагмента керамики. Из каменных изделий: 22 отщепа кремня и кварцита, 19 пластин, 6 грубопризматических нуклеусов и 4 отбойника, боковой скребок (рис.17 - 12), вкладыш в обойму костяного орудия (рис.17 - 13).

564 фрагмента керамики относятся к одному сосуду. Сосуд имеет резко отогнутый наружу венчик. Бортик его прямой. Снаружи венчик утолщен треугольным налепом. Шейка сосуда украшена рельефными налепными выступами, расположенными горизонтальными рядами. Всего таких выступов пять. Венчик и пластически выполненные выступы сочетаются с орнаментальной композицией и подчеркивают ее.

Внутренняя и внешняя стороны венчика, бортик, а также рельефные выступы орнаментированы наклонным зубчатым штампом, расположенным горизонтальными рядами.

Шейку горшка охватывает подобный поясок зубчатого штампа, от которого через каждые 2 см на тулово сосуда под углом 45^0 опускаются по две линии, выполненные тем же штампом. Диаметр сосуда по венчику 24,5 см. Из-за отсутствия фрагментов дна высота сосуда неизвестна. Толщина стенок от 0,4 до 0,5 см (рис.23).

Фауна первого культурного горизонта содержит остатки косули (44) и 37 фрагментов - битая кость.

Как видно из вышеописанных материалов, подобное стратиграфическое расположение керамических комплексов встречено в южном Прибайкалье впервые.

Поэтому характеристика культурных остатков и тем более определение хронологических рамок поселения Горелый Лес затруднены по ряду причин.

Одной из них является отсутствие каких-либо геоморфологических и геологических данных о строении среднебельских террас и их возраста. Вторая причина - относительная малочисленность собранных материалов, а главное - абсолютное отсутствие в южном

Прибайкалье опорных стратифицированных памятников, где в полной мере были бы отражены все этапы развития керамического периода.

Сопоставление материалов поселения с материалом погребений, на основании которых построена известная схема периодизации неолита и бронзы Прибайкалья не представляется пока возможной в силу узкой специфичности и ограниченности последних.

Мы не отрицаем, что вскрытые нами культурные комплексы в дальнейшем могут быть отнесены к одному из этапов периодизации А.П.Окладникова, о чем в настоящее время говорить рано. Только дальнейшие поиски и раскопки новых стратифицированных памятников, накопление новых материалов позволят подойти вплотную к решению спорного вопроса, ставшего уже традиционным в археологической литературе, вопроса о неолитических и бронзовых культурах южного Приангарья.

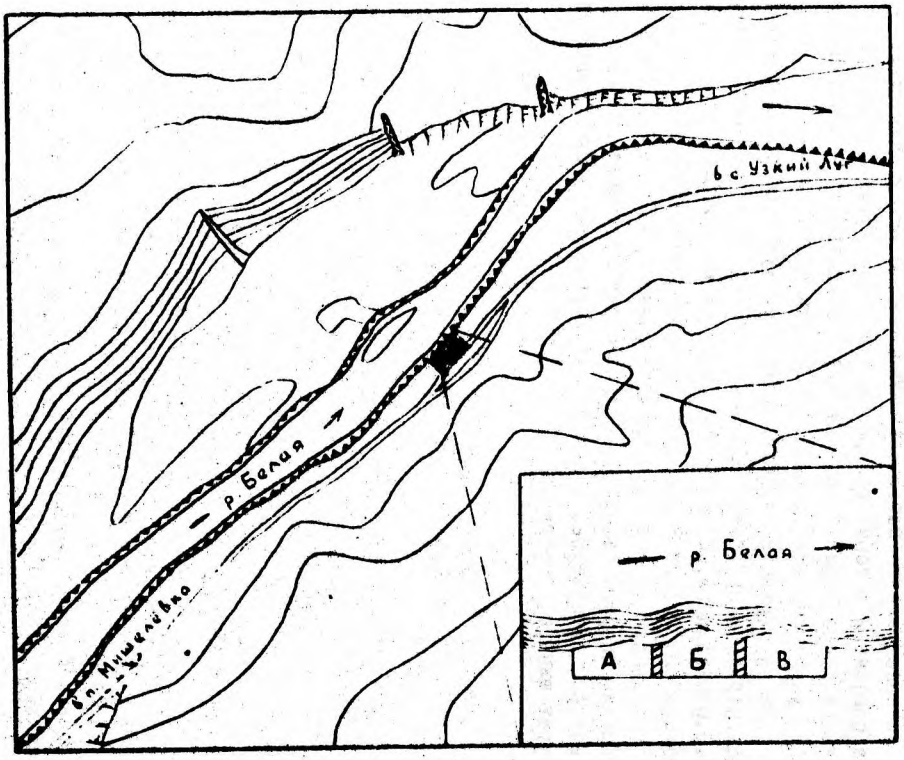

Рис.I. Ситуационный план

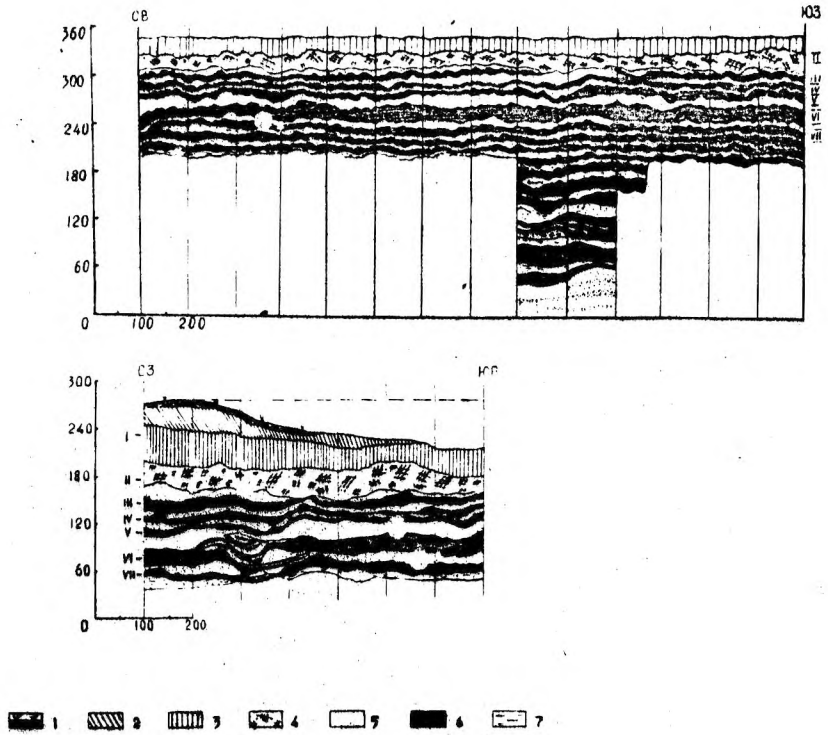

Рис.2. Стратиграфический разрез

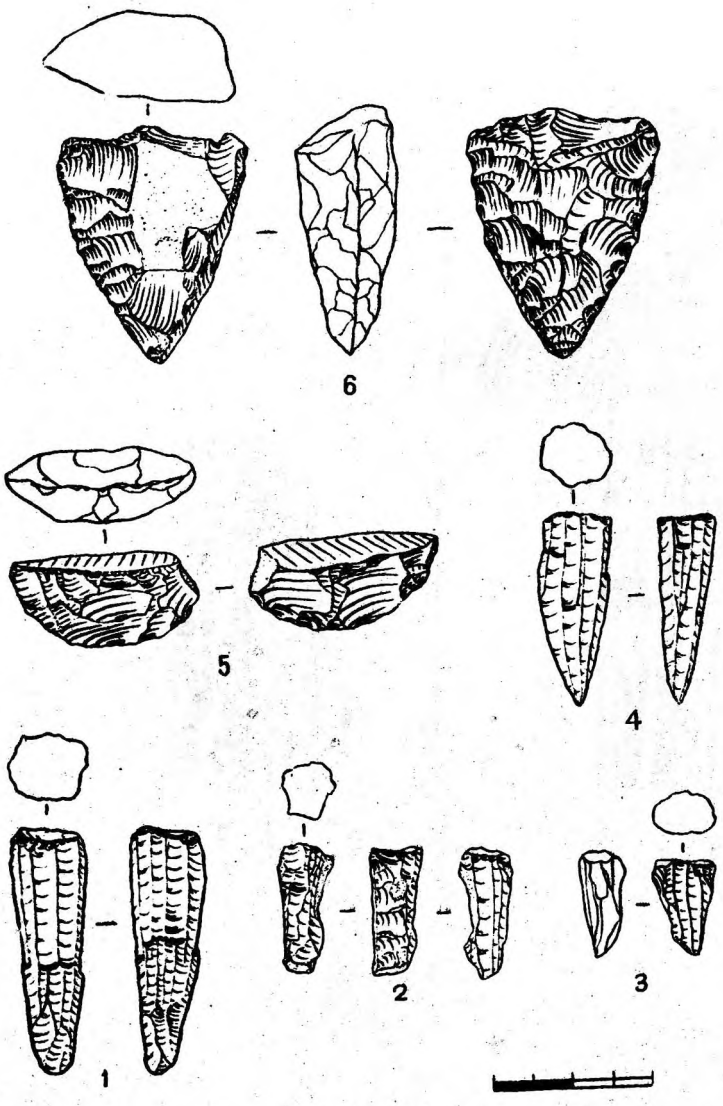

Рис.3. Изделия из камня. Нуклеусы УП культурного горизонта

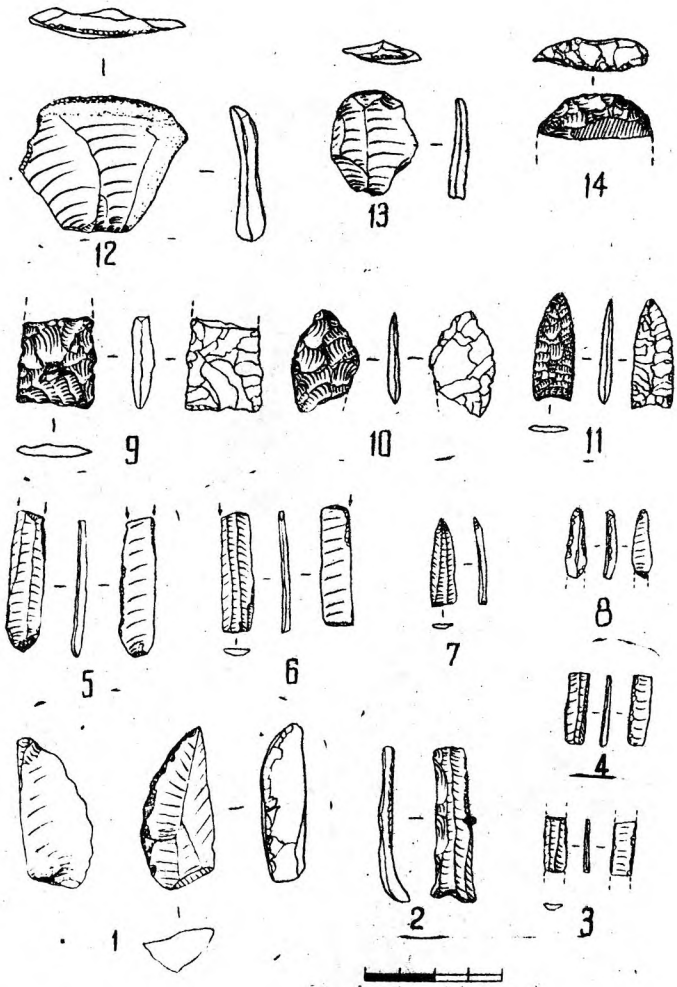

Рис.4. Изделия из камня. УП культурный горизонт

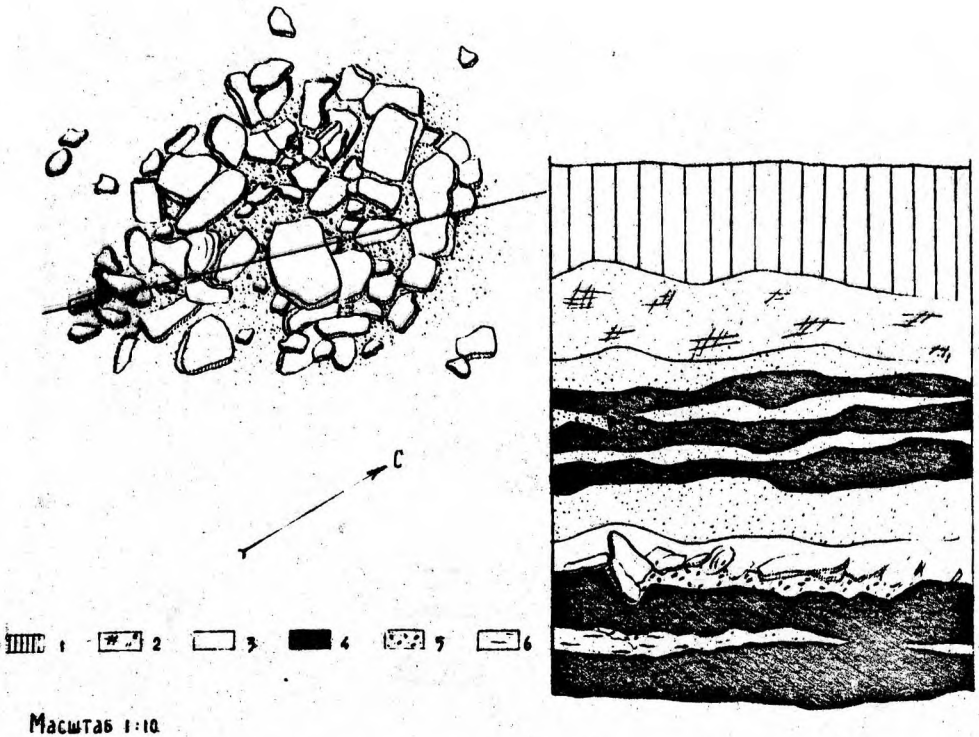

Рис.5. Разрез очага № 24. УІ культурный горизонт

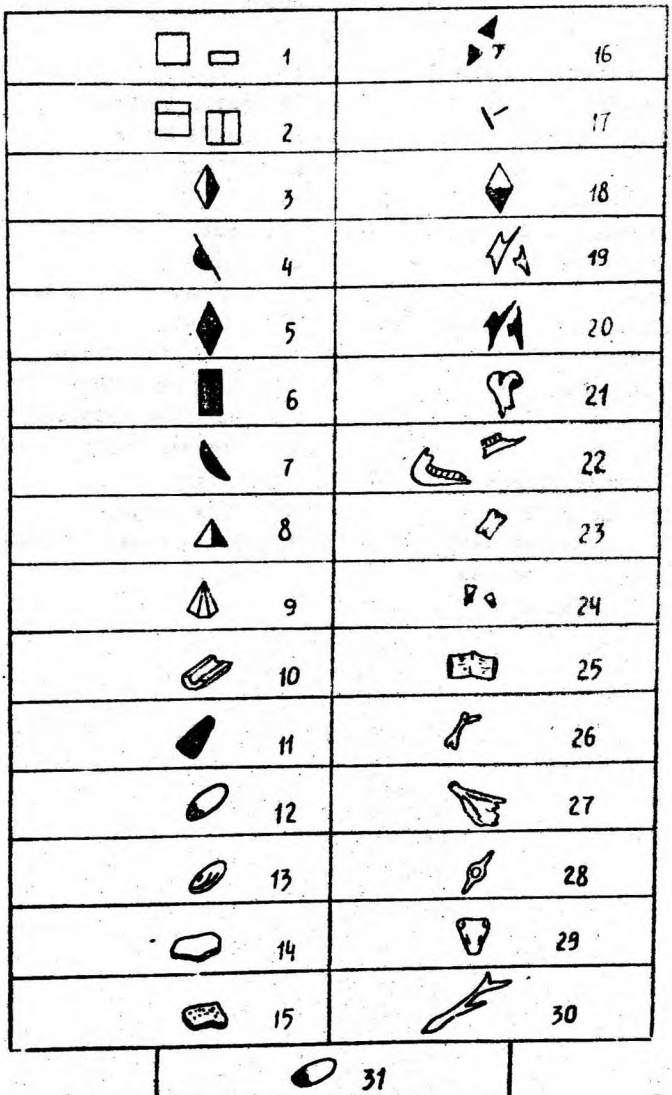

Рис.6. Условные обозначения нанесения находок на план

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1. Фрагменты керамики
2. Венчики сосудов
3. Наконечники стрел
4. Скребки
5. Проколки
6. Вкладыши в обойму костяного орудия
7. Ножи
8. Заготовки и обломки орудий
9. Нуклеусы
10. Точильные бруски
11. Топоры
12. Гальки-отбойники
13. Речные гальки
14. Плитки известняка
15. Плитки песчаника
16. Отщепы кремня
17. Призматические пластинки
18. Битый кремень
19. Битая кость
20. Жженая кость
21. Эпифиз
22. Челюсти животных
23. Острогал
24. Отдельные зубы животных
25. Обломок черепа лося
26. Бедренная кость
27. Обломок лопатки
28. Позвонки животных
29. Лицевая часть черепа косули
30. Рога косули
31. Битая речная галька

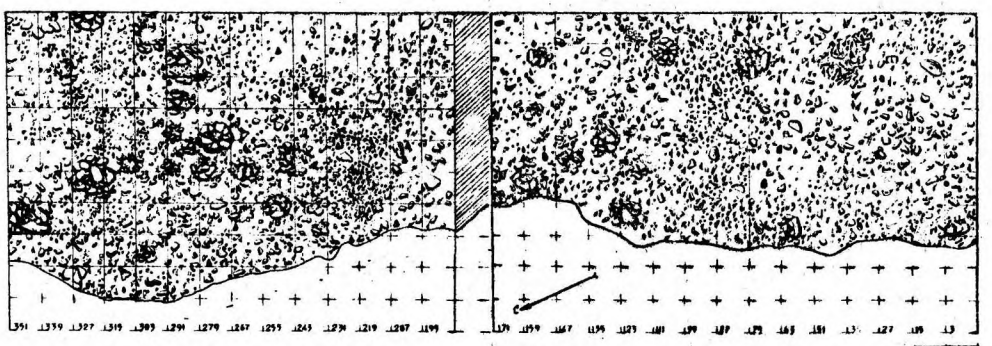

Рис.7. План УI культурного горизонта

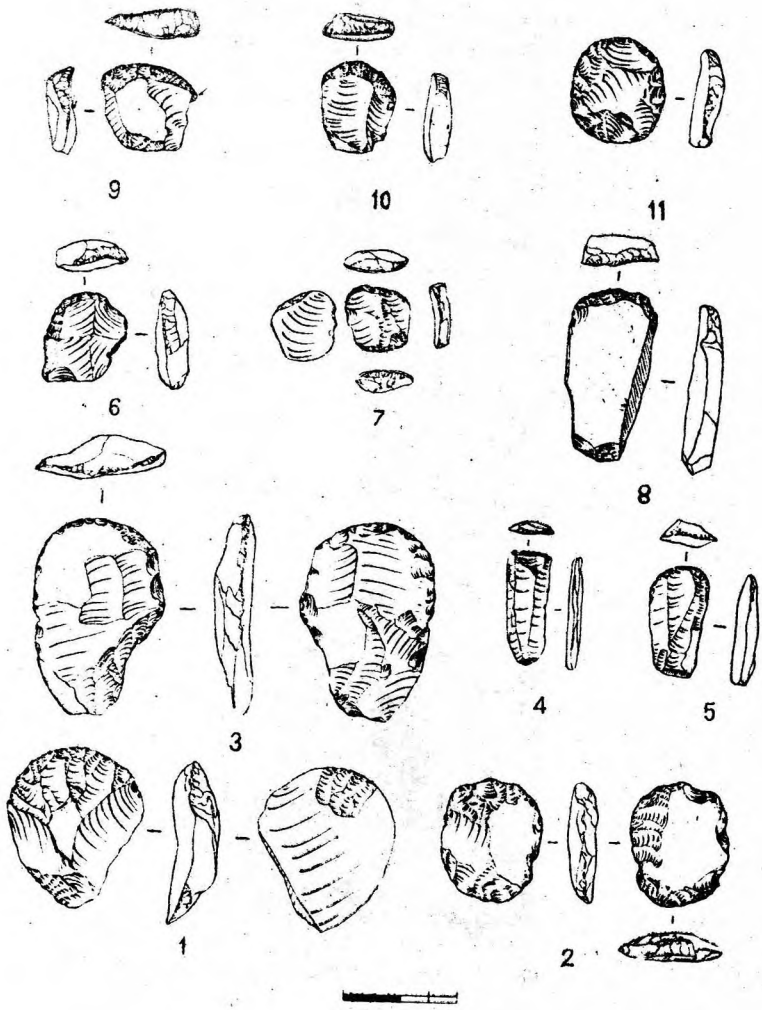

Рис.8. Изделия из камня.
Скребки УІ культурного горизонта

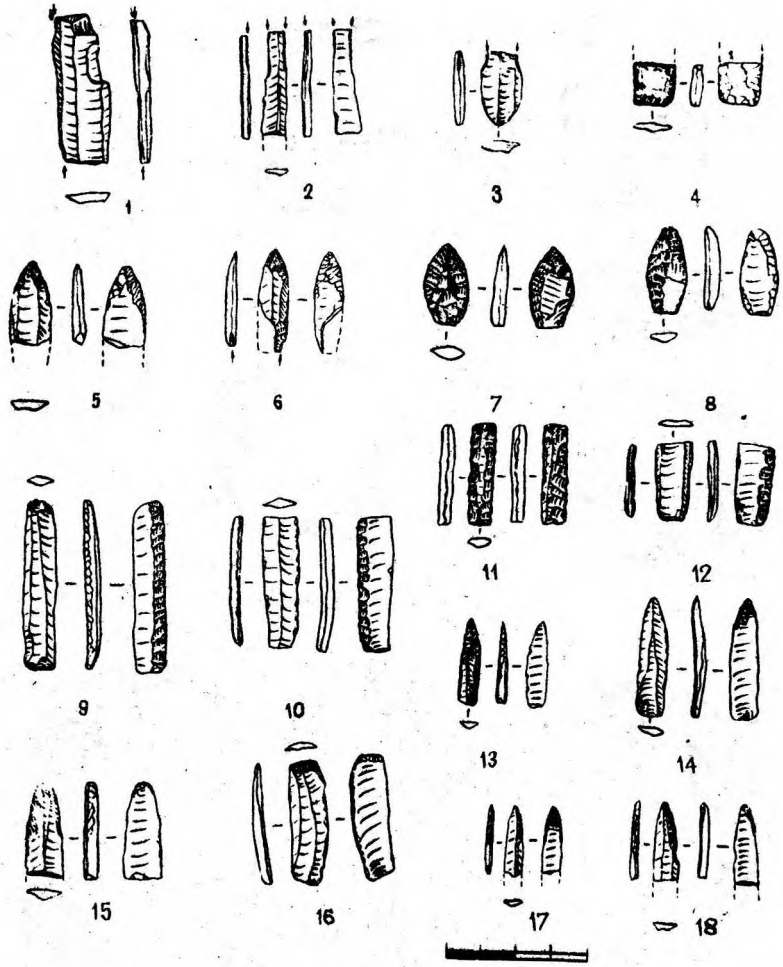

Рис.9. Изделия из камня. УІ культурный горизонт

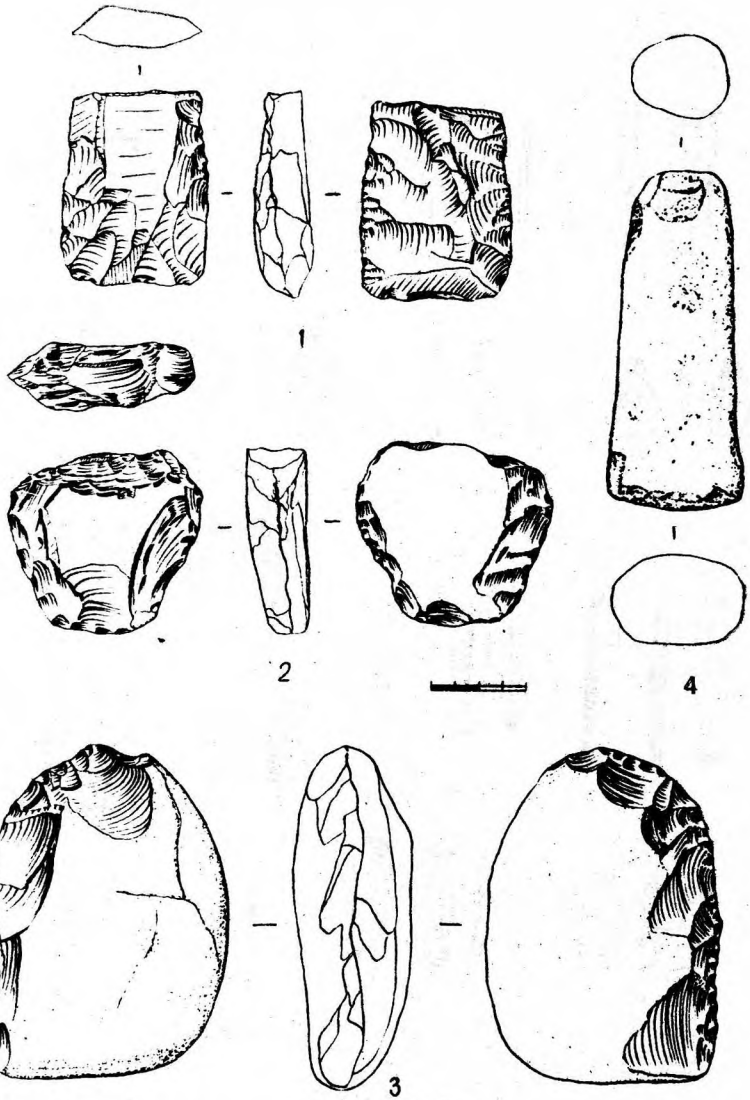

Рис.IO. Изделия из камня. УI культурный горизонт

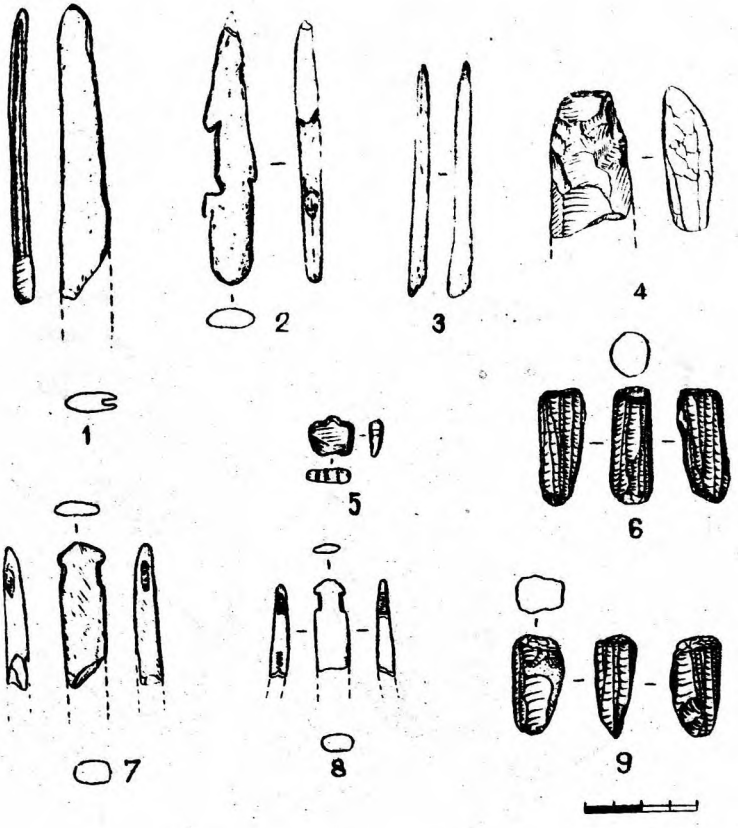

**Рис.II. Изделия из камня и кости.
УI культурный горизонт**

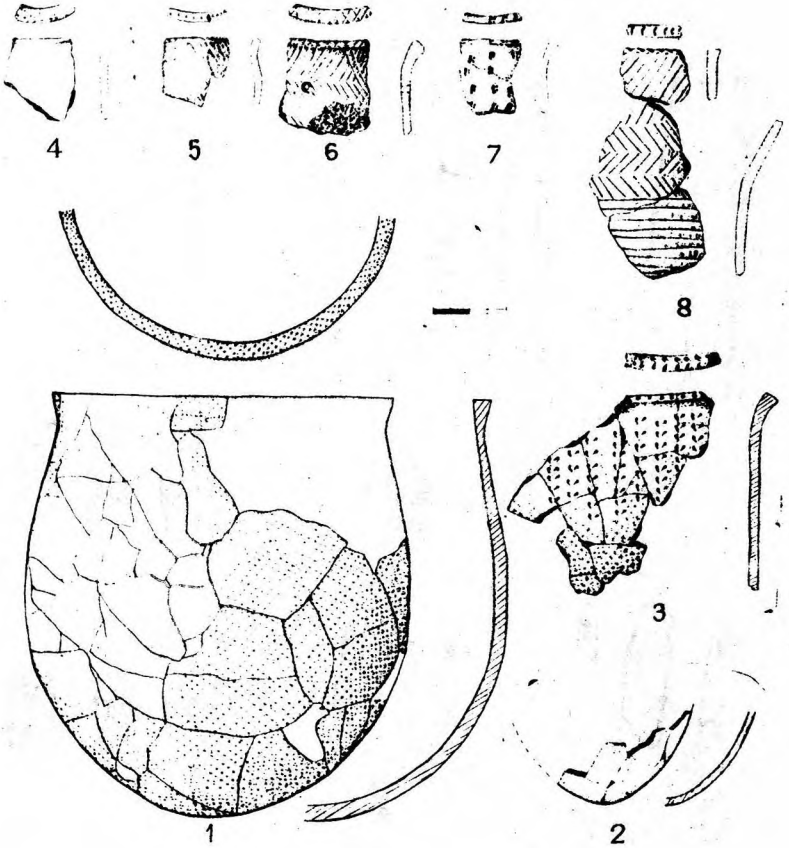

Рис. I2. Керамические изделия.
УI культурный горизонт

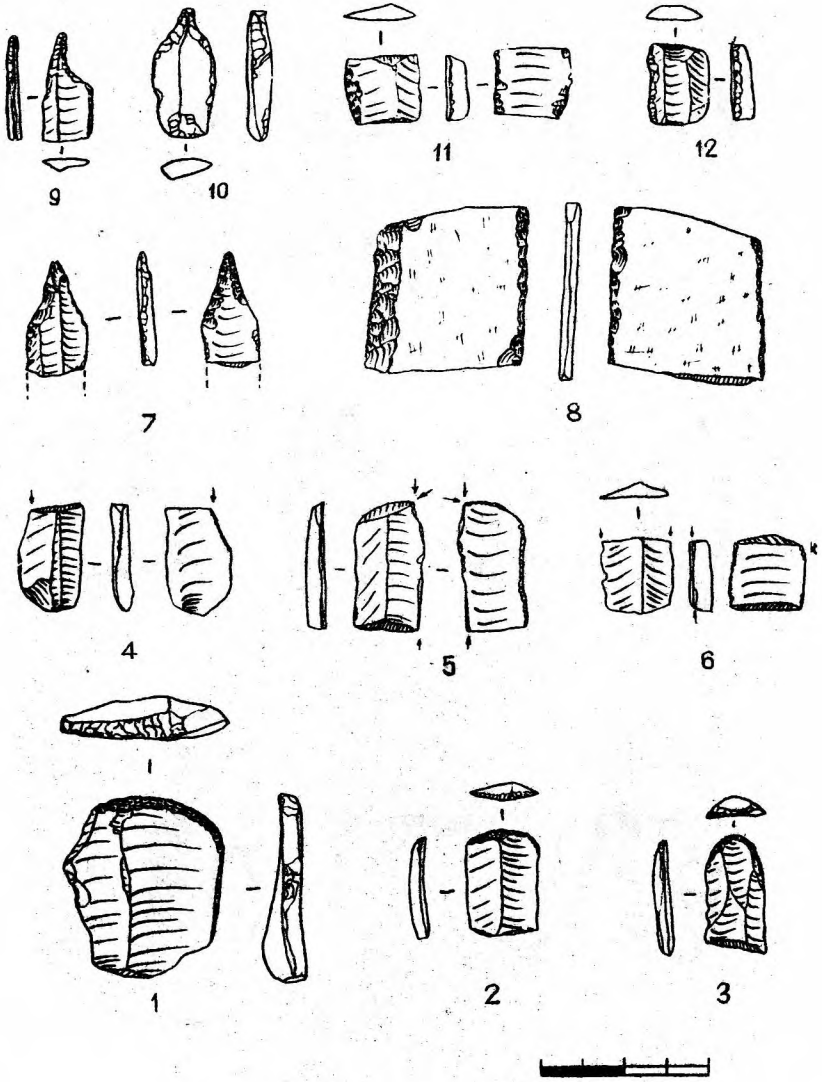

Рис.I3. Изделия из камня.
У-IУ культурные горизонты

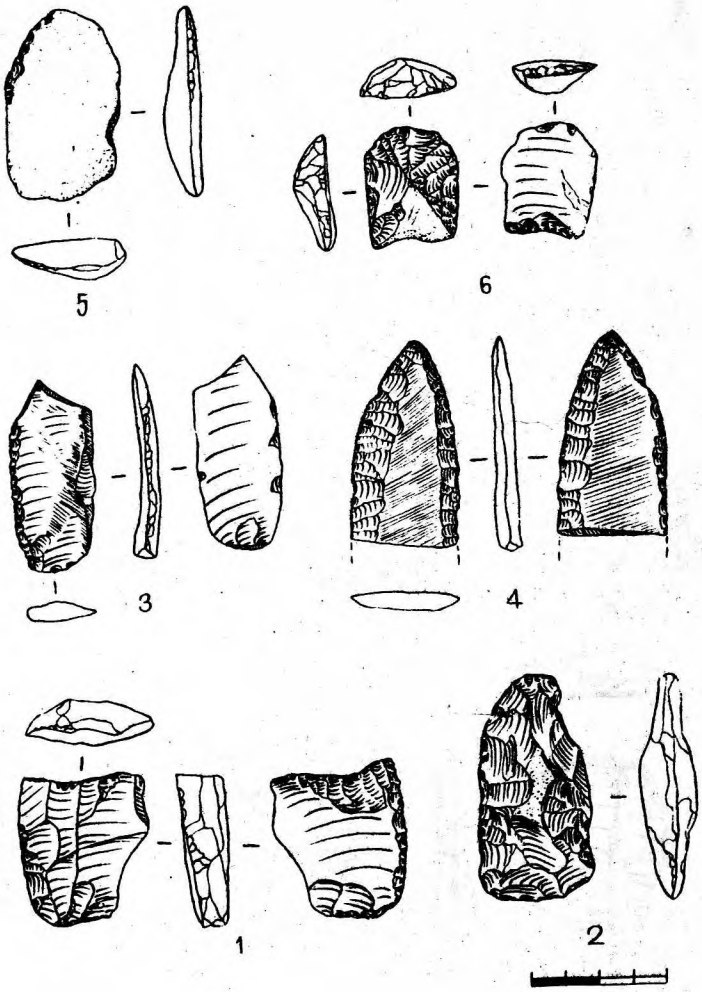

Рис.I4. Изделия из камня.
У-IУ культурные горизонты

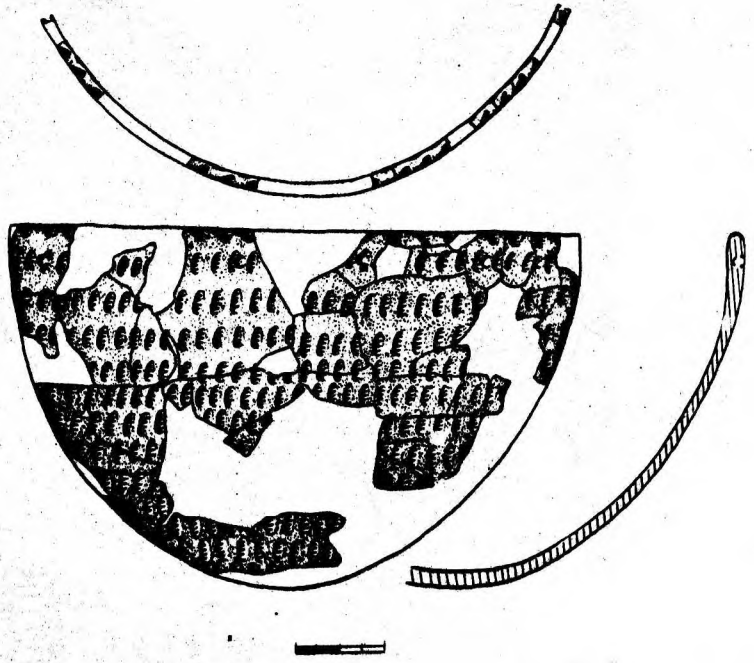

Рис.15. Сосуд IУ культурного горизонта

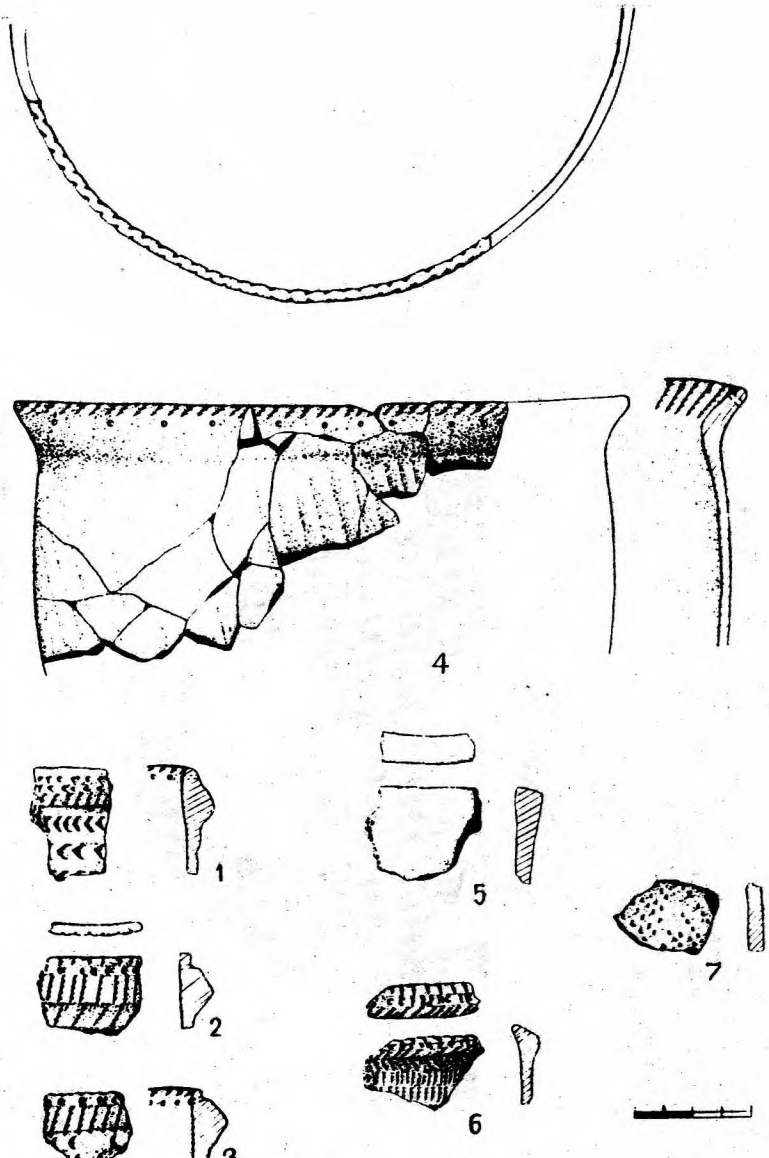

Рис.I6. Керамические изделия.У-IУ культурные горизонты

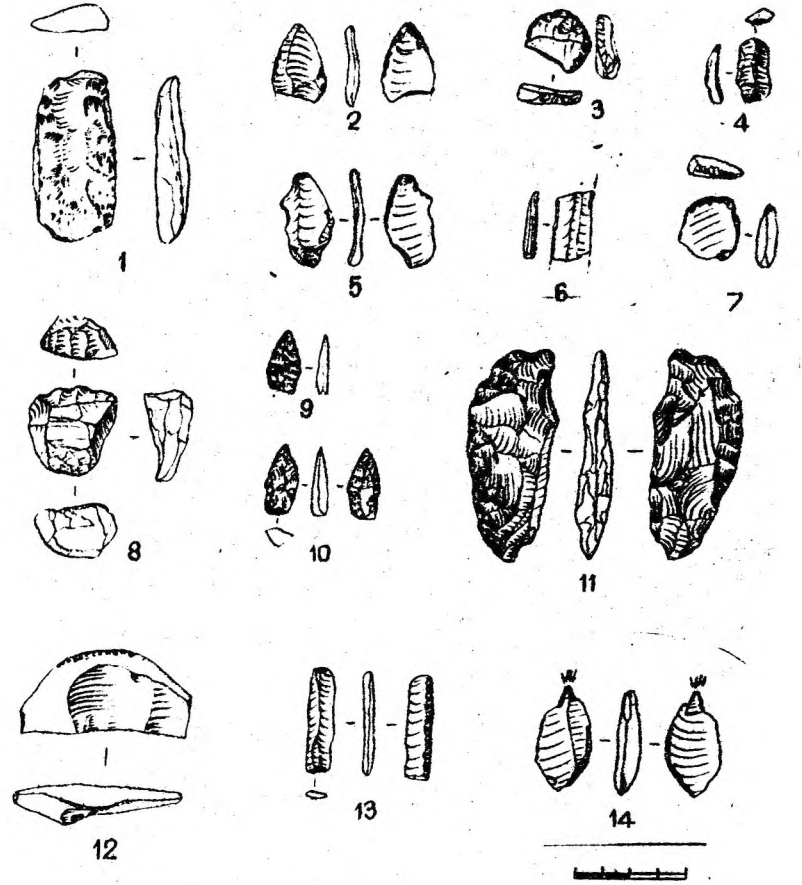

Рис.I7. Изделия из камня.
Ш,П и I культурные горизонты

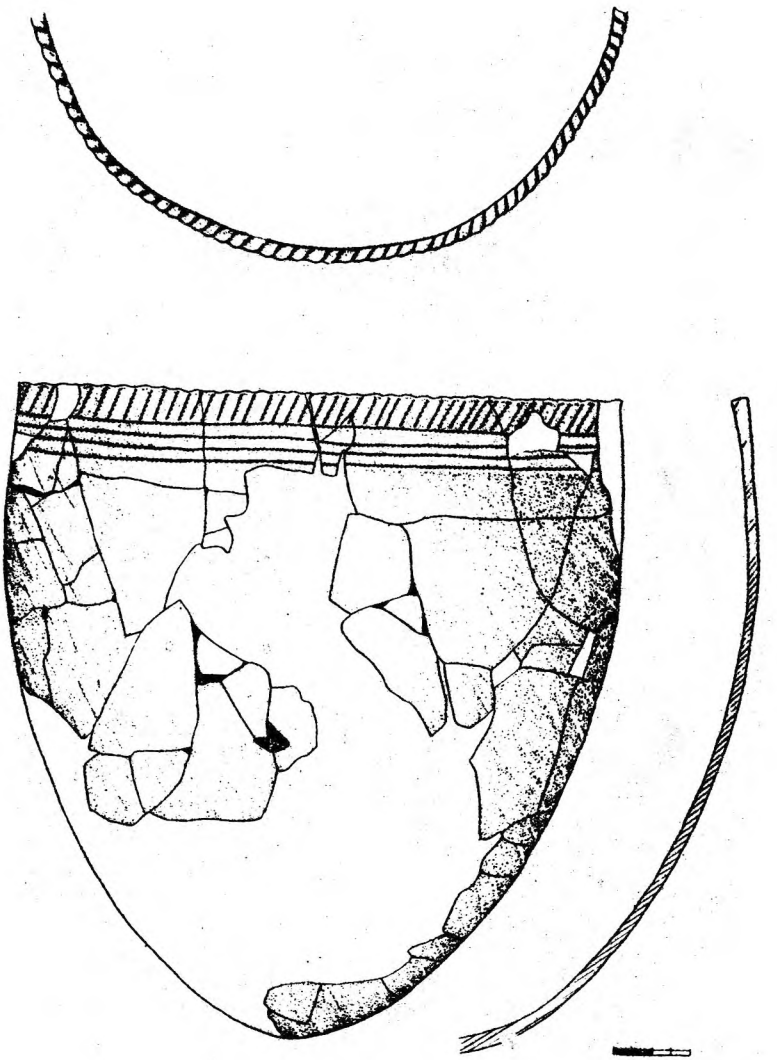

Рис.I8. Сосуд Ш культурного горизонта

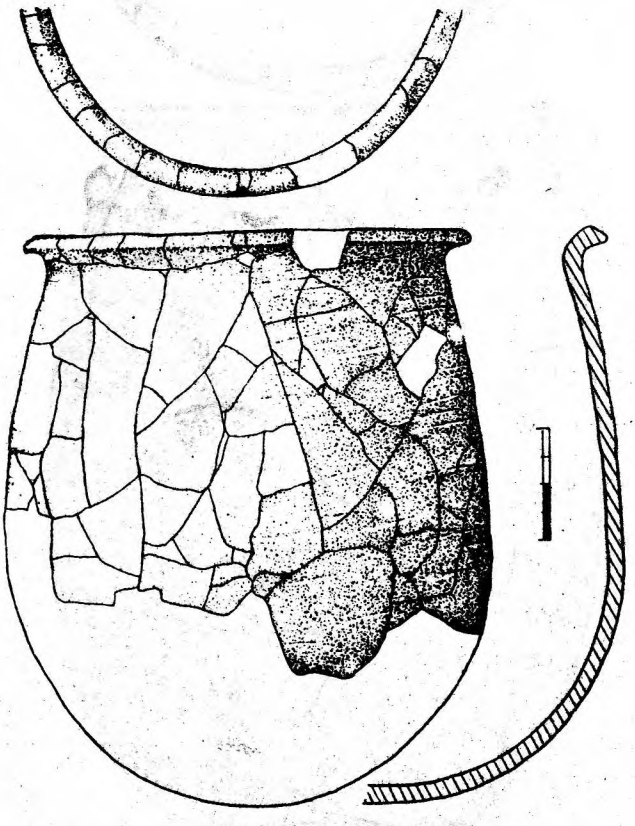

Рис.I9. Сосуд II культурного горизонта

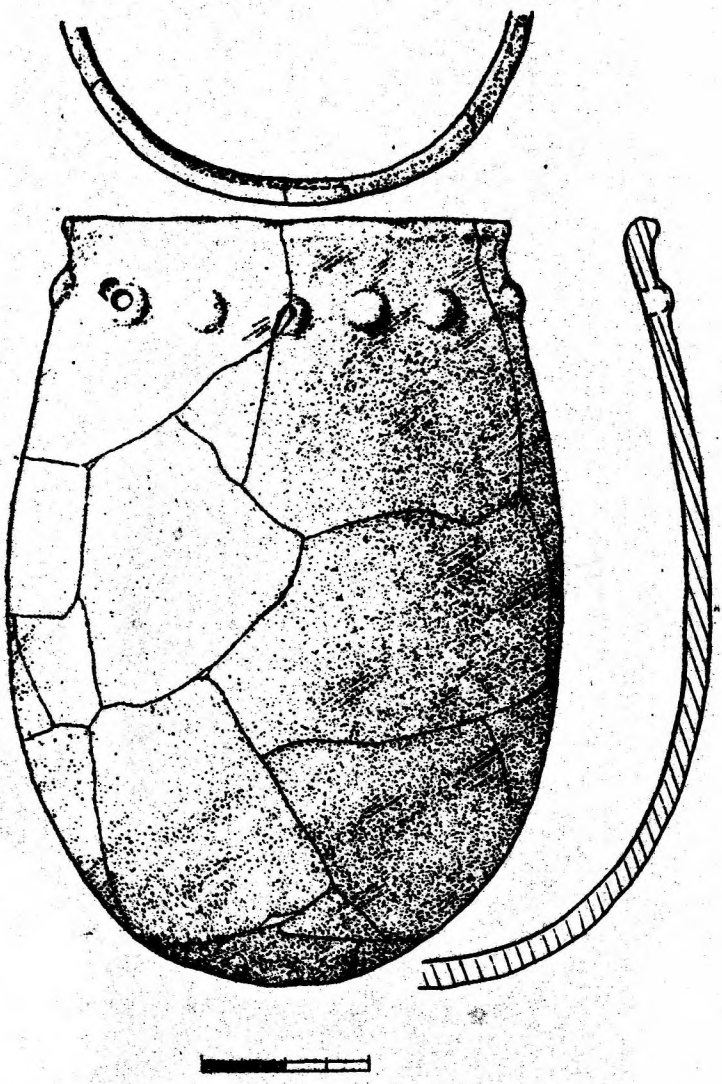

Рис.20. Сосуд II культурного горизонта

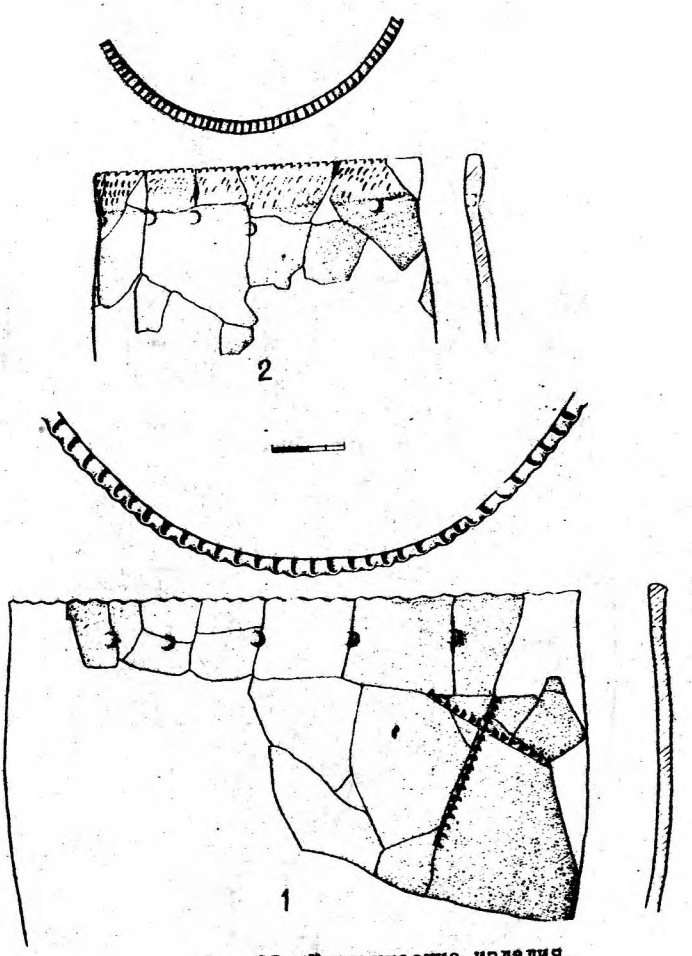

Рис.21. Керамические изделия.
II культурный горизонт

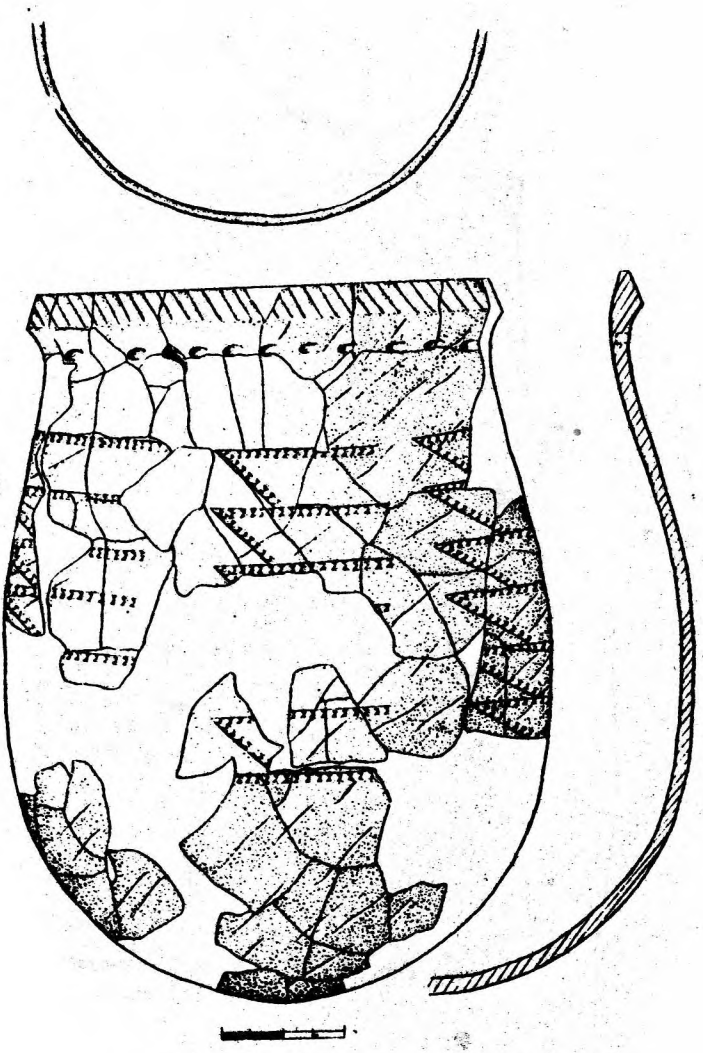

Рис.22. Сосуд П культурного горизонта

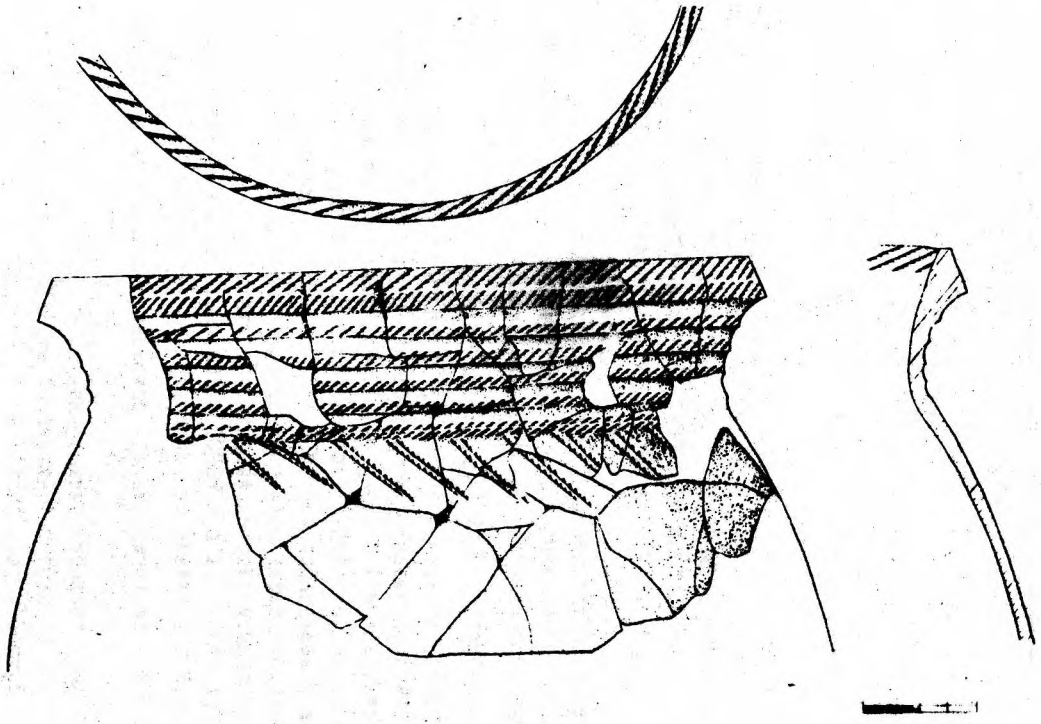

Рис.23. Сосуд I культурного горизонта

В.С.Векслер, Б.Д.Путанс

ОПРЕДЕЛЕНИЕ АБСОЛЮТНОГО ВОЗРАСТА ПО C^{14} ОБРАЗЦОВ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ ГОРЕЛЫЙ ЛЕС (УI и УП культурные слои)

Возраст образцов определялся в Рижской лаборатории ВНИИ МОРГЕО по ранее описанной методике (Векслер и др., I97I). Химическая обработка соответствовала схеме:

образец $\rightarrow Li_2C_2 \rightarrow C_2H_2 \rightarrow C_6H_6$.

Синтез в качестве носителя активности C^{14} бензола проводился на твердом ванадиймолибдосиликатном катализаторе предложенном Х.А.Арслановым и Л.И.Громовой (I968). Эталоном современного углерода служил меченый C^{14} бензол пятикратной активности по отношению к международному стандарту щавелевой кислоты.

Измерение активности проводилось на одноканальном счетчике на IO мл сцинтиллятора следующего состава:

4 г/л PPO + 0,I г/л POPOP в бензоле. Фактор качества установки I9,9 и определялся соотношением: $M = \frac{N_э}{\sqrt{N_ф}}$,

где $N_э$ – скорость эталона современного углерода за вычетом фона;

$N_ф$ – скорость счета фона.

Возраст образца рассчитывался от I970 г. по формуле (Виноградов, Девирц и др., I96I)

$A=8033$ $\qquad t_n = \frac{N_э - N_ф}{N_э - N_ф} + A_э + \sigma$,

где $A_э$ - поправка на возраст эталона;

σ - статистическая ошибка измерений;

$$\sigma = 8033 \sqrt{\frac{N_э + 2N_ф}{N_э^2 t} + \frac{N_э + 2N_ф}{N_o^2 t}}$$

где N_o - скорость счета образца за вычетом фона;

t - время измерения в минутах .

Значение возраста указывается с ошибкой Iσ и означает, что в пределах $A+\sigma$ вероятность нахождения его составляет 63%. Скорость счета фона определялась до и после измерения образца эталона.

Полученные радиоуглеродные даты для образцов очажного угля из УП (образец № I) и УI (образец № 2) культурных слоев многослойной стоянки (Горелый Лес) вычислены по периоду полураспада C^{14}, равному 5568 лет.

Возраст образцов рассчитан относительно 1970 года.

образец № I УП культурный слой 8444±I24 лет (R_i-5I)

образец № 2 УI культурный слой 6695±I50 лет (R_i-50).

О.И.Горюнова

ОРИГИНАЛЬНОЕ РЕЛЬЕФНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ НА СОСУДЕ С ПОСЕЛЕНИЯ ГОРЕЛЫЙ ЛЕС

Летом 1972 г. на многослойной стоянке Горелый Лес в УI культурном горизонте[I] был обнаружен фрагмент венчика глиняного сосуда с оригинальным рельефным изображением (рис.).

Венчик прямой, непрофилированный, с уплощенной верхней плоскостью шириной до I см. Толщина стенок сосуда 0,5 см. Тесто керамики с большим количеством примеси песка. На внутренней стороне сосуда сохранился нагар. Внешняя поверхность тулова покрыта отпечатками сильно затертой сетки-плетенки. В нижнем правом углу фрагмента видны оттиски пятизубчатого штампа.

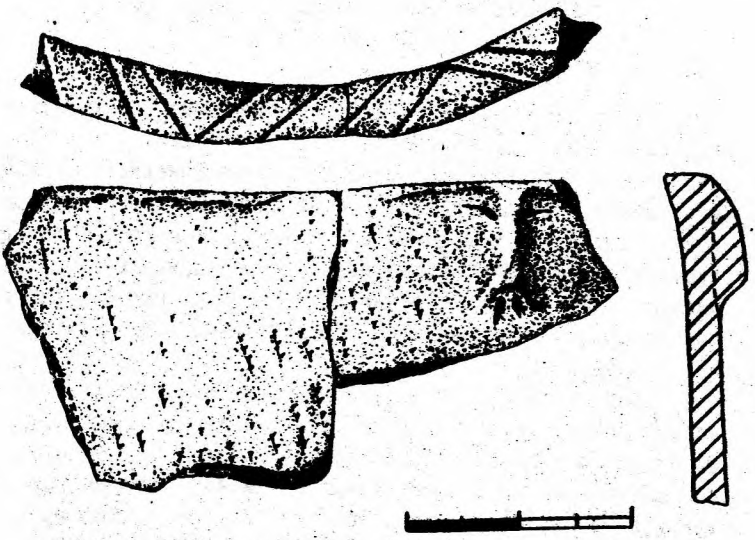
Верхняя плоскость венчика украшена прочерченным орнаментом, представленным группами из четырех параллельных, наклонных линий. При этом каждая подобная группа находится по отношению к другой под углом 90^0.

Оригинальное рельефное изображение в виде зооморфной (?) или антропоморфной (?) головы, повернутой в фас, украшает край сосуда. Оно представляет собой вертикальный, треугольный в сечении налеп, дополнительно наложенный на стенку сосуда. Длина головы 2 см, а ширина I,5 см. Изображение выдается на 0,6 см;

I. Подробно о стоянке Горелый Лес см. в настоящем сборнике в статье Н.А.Савельева, О.И.Горюновой, А.Г.Генералова.

к венчику оно уплощается и сводится на нет. Чуть раскосые глаза и ноздри выполнены насечками.

Мы склонны считать это рельефное изображение зооморфным. Подобная находка встречена в Прибайкалье впервые и является пока уникальной.

Рельефное изображение на сосуде

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
вып. I. 1974

Н.И.Дроздов, Д.И.Дементьев

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СРЕДНЕЙ И НИЖНЕЙ АНГАРЕ

В настоящей статье излагаются некоторые результаты трехлетних (1969-1971) исследований археологических памятников среднего и нижнего течения р.Ангары (северное Приангарье). Поскольку проводимые исследования носили по преимуществу рекогносцировочный характер, то основными итогами являются прежде всего учет местонахождений (их картирование), предварительная хронологическая классификация собранного материала, определение состояния сохранности и выяснение перспективности будущих стационарных исследований.

Первые известия об археологических находках на средней Ангаре относятся еще к 60 годам XIX столетия, когда в районе устья р.Чадобец Енисейского уезда геолог И.А.Лопатин собрал на поверхности пашни и в береговых обнажениях древние предметы из камня и глины, составившие довольно обширную коллекцию. В конце XIX в. здесь же, врач из Енисейска собрал "изделия таежных людей", которые передал в Енисейский музей.

Первым археологом, посетившим район средней и нижней Ангары, был Н.И.Витковский. В своем отчете о поездке по Ангаре в 1882 г. он отмечает "древности Чадобецкой стоянки" (Витковский, 1889).

Археологическую разведку по Ангаре от Иркутска до пос.Стрелка в 1937 г. совершил А.П.Окладников. В статье "Неолитические

находки в низовьях Ангары" он дает краткий обзор памятников и собранных археологических материалов (Окладников, 1937).

С 1969 г. в Северном Приангарье, на участке долины р.Ангары от с.Кеуль Иркутской области до пос.Пинчуга Красноярского края, систематические работы ведутся силами Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (КАЭ).

Исследуемый участок р.Ангары включает часть Иркутской области с Илимским районом и Красноярский край с районами Кежемским и Богучанским (рис.1).

Р. Ангара до с. Кежма течет на С-З, а затем резко поворачивае на Ю-З и З, прорезая Кодинскую гряду, Нижне-Ангарское валообразное поднятие и Мурскую низину. На рассматриваемом участке р.Ангара принимает притоки: Верхнюю Кежму, Нарту, Кову, Коду, Чадобец, Муру, Карабулу и множество мелких речек и ручьев.

В долине средней и нижней Ангары выделено девять надпойменных террас, располагающихся на относительных отметках от 10-12 до 110-120 м. Все террасы хорошо выражены в рельефе, но каждый из этих уровней отличается спецификой морфологических признаков, строением, составом и мощностью аллювиальных накоплений (Равский, 1960, 1961; Равский и Алексеев, 1960).

Все известные археологические местонахождения Северного Приангарья приурочены к комплексу низких террас I-III (10-25 м).

I надпойменная терраса является наиболее распространенной и морфологически четко выраженной. В основании ее рыхлой толщи залегает слой галечника с обильным включением песчано-гравийного материала. Галечник кроется различными по мощности аллювиальными пачками слоистых песков. Аллювий русловой фации перекрывается горизонтально-слоистыми супесями и суглинками делювиального происхождения, реже песками пойменной фации (Лаухин, 1966). Возраст галечника I террасы по С.А.Лаухину определяется 24 800± 120 лет (Ин-102), что соответствует концу Каргинского межледниковья. Слоистые супеси, суглинки и пойменный аллювий можно считать позднеплейстоценовыми до голоценового возраста в кровле, включающей остатки неолитической культуры.

II надпойменная терраса имеет высоту 14-17 м и принадлежит по своему типу к эрозийно-аккумулятивным террасам с низким цоколем из коренных пород. Нижняя часть аллювия террасы представ-

лена маломощными русловыми галечниками и крошней галечники пачкой косослоистых разнозернистых, разноцветных песков.

Русловые галечники и разнозернистые пески II террасы сформировались в казанцевский межледниковый период, о чем свидетельствуют споро-пыльцевые спектры темнохвойной тайги (Адаменко, 1971). С.А.Лаухин датирует русловой галечник Иркинеевской террасы периодом между 38 000-47 000 лет (по C^{14}) (КЕМ-10, КСМ-43) (Лаухин и др., 1972).

Верхняя часть отложений террасы представляет собой накопления пойменной фации, в виде плавнопереходящих русловых косослоистых песков, суглинков и супесей, время образования которых Э.И.Равский относит к зыряновской ледниковой эпохе.

Следующую III надпойменную террасу Э.И.Равский связывает со временем максимального оледенения. Высота террасы 20-25 м. Она имеет двучленное строение. В основании аллювиальной толщи - железистые галечники, над ними толща слоистых песков. Русловые отложения перекрыты мощной толщей (1,5-2 м) мелкозернистых песков пойменной фации, последние перекрываются горизонтальнослоистыми суглинками и легкими коричневатыми супесями делювиального происхождения.

Культурные остатки докерамического периода фиксируются в средней части делювия и связаны с погребенной почвой, разорванной мерзлотно-солифлюкционными процессами конца ледниковья. Опорным в этом отношении является разрез III террасы на Усть-Ковинской стоянке. Культурные остатки остальных памятников фиксируются в делювиально-солифлюкционных образованиях кровли I-III террас.

Всего на обследованном участке насчитывается 25 местонахождений, концентрирующихся в следующих районах: Кеульско-Пановском, Кежемском, Ковинско-Балтуринском, Кодинско-Клименском, Гольтявинско-Богучанском, Пинчугинском.

В связи с недостаточной обследованностью верхнего участка, Кеульско-Пановского района, описание местонахождений мы начинаем с последнего памятника этой территории - Панова.

Панова

Местонахождение у д.Панова было обнаружено А.П.Окладниковым в 1937 г. Вторично обследовано в 1971 г. археологическим отрядом КАЭ.

Сборы подъемного материала проводились по обнажению III правобережной террасы (25-30 м) р.Ангары, в 400-500 м выше деревни. Описываемая терраса аллювиального происхождения. В настоящее время она сильно разрушена эррозийными процессами и практически не перспективна для проведения стационарных исследований, поскольку отмеченными процессами археологический памятник почти полностью разрушен.

Археологический материал повсеместно фиксируется на глубине 20-40 см от современной поверхности в песчаных отложениях эолового происхождения, развитых на аллювии финальной фазы аккумуляции 25-30-метровой террасы.

Общее количество находок на местонахождении составляет 80 единиц.

Из изделий следует отметить: наконечник стрелы иволистной формы с косой базой, выполненный из пластинки траппа, обработанный двусторонней плоской ретушью по двум фасам (рис.2 - I); наконечник стрелы треугольной формы с прямым насадом, выполненный из выпуклой пластинки сланца, поперечно-ориентированной ретушью (рис.2 - 2); призматический нуклеус из траппа с прямой площадкой; скребок на отщепе черного кремня с овальным рабочим краем, оформленный крутой отжимной ретушью (рис.2 - 4). Основную массу изделий из камня составляют призматические пластинки - I4 экземпляров (рис.2 - 3,5); из них только одна со следами поперечно-ориентированной мелкой ретуши.

Керамика на местонахождении представлена I5 фрагментами сосудов, орнаментированных в технике отступающей лопаточки и ямочным орнаментом (рис.3 - I,2).

Мозговая

Местонахождение расположено в устье правого притока р.Ангары р.Верхняя Кежма в I5 км выше районного центра с.Кежма.

Археологические находки из д.Мозговая впервые упоминаются

в отчете о разведке по р.Ангаре в 1882 г. Н.И.Витковским (1889). В 1937 г. здесь производил сборы А.П.Окладников.

В 1969, 1971 гг. местонахождение осматривалось археологическим отрядом КАЭ.

Сборы проводились на трех участках. Первый участок расположен по левому берегу р.Верхняя Кежма в приустьевой части 4-5-метровой пойменной аллювиальной террасы, представляющей в настоящее время высокую луговину с высохшими руслами стариц.

Собранный на поверхности материал состоит в основном из массы фрагментов керамики от сосудов с различными видами орнамента: с выдавленной горошиной по венчику сосуда с прочерченным орнаментом, со следами штампа и фигурной отступающей лопаточки.

Немногочисленные изделия из камня представлены обломком двояковыпуклого рубящего орудия с продольно-ориентированной обивкой, призматическими пластинками и мелкими отщепами.

Остатки материальной культуры приурочены, вероятно, к слою серой легкой супеси, лежащей сразу же под 30-сантиметровым слоем современного гумуса.

Второй участок расположен также на левом берегу р.Верхняя Кежма, в 500 м на С-З от первого участка. Высота террасы 20-25 м. Верхняя часть террасы сложена суглинками и легкими коричневыми и серыми супесями. Сборы проводились по обнажению террасы и в овраге. В составе коллекции топор с ушками из траппа, в поперечном сечении плоско-выпуклый, с желобчатым продольным сколом на брюшке, острым обушком и слегка овальным лезвием, подработанным несколькими короткими сколами со стороны брюшка (12 х 7 см); нож на отщепе траппа, обработанный плоской равнофасеточной отжимной ретушью; наконечник стрелы иволистной формы с прямой базой, обработанный диагонально-ориентированной ретушью (рис.2 - 7,8); отщеп с двусторонней концевой подтеской (орудие типа pieces e'cailles); скребло из гальки, ретушь ударная, разнофасеточная; призматические пластинки из кремня, траппа и халцедона.

Культурные остатки обнаружены в шурфах на глубине 40-50 см от дневной поверхности в слое светлокоричневой плотной супеси. Ни выше, ни ниже по разрезу культурные остатки не зафиксированы. Это дает возможность считать материал из шурфов (слой светло-ко-

ричневой супеси) и поверхностные сборы на втором участке принадлежащими к одному культурному, вероятно, позднеэолитическому комплексу.

Третий участок находится на западной окраине д. Мозговая в 500-700 м ниже по течению р.Ангары, на 18-20-метровой правобережной террасе.

На распаханной поверхности собраны изделия из камня: обломок рубящего орудия из траппа, призматические пластинки, отщепы из халцедона и кремня. В стратиграфическом разрезе материал - отщепы - фиксируется на глубине 60-70 см от дневной поверхности, в слое серого мелкозернистого песка. Облик находок и характер их фиксации в геологических напластованиях позволяют предполагать здесь докерамический комплекс.

Берямба

Местонахождение расположено по правому берегу р.Ангары, в 200 м ниже устья р.Берямбы и в 25 км выше пос.Таежный.

Местонахождение открыто и осматривалось в 1969 г. археологическим отрядом КАЭ.

На распаханной поверхности 8-10-метровой террасы было зафиксировано три локальных пункта концентрации археологического материала, условно названных нами по распаханным площадям - "пашня I, II, III". Общая протяженность местонахождения по фронту около 2 км; в глубине террасы отдельные находки встречаются вплоть до ее тылового шва - 0,5-0,8 км, при максимальной концентрации их в 50-100 м от бровки.

Культурный горизонт in situ не обнаружен. Коллекция каменных орудий и керамики составляет 95 единиц. Интерес представляет группа топоров и тесел, насчитывающая 6 экземпляров. Наиболее типичным из них является топор с ушками удлиненных пропорций, имеющий форму клина, в поперечном сечении плоско-выпуклый. Полукруглая рабочая часть слегка пришлифована, остальная часть топора имеет следы ударной ретуши.

Три небольшие по размеру тесла прямоугольной формы со строго параллельными широкими плоскостями и узкими боковыми гранями. Обрабатывались тесла ударной ретушью, после чего шлифовались или слегка пришлифовывались. Заточка лезвия обычно односторонняя.

Группа скребков представлена II экземплярами. Большая часть скребков овальной или приближающейся к кругу формы с высоким рабочим краем. Лезвие обработано крутой отжимной ретушью (рис.2-10). Встречаются единичные экземпляры скребков, изготовленные из призматических пластин с полукруглым или прямым рабочим краем, обработанные чаще всего крутой длиннофасеточной ретушью.

Ножи на местонахождении представлены 5 экземплярами, изготовленными из пластин кремня и светлого кремнистого сланца; ретушь поперечно-ориентированная, плоская, нанесенная отжимником по обоим фасам (рис.2 - 9).

Группа наконечников стрел представлена двумя формами: иволистной и треугольной с прямой и косой базой, сделанными из призматических пластин. Для них характерна тщательная обработка фасов диагонально- и поперечно-ориентированной параллельной длиннофасеточной ретушью.

Керамика на местонахождении представлена двумя видами орнамента: I) со следами поперечных горизонтально-параллельных линий по тулову сосуда; 2) фрагменты сосудов, декорированных "сеткой-плетенкой".

Окуневка

Стоянка расположена на левом берегу р.Ангары на месте заброшенной д.Окучевка, в 500 м выше шиверы "Курейской". В 1971г. стоянка впервые осматривалась археологическим отрядом КАЭ.

Сборы подъемного материала были проведены на распаханной поверхности первой надпойменной террасы (8-15 м). Одновременно были проведены шурфовочные работы. Вскрытые в шурфах отложения имеют следующий вид

Сверху вниз:	Мощность в м
I. Гумусный слой с остатками современных хозяйственных построек	0,25-0,30
2. Серая легкая супесь, в кровле содержит остатки материальной культуры неолитического облика	0,65-0,70
3. Светло-коричневая супесь, содержит культурные остатки в виде	

отщепов	0,20-0,35
4. Светло-серая супесь с тонкими линзочками серого песка	0,60
5. Толща серых среднезернистых песков с прослоями коричневой супеси	2,00
6. Основание толщи серого песка подстилает слой речной гальки видимая мощность около	3,00

Подъемный материал представляют 4 каменных изделия: полиэдрический резец (рис.4 - I), проколка из светло-серого кремня, рабочая часть - острие - которой обработана мелкой крутой ретушью (рис.4 - 2), нож на пластине, обработанный плоской короткофасеточной отжимной ретушью по двум фасам, заготовка нуклеуса из халцедона.

Керамика представлена фрагментами сосудов.

В стратиграфических разрезах шурфов культурные остатки в виде отщепов и пластинок зафиксированы в обоих уровнях.

Особый интерес вызывает второй уровень находок, поскольку полиэдрический резец и проколка происходят, видимо, из него и могут быть отнесены к докерамическим комплексам. В таком случае 2 уровнем находок был бы представлен финальный докерамический комплекс, если ориентироваться на южно-ангарские аналогии (Медведев, I97Iа; I97Iв).

Усть-Кова

Среди известных археологических местонахождений в Северном Приангарье наибольший интерес представляет многослойный памятник Усть-Кова, открытый А.П.Окладниковым в 1937 г.

Памятник расположен на левом берегу р.Ангары, в 500-600 м выше устья р.Ковы, напротив "Ковинской" шиверы на террасе с отметками 20-24 м. Общая экспозиция террасы северная. В недавнем прошлом терраса распахивалась, сейчас заросла кустарником и молодой порослью березы и сосны.

На поверхности старой залежи были найдены: шлифованное тесловидное из нефрита с обломанным лезвием, массивный широкий топор

с уплами, обработанный в технике обивки, заготовки тесел из сланца, обработанные ударной плоскофасеточной ретушью (рис.5 I,2; рис.6 – 9), скребки с овальным и прямым лезвием, обработанным ровной, крутой, короткофасеточной ретушью (рис.6 – 6-8 клиновидный монофронтальный нуклеус с косой площадкой (рис.6 – 4,5).

При дальнейшем обследовании Ангарского берега против ствол ного знака в естественном обнажении на глубине 85 см от поверхности были обнаружены отщепы кремня сланцевых пород и фрагменты битой кости мамонта.

На территории памятника было заложено 6 шурфов и одна разведочная траншея. Стратиграфический разрез террасы на стоянке представляется следующим по восточной стенке траншеи (рис.7).

Сверху вниз:	Мощность в м
I. Почвенно-растительный горизонт	0,I0-0,I2
2. Светло-коричневая пылеватая супесь (I культурный горизонт)	0,40-0,47
3. Суглинистое плотное образование с большим содержанием гумуса – погребенная почва черно-бурого цвета со следами мерзлотно-солифлюкционных процессов, с содержанием культурных остатков (П культурный горизонт)	0,35
4. Серая карбонатизированная супесь. Прослеживается отдельными линзами в кровле, средней части и подошве слоя 3	0,75-0,80
5. Светлая плотная супесь с карбонатными стяжками	0,50-0,55
6. Толща коричневатой супеси с прослойками среднезернистого песка, обогащенного пятнами ожелезнения, видимая мощность	2,00

В шурфах прослеживается близкая стратиграфическая [illegible]

Археологический материал I культурного горизонта [illegible] от в общей сложности 76 предметов.

Среди находок присутствуют: призматический нуклеус, призматические пластинки, отщепы и фрагменты керамики с гребенчатым орнаментом, наконечник копья и кельт из бронзы (шурф № 5). Последние находки наиболее интересны.

Втульчатый наконечник копья иволистной формы. Длина его 20 см, диаметр входного отверстия втулки – 2,7 см, длина полости втулки – I6 см, длина листовидного пера – I2,5 см, длина втулки от основания до пера – 7,5 см. По бокам втулки в 4 см от основания имеются два отверстия диаметром 0,7 см (рис.7 – I). Облик наконечника копья, характер оформления, непропорциональные соотношения втулки и пера говорят о его промежуточном положении между наконечниками копий степной зоны Сибири и наконечниками копий Якутии (Окладников, I955; Членова, I967).

Кельт имеет клинообразную форму профиля, в поперечном сечении прямоугольн, на боковых плоскостях имеет линейный рельефный орнамент (рис.7 – 2). К сожалению, верхняя часть кельта не сохранилась, но, судя по сохранившимся элементам орнамента и самой форме, его можно сопоставить с кельтами из Верхне-Метляевского клада (Максименков, I960).

Бронзовые изделия в Северном Приангарье in situ найдены впервые; они обнаруживают наличие здесь элементов татарской культуры и ставят вопрос о возможном существовании развитых культур таежной бронзы в северной части Восточной Сибири.

II культурный горизонт содержит большое количество отщепов, фрагментов битой кости мамонта и северного оленя. В составе находок наиболее интересны два остроконечника с плечиками, выполненные из массивных отщепов серой изверженной породы. Два выемчатых лезвия сходятся в дистальном конце заготовки, образуя лезвие с некоторой асимметрией вправо или влево. Ретушь ударная, разнофасеточная (рис.9 – 3,4). Кроме остроконечников в составе изделий находятся: скребок на пластине кремня с прямым рабочим краем, обработанным плоской разнофасеточной ретушью; нож из пластины темного кремня, ретушь отжимная, поперечно-ориентированная (рис.9 – I; рис.6 – 3).

Костяной инвентарь представлен украшением – подвеской из клыка хищного животного. Подвеска хорошо шлифована, в основании корня биконическим сверлением выполнено отверстие (рис.9 – 2).

Кроме подвески в слое найдено большое количество фрагментов искусственно расщепленного бивня мамонта, некоторые фрагменты как будто имеют следы обработки. В самом первом приближении материал П культурного горизонта можно отнести к группе докерамических комплексов рр. Ангары, Лены, Енисея, позднепалеолитического-раннемезолитического возраста.

Кода

Поселение Кода впервые упоминается в отчете за 1937 г. А.П.Окладниковым. С 1959 г. археологическим отрядом КАЭ Иркутского государственного университета ведется планомерное исследование памятника.

Стоянка расположена на правом берегу р.Ангары на I террасе, общая протяженность по фронту около 5 км, включая устьевой участок р.Коды, экспозиция стоянки юго-западная. На территории памятника было заложено 3 раскопа, 16 шурфов, общей площадью 221 м^2, раскопано одно погребение со статуэтками из бивня мамонта.

Разрез отложений в месте стоянки представляется следующим

Сверху вниз:	Мощность в
I. Почвенно-растительный горизонт	0,10-0,15
2. Мелкозернистый буроватого цвета песок. В подошве содержит культурные остатки	0,35-0,40
3. Бурая легкая супесь. Содержит культурные остатки	0,80-0,15
4. Светло-коричневая слоистая супесь	0,60-0,70
5. Мощная толща мелкозернистого песка, до отметки 2 м, проходят горизонтальные линзы коричневатой супеси, а после 2-х м проходят слоистые линзочки крупнозернистого песка. В основании толщи горизонтальные темно-коричневые суглинки. Основание толщи песка от руслового галечника отделяют ожe-	

лезневные прослойки песка	2,50
6. Слой мелкой гальки с песком темно-серого цвета	0,25
7. Слой русловой гальки с трапповыми валунами в крупнозернистом песке серого цвета	2,50-3,00

На стоянке выделено два уровня культурных остатков, которые практически не отличаются друг от друга и могут рассматриваться суммарно. Общее количество собранных изделий составляет 540 единиц. В их составе: группа топоров и тесел, обработанных техникой оббивки с частичной пришлифовкой лезвия или полной шлифовкой всего тесла; группа скребков с прямым полукруглым, овальным рабочим краем, из отщепов и пластинок; группа наконечников стрел, треугольной, ромбовидной, иволистной формы, обработанных диагонально- и поперечно-ориентированной ретушью; призматические нуклеусы цилиндрических и конических форм, две "псевдогобийские" формы.

Керамика представлена разнообразными видами орнамента: оттиски штампа, отступающей лопаточки, прочерченный орнамент, фрагменты сосудов, декорированные "сеткой-плетенкой" (рис.3 - 3,5).

Особый интерес представляет находка обломка наконечника - бифаса из желтовато-серого кремня; ретушь ударная, плоская, разнофасеточная. Предмет слегка окатан. Наконечник обнаружен в шурфе № 3 (рис.10 - 3) на глубине 3,35 м от поверхности в составе руслового галечника. Находка его свидетельствует о присутствии в окрестности очень древнего комплекса, возраст которого пока трудно определить, но время переотложения должно быть в пределах 20 000 лет от н.д. Возможно, при продолжении исследований на Кодинском местонахождении выделится ряд разновременных комплексов, которые могут стать опорными для ряда прилегающих районов.

Чадобец

Начало исследования стоянки относится к 60-м годам прошлого столетия. Геологом И.А.Лопатиным был собран подъемный материал. В конце XIX в. сборы на стоянке проводил врач из Енисей-

ска Вицин. В 1882 г. стоянку посетил иркутский археолог Н.И.Витковский, который также произвел сборы. В статье "Следы каменного века в долине реки Ангары" (1889) он первым охарактеризовал археологический материал и определил его как неолитический и весьма отличный от известного приангарского неолита.

В 1937 г. А.П.Окладников в устье р.Чадобец также собрал коллекцию подъемного материала и раскопал неолитические погребения. В 1948 г. стоянку осматривал геолог А.К Рюмин. В своей статье он дает подробное геологическое и геоморфологическое строение стоянки и описание археологического материала (Рюмин, 1951).

С 1969 г. исследование этого интересного памятника проводит экспедиция Иркутского университета.

Стоянка расположена на левом берегу р.Чадобец, в 300 м выше ее устья и в 500 м от д.Чадобец, на Ш аккумулятивной террасе, высотой 18-20 м. Нижняя часть террасы сложена горизонтальнослоистыми серовато-желтыми среднезернистыми песками с прослоями легких суглинков желто-бурого цвета. Верхняя часть разреза террасы (2-3 м) представлена светло-желтыми уплотненными глинистыми песками, переходящими в кровле в лессовидные супеси (Рюмин, 1951).

Поверхность террасы осложнена дюнным бугром, дислоцированным в устье р.Чадобец, северный край дюнного бугра расположен против центра д.Заледеево, юго-восточный край дюны находится в 500 м от д.Чадобец. Общая протяженность дюны 1,5 км. Центральный внешний склон дюны, имеющий четкую юго-западную ориентацию, сильно денудирован, в результате чего имеется возможность наблюдать практически полный продольный разрез дюны и Ш террасы.

На стоянке Рюминым был зафиксирован один горизонт находок - погребенный почвенный горизонт в дюне Ш террасы на глубине 1,00-1,5 м.

Во время шурфовочных работ на стоянке удалось зафиксировать два горизонта погребенной почвы с остатками материальной культуры, практически не отличающейся друг от друга. Почвы фиксировались не в эоловых песках дюны, а в делювиальном шлейфе Ш террасы у северной оконечности дюны. А.П.Окладников склонен да-

тировать археологический материал Чадобецкой стоянки серовским этапом неолита Прибайкалья (Окладников, 1939). Подобный вывод следует считать крайне предварительным, так как стратифицированный материал пока незначителен. К тому же, едва ли является правильным отождествление по отдельным признакам сходства северо-ангарских и южно-ангарских комплексов.

Собранный нами подъемный материал составляет 295 единиц, из них 130 - изделия из камня и отщепы, 165 - фрагменты керамических сосудов.

Группа нуклеусов представлена 6 экземплярами: призматическими нуклеусами с прямой площадкой, одним клиновидным нуклеусом с косой площадкой.

Наконечники стрел по форме разнообразны: 3 экземпляра иволистной формы с прямой базой с симметричными жальцами, обработанные диагонально-ориентированной и поперечно-ориентированной ретушью. Размеры их невелики - 3-5 см.

4 наконечника стрел - треугольной формы: 2 - с прямой и 2 - с косой базой, выполненные из широких отщепов поперечно-ориентированной длиннофасеточной ретушью; один наконечник иволистной формы с черешковым насадом, обработанный тщательной поперечно-ориентированной равнофасеточной ретушью.

Группа скребков состоит из 9 экземпляров, из них 7 выполнены на отщепах, с овальным лезвием, обработанным крутой равнофасеточной ретушью. Два скребка - концевые с прямым высоким лезвием. Ретушь отвесная, длиннофасеточная.

Собранная на стоянке керамика представлена следующими видами орнамента: фрагменты, декорированные "сеткой-плетенкой", прочерченным орнаментом, фрагменты венчика с налепным валиком, с вдавленной горошиной по верхней части тулова сосуда, крупные фрагменты с оттисками штампа и отступающей лопатки. Стратифицированный материал из шурфов мы в настоящей статье не рассматриваем, полагая публикацию его без дополнительных полевых исследований и новых сборов преждевременной.

Заканчивая краткий обзор материальной культуры археологических памятников Северного Приангарья, можно сделать некоторые предположения относительно хронологии археологического материала, описанного выше.

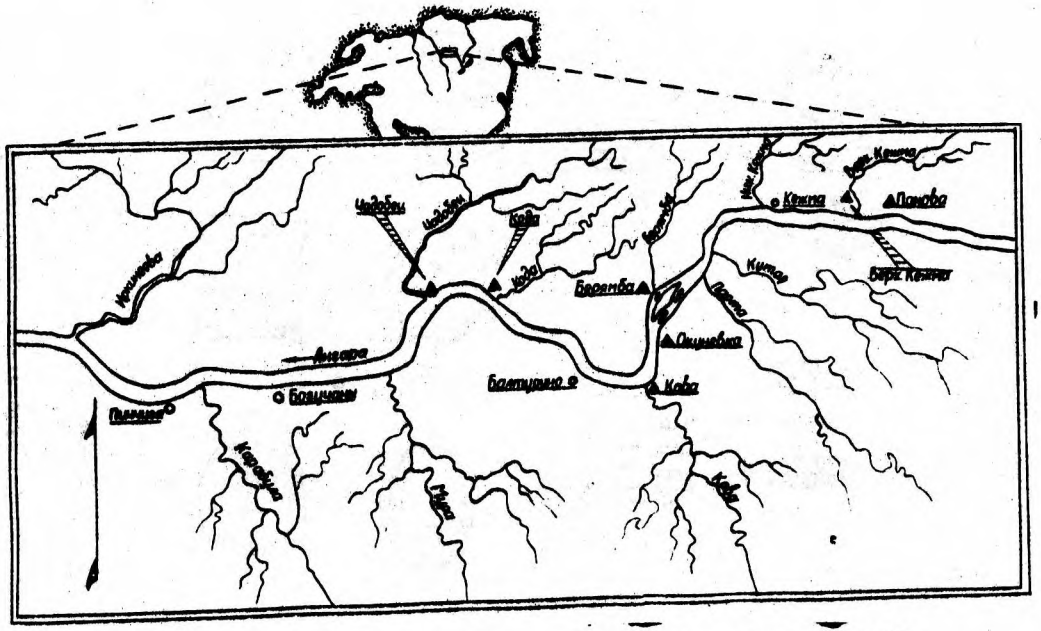
Самый древний и пока неизвестный комплекс представляет наконечник из слоя галечника II Ковинской террасы, датируемый временем около 24 тыс.лет от н.д. (Лаухин ,1966).

Представление о позднейшей докерамической эпохе дает комплекс находок во II слое поселения Усть-Кова. В геологическом отношении комплекс и вмещающие его отложения III террасы, разбитые мерзлотно-солифлюкционными явлениями, соответствуют финальной фазе плейстоцена и могут быть приурочены к интерстадиалу II-I2 тыс.лет от н.д.

Неолитическая культура представлена изделиями из керамики с ямочным орнаментом и декорированной "сеткой-плетенкой". Подобные виды орнамента встречаются на неолитических стоянках Прибайкалья, рр.Лены, Илима.

В каменной индустрии неолита этого района характерными являются полностью или частично шлифованные тесла и топоры с ушками, односторонне-выпуклые в сечении с односторонне-скошенным лезвием. Тесла и топоры, подобные Северо-Ангарским, найдены различными исследователями на рр.Илиме, Лене, Енисее и Нижней Тунгуске.

Элементы культуры бронзового века in situ зафиксированы только на Усть-Ковинской стоянке. Их мы предположительно датируем тагарским временем. Но, по всей видимости, в северных районах Восточной Сибири может быть выделен комплекс местной "таежной" бронзы.

Чадобец
Кова
Чадобец
Чадобец
Кова
Чадобец
Чадобец
Кова
Чадобец

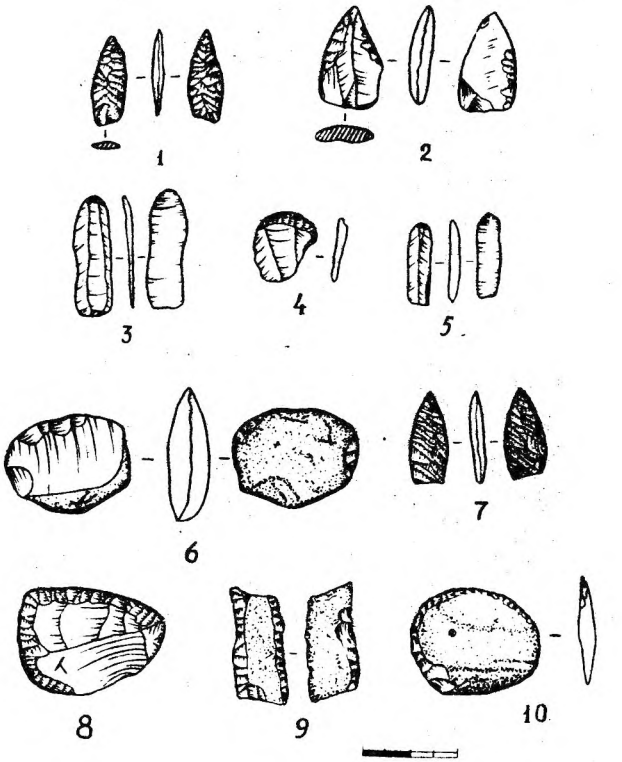

Рис.2. Изделия из траппа, сланца, кремня с местонахождений Панова, Мозговая, Берямба (Панова - I-6; Мозговая - 7-8; Берямба - 9-IO)

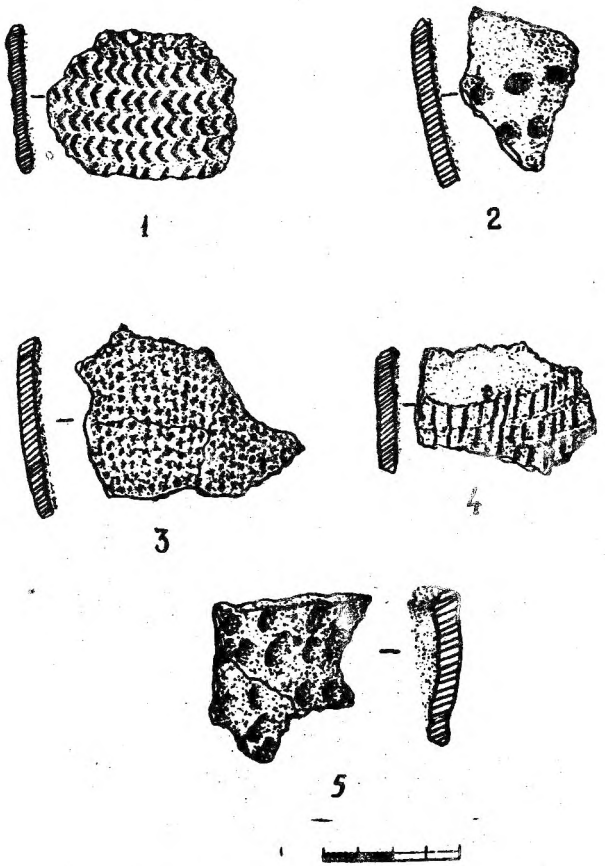
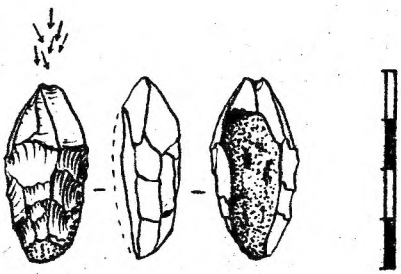
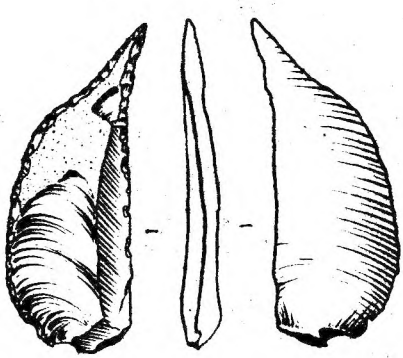

Рис.3. Фрагменты керамики
(Панова - I,2; Кода - 3-5)

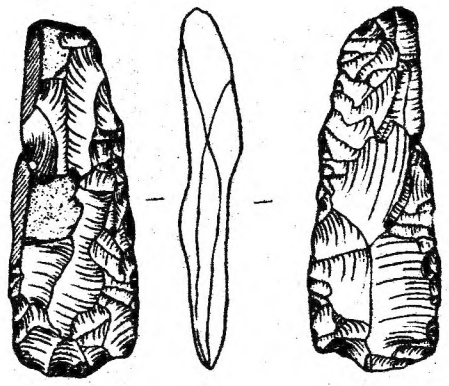

2

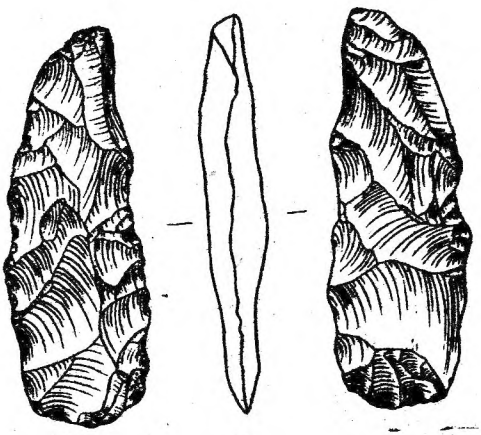

1

Рис.4. Изделия из кремня. Окуневка

1

2

Рис.5. Заготовки тесел; сланец. Усть-Кова

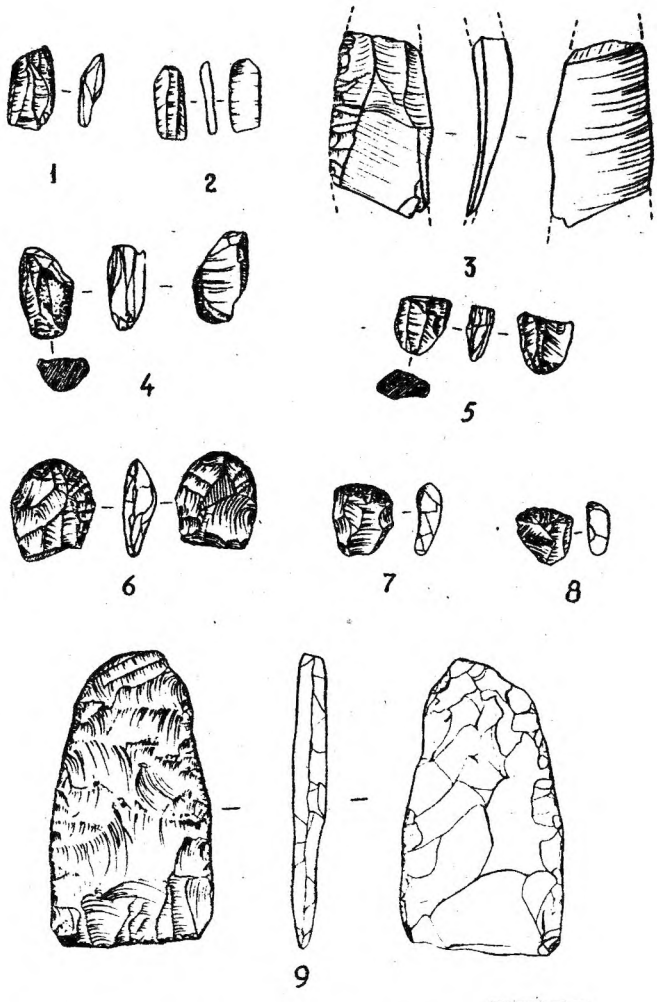

Рис.6. Изделия из кремня и сланца. Усть-Кова

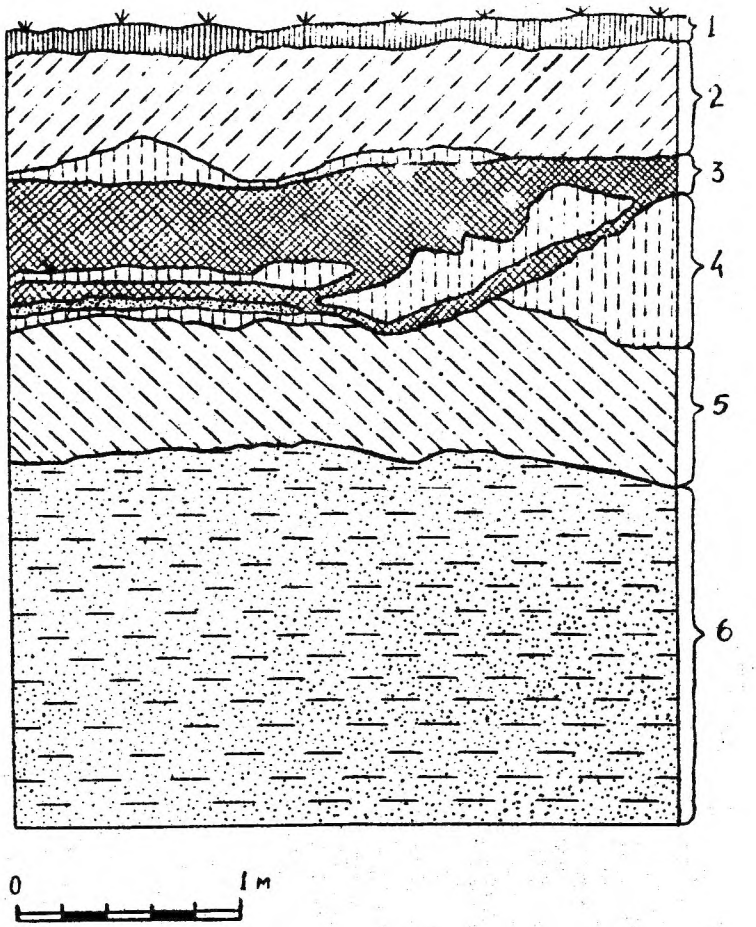

Рис.7. Стратиграфический разрез траншеи № I.
Усть-Кова

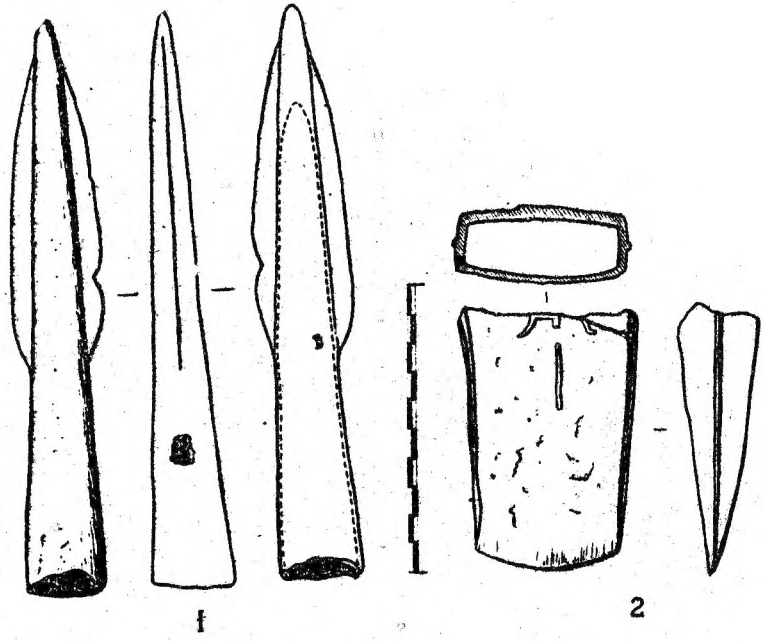
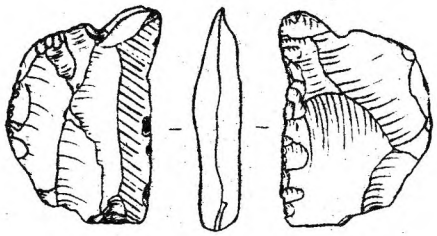

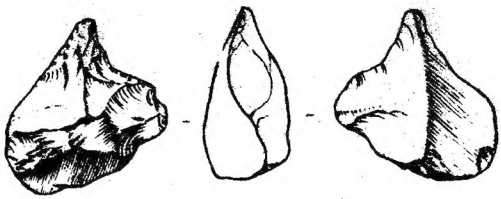
Рис.8. Бронзовые изделия из шурфа № 5. Усть-Кова

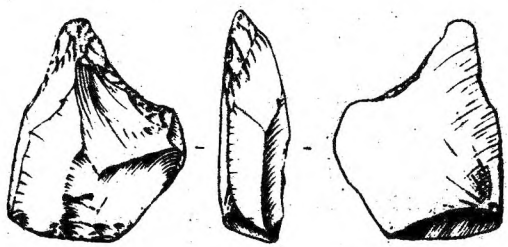
1

2

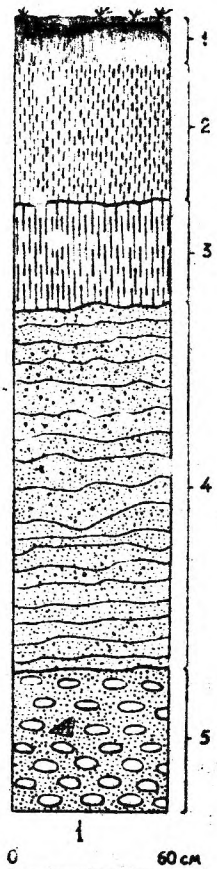

3

4

Рис.9. I. Скребок из пластины, кремень. Усть-Кова. 2. Подвеска из клыка хищника. Усть-Кова. 3,4. Остроконечники, изверженная порода. Усть-Кова

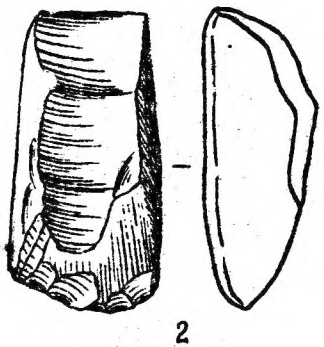

Рис.IO. I. Разрез стенки шурфа № 3. Кода.
2. Тесло из шурфа № 3, трапп. Кода. 3. Бифас, кремень. Кода

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
вып. I. 1974

Н.И.Дроздов

КОДИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С АНТРОПОМОРФНЫМИ ФИГУРКАМИ ИЗ БИВНЯ МАМОНТА

В сентябре 1969 г. отрядом Ангаро-Бельской археологической экспедиции Иркутского государственного университета была проведена рекогносцировочная разведка в среднем течении р.Ангары, от с.Кеуль Иркутской области до с.Климино Красноярского края.

Наиболее интересной и перспективной для раскопок в этом районе оказалась группа памятников в устье р.Коды. На местонахождении Кода Ш, расположенном по правому берегу р.Ангары в 5 км ниже д.Кода, нами было раскопано погребение, оказавшееся под угрозой разрушения.

Присутствие погребения было установлено по обнажившимся фалангам нижних конечностей и вываливающимся плитам кладки из борта 22-метровой террасы, сложенной аллювиальными песками и перекрывающими их коричневыми и серыми легкими супесями делювиального шлейфа и древесными отходами старого плотбища.

Расчистка кладки показала, что кровля ее фиксируется на глубине 45 см от дневной поверхности. Кладка вытянута в направлении ЮЗ – ССВ (рис.I) и состояла из небольших плит песчаника и галек траппа, которые располагались в два яруса с заметным проседанием в центре (рис.2).

Границы могильной ямы не установлены ввиду однородности отложений, слагающих кровлю террасы и заполняющих могильную яму.

Глубина могильной ямы - 75 см, была определена по костяку и погребальному инвентарю покоившимся на дне (рис.2).

Костяк зафиксирован в скорченном положении на левом боку, лицом ориентирован на север (рис.3). Череп немного приподнят по стенке могильной ямы, лицевая часть слегка повернута вниз. Руки согнуты в локтях, кисти рук, по всей видимости, лежали на коленях, подтянутых до уровня таза. Сохранность костяка плохая: эпифизы фаланг, плечевых и бедренных костей, костей таза почти полностью разложились. Череп сильно поврежден корневой системой, что заставило нас взять его монолитом [1]. Присутствие охры в погребении не обнаружено.

Инвентарь погребения представлен тремя костяными изделиями.

Между рук погребенного находилась костяная игла с просверленным ушком, длина - 16 см, ширина - 0,4 см; длина ушка - 1 см, ширина - 0,2 см. Подобные иглы известны из ангарских погребений глазковского времени (Окладников, 1955).

За спиной костяка, у позвонков на расстоянии 10 см, лицом вниз, с общей ориентировкой ССЗ-ЮЮВ находились две антропоморфные фигурки, вырезанные из бивня мамонта и сохранившие естественный изгиб бивня.

Фигурка № 1 (рис.4 а) длиной 19,7 см, шириной 3,2 см, толщиной 1,1 см представляет собой изображение человека в фас. Большая голова занимает третью часть длины фигурки, шея моделирована неглубоким плавным вырезом. Лицо хорошо детализировано; слабо выпуклый лоб выделен овальными дугами бровей, последние переходят в линию длинного уплощенного носа, расширяющегося книзу и заканчивающегося сглаженным поперечным срезом. В углублении глазниц были вклеены хорошо сохранившиеся просверленные цилиндрические пирофиллитовые бусинки. Большая часть поверхности фигурки сильно корозирована, полировка не сохранилась, отсутствуют мелкие детали на нижней лицевой части и туловище.

Вторая фигурка близка по стилю изображения первой, но несколько меньших размеров (рис.4 б). Длина ее - 15,9 см, ши-

---

1. В 1969 г. он передан в Лабораторию пластической реконструкции Института этнографии АН СССР.

на – 2,4 см, толщина – I,3 см. Массивный выпуклый лоб отделен от лица дугами бровей. Глазницы глубокие, нос прямой, длинный, оканчивается крутым поперечным срезом. Резко выделенная шея отделяет лицо от стилизованного прямого узкого туловища. Полировка не сохранилась по всей поверхности фигурки, поэтому не видно следов дополнительной обработки лица и туловища фигурки.

Подобные полные, в рост, фронтальные изображения человека с моделировкой лица вырезанные из бивня мамонта встречаются в ангарских и ленских погребениях глазковского типа в Прибайкалье, в могильниках Усть-Уда (погребения № 4,5,2,6), Братский Камень (погребение № I), д.Семеновка (погребение № I), Усть-Илга, Кулатты (погребение № I) (Окладников, I950 б, I955, I965).

Обладая некоторым сходством с вышеперечисленными фигурками, кодинские скульптурки имеют и существенные отличия: не имея отверстия и особого выреза для пришивания или привязки на ритуальную одежду, они, возможно, хранились в жилище. По этнографическим данным у народов Восточной Сибири: якутов, бурятов, эвенков еще в XIX в. прослеживались очень древние традиции – ритуальных изображений человеков-духов. Буряты называют их "онгонами" и вырезают из войлока, шьют из материи (Иванов, I954).

Интересно и то, что большинство фигурок в погребениях расположено на груди костяка или у пояса, фигурки из Кодинского погребения находились за спиной костяка, повернутые вниз лицом, они, видимо, своим положением показывали, что духи переселились в другой мир вместе с погребенной женщиной.

I. Кодинское погребение можно предварительно датировать глазковским этапом Прибайкальского энеолита, опираясь при этом исключительно на показатели погребального инвентаря. Игла из Кодинского погребения типологически входит в группу игл глазковского времени. Иглы больших размеров до Глазково нигде не фиксировались и представляют собой особенность инвентаря глазковского времени, причем, встречаются они только в ангарских погребениях (Окладников, I955).

2. Антропоморфные фигурки с тщательной деталировкой лица также появляются в погребениях глазковского времени (Окладников, I955).

3. Пирофиллитовые бусы появились в районе Прибайкалья в глазковское время и сопровождают металл. Пастовые бусы считаются показателем раннеметаллического возраста тех или иных вещественных комплексов (Окладников, 1955).

4. Наличие кладки и скорченного трупоположения характерны для глазковского этапа Прибайкальского энеолита (Дебец, 1930а). И все же Кодинское погребение мы относим к группе глазковских погребений условно. С.В.Студзицкая (1971) видит, например, в фигурках четко выраженный западный облик. К этому можно добавить географическое положение района средней Ангары, который больше тяготеет к Енисейскому району, чем к верхнему или южному Приангарью. Дальнейшее исследование северного Приангарья возможно даст новые материалы по выявлению локальных культур среднего и нижнего течения р.Ангары.

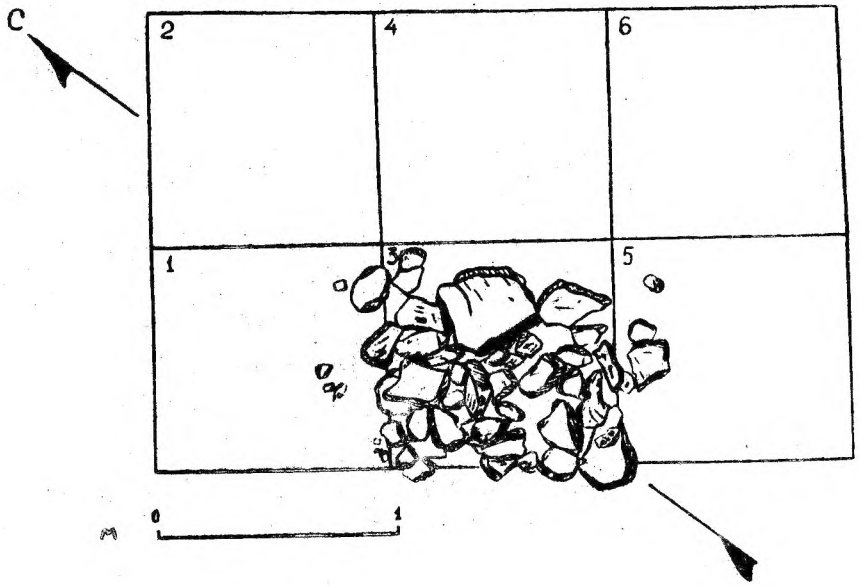

Рис.I. Кладка погребения

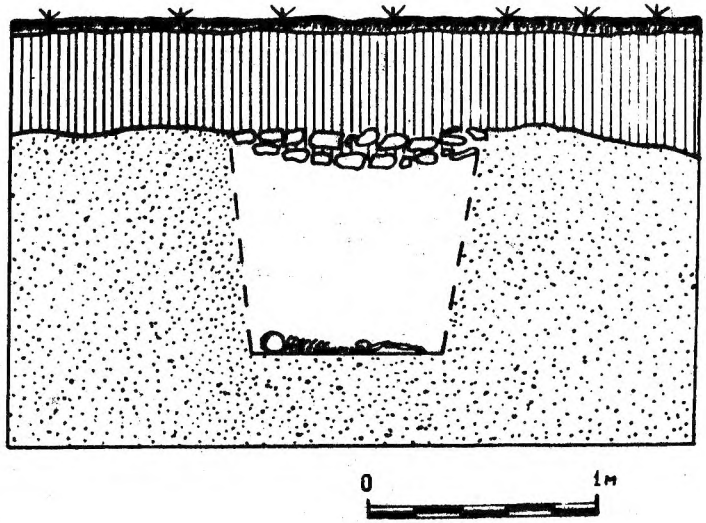

Рис.2. Профиль погребения

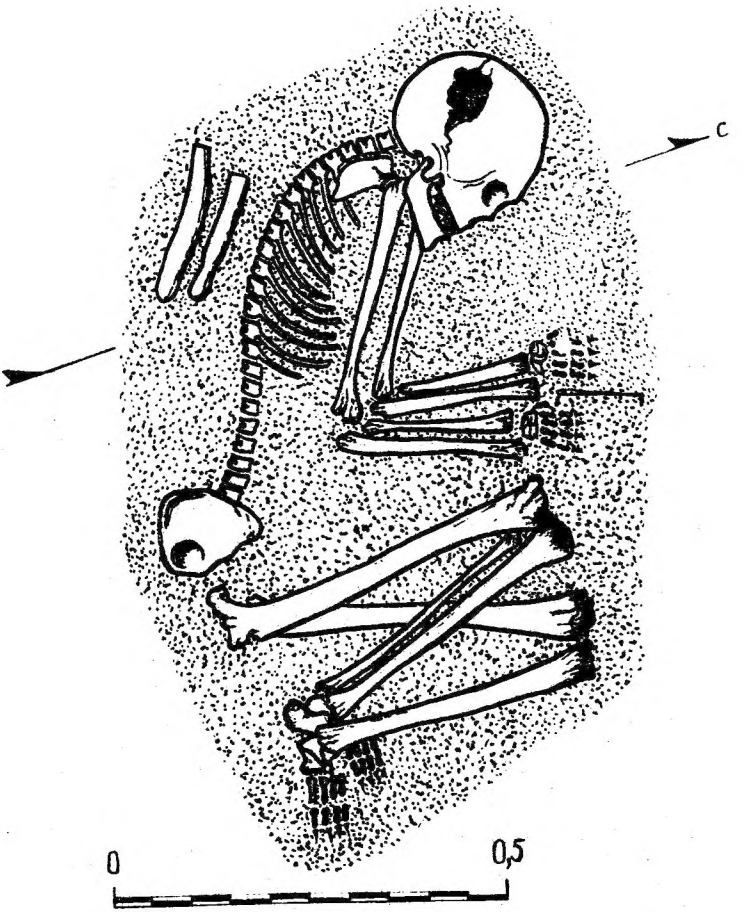

Рис.3. Положение костяка в могильной яме

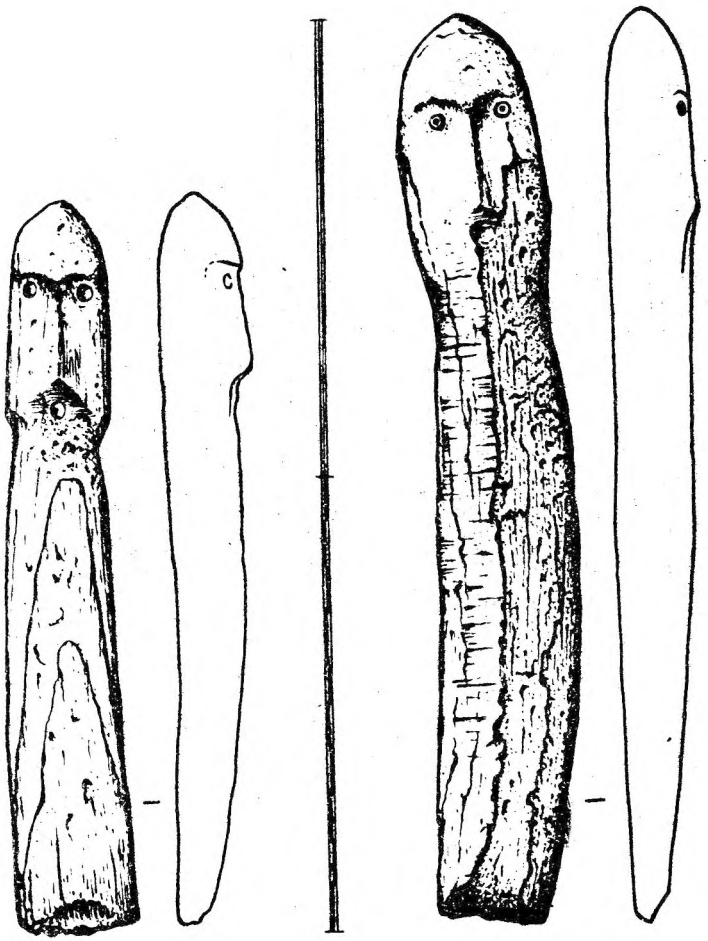

Рис.4. Статуэтки из бивня мамонта

М.Г.Туров

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ЭВЕНКАХ ЧУНСКОГО РАЙОНА

В течение двух полевых сезонов (1970-1971 гг.) Чунский археолого-этнографический отряд комплексной археологической экспедиции Иркутского университета занимался изучением эвенкийского населения правобережья р.Чуны. Полученный материал освещает как раннюю историю эвенков данного района, так и некоторые вопросы этнографии эвенков вообще.

Границы территории, ставшей объектом нашего исследования, простираются от верховьев р.Чуны (д.Баэр, Костино) и далее, вниз по ее течению до р.Бирюсы (рис.I). По мнению Б.О.Долгих, этот район населял эвенкийский род, название которого в разновременных транскрипциях звучит как Немэдинский, Недэдинский, Мендэжельский и Мендэзинкурский (Долгих, 1960).

Первые сведения о мендэзинкурах появляются в ясачных списках администрации Иркутской губернии, которая, сообразуясь со своими фискальными интересами, зачастую объединяла различные роды или их части в одно целое. Видимо, нечто подобное произошло с мендэзинкурами: на все эвенкийское население Чунского района перенесено имя эвенкийского князька Мендэзинкура, кочевавшего в пределах указанного выше района. Точное родовое имя групп, населявших обследованные нами стойбища, в настоящее время установить не представляется возможным.

Согласно сообщению эвенкийки Елены Илларионовны Рукосуевой, существовало два центра, вокруг которых кочевало несколько эвенкийских семей. Одним из них было постоянное стойбище, расположенное в среднем течении правого притока р.Чуны - р.Бродовой и носящее одноименное с ней название. Второй центр - ряд стойбищ, группировавшихся в районе Омутского озера и р.Омут. Исходя из сведений, полученных от русского населения с.Выдрино и Е.И.Рукосуевой - последней хозяйки стойбища Бродового - длительность существования этих центров определяется минимально в 70-100 лет.

Работами отряда обнаружены находки, проливающие свет на некоторые стороны хозяйственной и религиозной организации эвенков.

Прежде всего, это лабазы ("нокy" - эвенк.). В 3 км к северо-западу от стойбища Бродового стоит нокy, принадлежавший семье эвенка Соснова, в недавнем прошлом входившей в состав стойбища Бродового (рис.2). Лабаз сооружен в 100-150 м от тропы и представляет собой сруб из дранья, поднятый на двух деревьях, обрубленных на высоте 3 м 20 см от земли. Концы деревьев-опор затесаны уступом внутрь на конус, интервал между опорами - 1 м 60 см. Сверху на опоры при помощи конусовидного паза посажены поперечины. На них настлано дранье с напуском на боковые стороны до 20 см. Настил поддерживает небольшой односкатный сруб из дранья, имеющий ориентировку на северо-запад-юго-восток. Для подъема на лабаз использовалась лестница, изготовленная из цельного ствола дерева, в котором вырублены ступеньки. Остатки ее обнаружены на некотором удалении от лабаза, под огромной валежиной, где она была специально спрятана. Лестница полностью сгнила. Внутри лабаза у низкой стенки стоял небольшой берестяный короб ("хаьасян" - эвенк.),в который складывались пищевые подношения. В щели противоположной высокой стенки были воткнуты три оструганных, треугольного сечения, деревянных колышка. На тупом широком конце колышков имеются зарубки. К центральному колышку ремешками привязывалась сумка из шкуры лося. В нее была уложена фигурка человека. Немного в стороне от сумки, на настиле, лежала металлическая маска лица человека. Больше внутри сруба ничего не обнаружено.

Второй лабаз, по описанию Е.И.Рукосуевой, типологически и функционально идентичный лабазу Соснова, принадлежал эвенку Погодаеву и располагался в 1,5-2 км от стойбища Бородового, к юго-западу

от него. Сооруженный на болоте, лабаз подвергся более быстрому разрушению, вследствие чего нам не удалось отыскать его следы.

В 16 км к юго-западу от Бродового на р.Чарчет найдены останки еще одного лабаза, принадлежавшего семье Рукосуевых. В данном случае хранилище стоит рядом с тропой, на небольшом склоне, в окружении мелколесья. По словам Е.И.Рукосуевой, хранилище, как и лабаз Соснова, было поднято на двух опорах, но конструктивно весьма существенно от него отличается. Первоначально это - одноэтажный бревенчатый сруб, размерами приблизительно 4x4 м. Позднее надстроен второй этаж, в настиле которого устроен лаз. Внутри ноку с "первого этажа" к лазу вела лестница. На втором этаже стоял короб из шкуры лося с многочисленными изображениями духов-охранителей семьи Рукосуевых. Среди них Елена Илларионовна упоминает "олешков" и "лосиков", сделанных из кости, а также человечка, закутанного в лоскутки материи. К сожалению, лабаз разрушен и эта, по-видимому, богатейшая коллекция зооморфных и антропоморфных изображений, исчезла.

По наличию трех лабазов нельзя судить о том, какой из данных типов (сосновский или рукосуевский) является классическим сооружением культового характера. Однако, возможно выделение некоторых функций эвенкийского "ноку".

Во-первых, несомненно, что фиксируемые ноку являются местом помещения семейных духов-охранителей.

Во-вторых, лабаз мог представлять собой нечто вроде пограничного столба, определяющего охотничью территорию каждой семьи. Учитывая возможности духов-охранителей, которыми их наделяли эвенки (об этих возможностях речь пойдет ниже), становится понятным, что район, отмеченный как место расположения враждебных сил, становится запретным для всякого эвенка, не имеющего родственных связей с данными божествами. Как иллюстрации к этому - поведение нашей проводницы Е.И.Рукосуевой, после долгих колебаний согласившейся провести нас к лабазу Соснова и не рискнувшей подойти к нему ближе 200 м. С другой стороны, она совершенно безбоязненно присутствовала при осмотре лабаза, принадлежавшего ее семье. Возможно, поэтому общественное разграничение охотничьих угодий закреплялось религиозными представлениями.

В-третьих, ноку мог служить укрытием для женщин и детей во

время набегов на стойбища воинственных соседей. В этом аспекте нами рассматривается лабаз Рукосуевых, а именно его первый этаж. В одной из легенд, записанных нами со слов эвенкийки Е.И.Рукосуевой, рассказывается о том, как женщина с детьми спасалась от рук мифических врагов - "чанитов". К этому следует добавить: в одной из работ Г.М.Василевич, посвященной проблеме "культа медведя" у эвенков, приводится описание легенды, в которой женщина укрывалась в ноку от нападающих врагов (Василевич, 1971), причем содержание легенды во многом совпадает с легендой, рассказанной нам Е.И.Рукосуевой.

Видимо, в данном случае охранительные функции лабаза усиливались могуществом духов-охранителей, способных, в понимании защищающегося и нападающего, поразить всякого "чужого".

Несомненно, что дальнейшая работа в этом направлении позволит выделить еще несколько функций ноку.

Функции лабазов становятся более понятными с рассмотрением сущности самих божеств. Прежде всего, упомянутые выше их антропоморфные изображения имеют определенные функциональные и типологические аналоги среди некоторых, описываемых А.Ф.Анисимовым и Г.М.Василевич эвенкийских божеств (Анисимов, 1950; Василевич, 1969).

Первое изображение - маска, выполненная из металла и имеющая овальную форму. Черты лица выделены четко и являют собой явно монголоидный тип (рис.3). По краю маски пробиты два ряда отверстий, через которые, первоначально, видимо, по всему овалу, подшивалась полоска шкуры. Г.М.Василевич относит подобные изображения к принадлежностям костюма шамана. На наш взгляд, ограничиваться таким определением назначения обнаруженного нами изделия не следует, ибо не исключено, что оно имело какое-то другое, совершенно самостоятельное назначение, определение которого пока затруднительно.

Второе изображение - фигурка человека (рис.4). Изготовлено также из металла. По тулову до линии рта она спеленута сильно засаленной тканью. Одеяние дополняется обернутыми вокруг фигуры обрезками разноцветной материи. К поясу подвязаны две нитки бусин, которые могли быть знаком рождения в семье ребенка. Как указано выше, изображение уложено в сумку из шкуры лося.

В своей работе А.Ф.Анисимов описывает двух семейных духов-охранителей, так называемых "Togo musun" и "Bugadi musun" . Первое

расшифровывается им как "бабушка, хозяйка очага", которая, по представлению эвенков, живет в золе очага. Некоторые обряды эвенков исследуемой нами группы связаны с "Togo musun" .

Что касается "Bugadi musun" или "бабушки,хозяйки чума", мы считаем возможным перенести это название на найденную нами в лабазе Соснова фигурку человечка."Хозяйка чума" во время перекочевки укладывается в специально для нее сшитый из шкуры спальный мешок. Очевидно, сумка, в которую было уложено найденное нами божество, выполняла функции спального мешка.

Данные, полученные в ходе исследования, устанавливают некоторые особенности в культовой традиции эндэзинкуров. Одна из особенностей проявляется в гадании эвенков. Елена Илларионовна рассказывает, что определяя направление кочевки, сторону, благополучную для охоты и т.д., ее дед брал в руки фигурку "бабушки" (человечка, запеленутого в тряпочки) и подбрасывал ее в воздух, наблюдая при этом "как упадет" и "как тряпочки лягут" (в какую сторону лягут лоскутки материи, туда и идти).

Известно, что первоначально духи-охранители находились в чуме той семьи, к которой они принадлежали. Обряды "кормления", ворожбы, советы с божеством происходили в самом чуме или возле него у костра. В нашем случае, в силу каких-то причин происходит перенесение духов на лабаз, ставший местом их постоянного обитания на период оседлой жизни. Тем не менее, решение любого вопроса, требующего присутствия духов-охранителей, совершалось возле чума, для чего последние доставлялись на стойбище. Общение с духами происходило в кругу старших членов семьи. Очевидно, здесь имеет место определенный анахронизм, т.е. дань традиции того времени, когда духи "жили" в чуме. Единственным к настоящему времени объяснением переселения божеств на лабаз можно считать процесс разложения родового строя и становление соседской общины. Естественно, что существование на территории одного стойбища враждебных друг другу духов (а они, как будет пояснено ниже, действительно враждебны) считалось невозможным, поэтому и произошло их расселение по семейным лабазам-хранилищам. Возможно так же, что спор между членами стойбища об охотничьих угодьях вызвал к жизни потребность сооружения лабазов-хранилищ на охотничьей территории каждой семьи и помещения на них божеств. Но последнее заключение пока еще весьма проблематично.

В связи с перенесением места обитания "хозяйки чума" изменился процесс кормления божества. В хранилище духов, в берестяный короб "хавасян" эвенк укладывал пищу. Кроме того, подношения включали в себя разнообразные бытовые предметы, как то: орудия труда, охоты, одежду и т.д., которые укладывались отдельно на лабазе в мешок. Как рассказывает Елена Илларионовна, одежда, орудия труда нередко извлекались из нюку и поступали в личное пользование не только той семьи, которой принадлежал дух-охранитель, но и передавались чужому. Впрочем, нам известен пример подобного обмена лишь между женщинами одного стойбища (взят из лабаза один платок и заменен другим). При обмене взятый предмет компенсировался эквивалентным. Рассматривая настоящий процесс, следует, видимо, воспринимать самое "Bugadi musun" как реально существующее лицо. В таком понимании "хозяйка чума" выступает в роли одной из женщин стойбища, производящей обмен с другой женщиной того же стойбища.

Помимо подношений в лабаз каждое общение с духами сопровождалось окуриванием их изображений дымом очага, смазыванием жиром и т.д.

В представлениях эвенков групп Бродовой и Омута существа, понимаемые под духами-охранителями, носили второе название "вражки". Данное название божеств определяет их двойственное значение: с одной стороны - доброе начало хранителей хозяйственного благополучия семьи, с другой - злые духи, потенциально враждебные остальным членам стойбища. Полнее суть термина "вражки" раскрывается двумя легендами, которые мы пересказываем со слов Е.И.Рукосуевой.

По первой легенде отец рассказчицы, Илларион Ефимович Рукосуев, решил перевезти "вражков" из собственного нюку в нюку своего соседа эвенка Соснова[1].

Подъехав к лабазу-хранилищу, он уложил их в переметную суму. Однако "духи возмутились": попона и бок лошади, с той стороны, где находились изображения духов, обгорели от якобы сверкнувшей

1. Когда умер Калина Соснов, ухаживающий за своими "вражками", сын его, Егор Соснов, решил передать их Иллариону Рукосуеву и самовольно перевез изображения в рукосуевский нюку. Илларион отказался принять "вражков" и отвез их в нюку Соснова.

среди бела дня молнии. "Вражки" были возвращены на лабаз Сосновы.

Вторая легенда повествует о вмешательстве духов в конфликт, возникший между двумя женщинами стойбища. Акулина Погодаева, первая жена Василия Илларионовича Рукосуева, привезла "вражков" на стойбище и просила их "иссушить" свою соперницу - вторую жену Василия - Лукерью. С тех пор и до сего дня у Лукерьи болят руки и все считают, что это козни "вражков".

Если принять "Bugadi musun" за символ матрилокальных отношений, остающихся в патриархальной семье, становятся понятными равные права мужчин и женщин в процессе общения с духом-охранителем, его перевозки из лабаза на стойбище и обратно.

Не удается как-либо достаточно убедительно объяснить следующее явление. Продолжая рассказ второй легенды, приведенной нами выше, Елена Илларионовна упоминает, что после окончания общения с духами Акулина Погодаева для возвращения духов на лабаз за плату наняла младшего члена семьи Рукосуевых Степана и тот отнес в нюку чужих "вражков".

Следует сказать, что в понимании эвенков диапазон действия и могущество духов-охранителей велики, но не беспредельны. В некоторых случаях часть их функций, в том числе забота о здоровье членов семьи эвенков, населявших правобережье р.Чуны, перекладывалась на плечи шаманов. Думается, уместно будет к этому привести рассказ нашей проводницы Е.И.Рукосуевой, суть которого в том, что в детстве ее преследовало видение какого-то полуреального существа - нечто среднего между выдрой, медведем и рассомахой, с длинными когтями. "Мохнатенький", как называет его рассказчица, последний раз приходил, когда она сидела на нарах и нянчила своего брата - Степана. По ее словам, "мохнатенький" напал и начал рвать ее когтями, даже стащил на землю, изорвав при этом платье, и оставил несколько глубоких царапин при этом на бедре. На шум прибежали родственники и на семейном совете было решено, ехать за помощью к шаману. Приехав на стойбище, шаман приказал зарезать самого жирного оленя, который был съеден неподалеку от дома Рукосуевых, под берегом. После этого больная выздоровела. В данном случае не исключено, что шаман был приглашен к больной лишь после того, как были использованы все имеющиеся под рукой средства, в том числе и духи-охранители. В таком свете шаман выступает как несколько бо-

лез высокая инстанция в сравнении с "вражками", инстанция, к которой обращался эвенк по очень серьезным вопросам.

К настоящему времени достаточно определенно мы можем назвать имена двух шаманов. Первый из них - Амай, старший по возрасту и более почитаемый,(Е.И.Рукосуева говорит, что под его влиянием находилось все эвенкийское население территории от д.Мироново до р.Биркель) в летний период кочевал в районе р.Омут, где нами обнаружены остатки его лабаза. Вместе с ним, до объединения с семьей Рукосуевых, кочевали семьи Бурмакиных, Сосновых и Погодаевых, представляющие собой кон омерат не связанных кровным родством групп. Каждая семья имела своих духов-охранителей, которые после перехания на Бородовое были перенесены на лабаз. В зимний период Амай со своей группой откочевывал в д.Березову на р.Чуне.

Второй шаман - Ероха, жил на р.Чукше (правый приток р.Чуны) ориентировочно в районе д.Мироново. Под духовной властью Ерохи находилась семья Рукосуевых. Именно он фигурирует в рассказе Елены Илларионовны о ее болезни и лечении. Между обоими шаманами, по словам нашей проводницы, велась скрытая борьба за первенство. Примечательно также замечание Елены Илларионовны: "Ероха победил, а Амай умер". После смерти старого шамана происходит объединение группы Омута с группой Бородового. Эвенкийская семья, как известно, психологически не могла существовать без шамана. В случае его смерти и отсутствии человека, способного заменить его, без видимой на то причины, заболевал эпидемически весь род, разрушалось хозяйство. Видимо, эти же соображения заставили Омутскую группу войти в состав стойбища р.Бородовой, т.е. перейти под покровительство нового шамана - Ерохи. Этот же смысл заложен в фразе: "Ероха победил".

Однако каковы бы ни были причины, вызвавшие слияние этих групп, очевидно, что оно было подготовлено предшествующими ему контактами, происходившими между ними в д.Березовой. Однако это уже особая самостоятельная и очень интересная тема будущих исследований.

Подводя итоги проделанной работы, следует отметить, что исследования, произведенные нами в течение двух лет, выдвинули массу самых разнообразных вопросов и проблем, требующих дальнейшего углубленного изучения. Данная статья отнюдь не ставит своей целью обязательное решение их или задачу каких бы то ни было конкретных выводов, но предлагает несколько наиболее интересных моментов из истории эвенков долины р.Чуны.

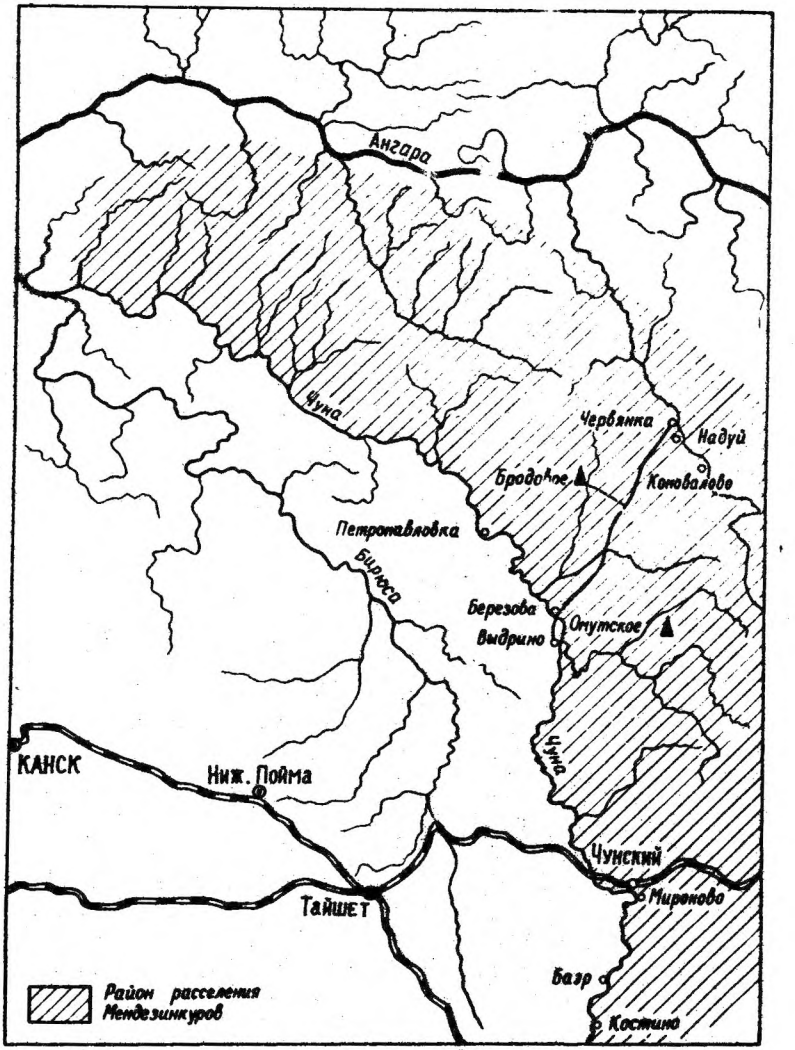

Рис.I. Границы расселения Мэндэзинкурского рода

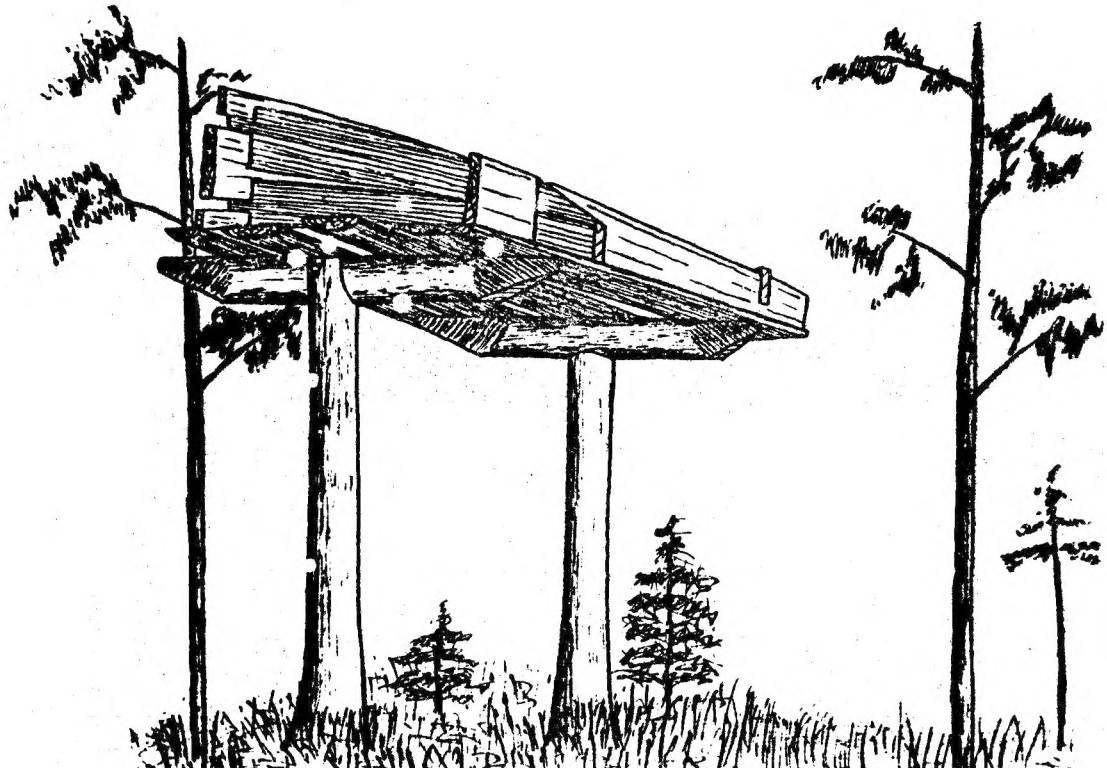

Рис.2. Эвенкийский лабаз ("ноку")

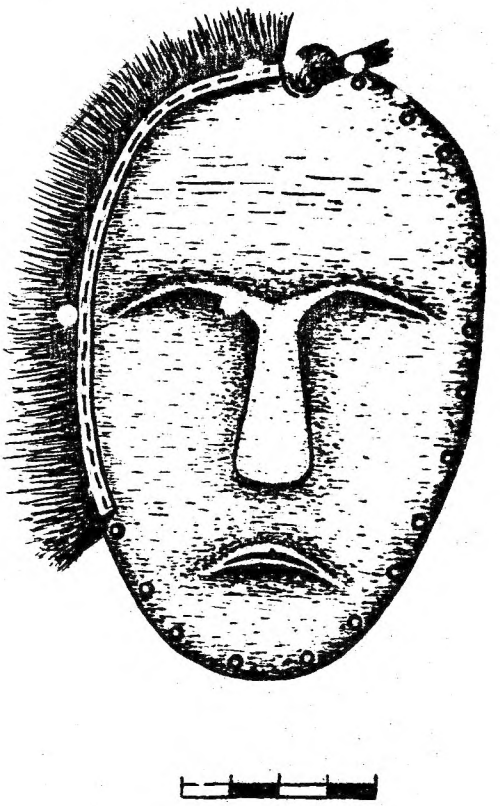

Рис.3. Маска из металла

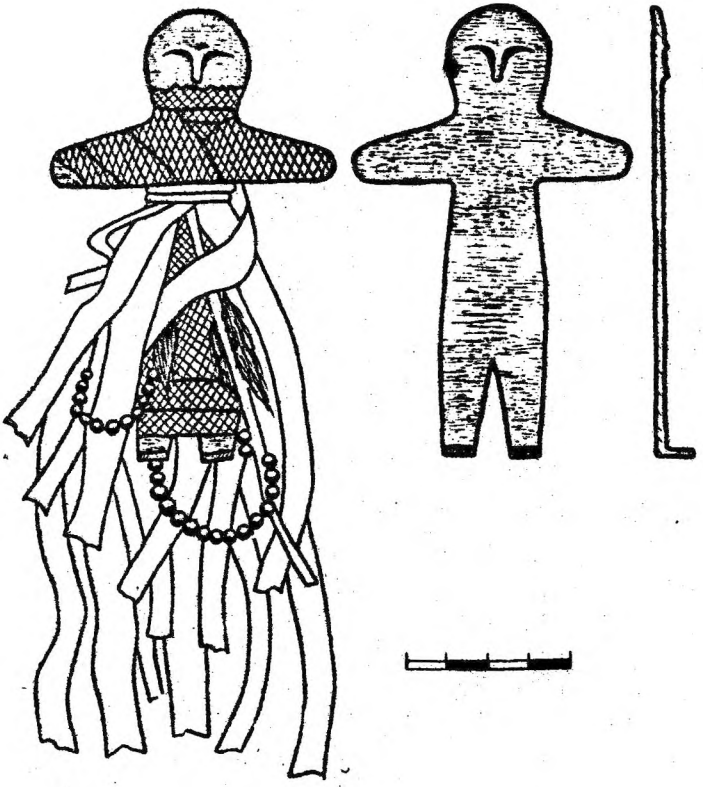

Рис.4. Фигурка человека из металла

Kensaku Hayashi. The Fucui Microblade technology and its relationships in Northeast Asia and North America. - Arctic Anthropology, vol.V, No I, 1968. Madison. pp.128-190.

Статья К.Хайяши "Микропластинчатая техника Фукуи и ее связи с Северо-Восточной Азией и Северной Америкой" посвящена анализу материалов пещеры Фукуи (Fucui Cave) - первого стратифицированного памятника, дающего представление о развитии микролитического комплекса в Японии. По мнению автора, материал пещеры Фукуи особенно важен в изучении связей Японии с материком, так как он опровергает сложившееся мнение о том, что микропластинчатая техника в Японии - следствие ее культурных контактов с азиатским материком, имеющим в этом процессе первостепенное значение.

Хайяши сосредотачивает свое внимание главным образом на технологических аспектах производства нуклеусов, найденных в пещере Фукуи, полагая, что анализ технологии микронуклеусов побуждает к пересмотру гипотез, касающихся межрегиональных связей и собственно японской микропластинчатой техники как в самой Японии, так и за ее пределами.

По мнению автора, основой археологического анализа должен быть технологический метод, как наиболее объективный, который в свою очередь представляет более прочную базу для дальнейших построений, нежели статистический анализ, основанный на про-

стых морфологических наблюдениях, или морфология, дополненная статистическим анализом.

Хайяши подчеркивает, что технологию следует рассматривать в двух аспектах: производство и употребление, причем он отдает предпочтение производственному аспекту технологии, так как функциональный анализ направлен главным образом на определение роли орудия в специфических целях и не так эффективен в раскрытии генетических связей между различными комплексами.

Производство орудия является отражением передачи совокупности методов как традиции. Технология более консервативна, функция же орудия легко может изменяться под влиянием внешней среды и различных культурных предпосылок. Кроме того, функция орудия не предполагает так много возможных специфических вариантов как техника производства. Типология способа производства должна основываться на достаточно устойчивой и хорошо контролируемой типологии форм орудий.

Автор предлагает назвать типологию способов производства "технической типологией".

В процессе технико-типологического анализа Хайяши не использует экспериментальный подход, считая, что он указывает в лучшем случае только вероятный способ, которым изделия могли быть произведены, в то время как нет необходимости указывать все возможные способы производства тех же самых орудий.

Автор подчеркивает, что предмет анализа должен представлять собой широко распространенный элемент комплекса, достаточно существенный, каковыми и представляются микронуклеусы, явившиеся предметом анализа в статье Хайяши. Производство пластин неотделимо от производства микронуклеуса, но производство микронуклеуса вскрывает значительно больше характерных, существенных черт, чем технология получения микропластин.

В статье представлены результаты технико-типологического анализа микронуклеусов из пещеры Фукуи и на их основе попытки автора провести сравнения между ними и другими материалами, известными в Японии, комплексами Азии и северо-американского континента.

В своем исследовании Хайяши вводит новую терминологию, выработанную им в процессе исследования типичных ладьевидных ну-

клеусов, но ее можно с успехом применить и к другим видам нуклеусов (рис.I):

I. Фасетированный, граненый край ("faceted end" - a).
2. Дистальный, периферический край ("distal edge" - b).
3. Площадка ("platform" - c).
4. Вентральный край или конец ("Ventral edge or end - d).
5. Рабочая часть площадки (effective platform" - e).
6. Стороны, бока ("sides" - f).
7. I-3, 4-6 стороны (I-3 side, 4-6 side)[I].

При анализе микронуклеусов Хайяши придает большое значение ориентации сколов по отношению к центральной оси площадки. Эта ось - линия, соединяющая среднюю точку максимальной ширины площадки с вершиной, противоположной фасетированному краю.

Наименование продольный скол (" longitudinal ")имеет место, когда ориентация удара параллельна центральной оси площадки; поперечный скол (" latitudinal") - в том случае, когда ориентация удара перпендикулярна оси или пересекает ее под углом.

В описании ступеней производства нуклеусов фигурируют термины - "blank" и "pre-form".

Заготовку ("blank") можно рассматривать как нуклеус, с которого еще не производилось снятие микропластин, но у которого уже оформлена площадка и ретушированы стороны ("sides"). "Pre-form" - более ранняя стадия производства заготовки, когда оформление площадки еще не начато.

Хайяши делит "pre-form" на три категории:

I. Бифас "biface".
2. Унифас "uniface".
3. Отщеп "flake".

Подразделяя "pre-form"на категории, он достаточно четко, на наш взгляд, дает определение каждой:

I. Бифас - изделие, которое ретушировано с обеих сторон вдоль обоих краев. Площадь, подверженная скалыванию на каждой

I. I-3 сторона - правая часть нуклеуса, относительно фасетированного края, обращенного к исследователю; 4-6 сторона - левая часть нуклеуса в том же самом положении.

из сторон, составляет I/3 максимальной ширины изделия вдоль каждого края. Следовательно, больше 2/3 максимальной ширины покрыто фасетками сколов.

2. Унифас - изделие, у которого одна из 2-х сторон была полностью или частично ретуширована, а другая - совсем не ретуширована.

3. Все изделия, которые подпадают между категориями бифасов и унифасов, могут классифицироваться как полу-бифасы ("semi-bifaces").

4. Когда нет ретуши на продольном крае изделия, или ретушь покрывает менее I/I0 максимальной ширины изделия, то объект исследования именуется отщепом ("flake").

5. Когда поверхность, занятая ретушью, достигает I/5 максимальной ширины, то это ретушированный отщеп ("retouched flake").

Для характеристики ретуши автор использует следующие термины:

I. Удар ("blow").

2. Скалывание ("flaking").

3. Отщепление ("chipping").

Он объясняет их следующим образом: удар - для больших сколов; отщепление - для мелких и мельчайших сколов; скалывание - для обозначения сколов, размеры которых укладываются в промежутке между размерами сколов первой и второй категорий.

Эти термины Хайяши использует исключительно в описательных целях. Они имеют отношение только к приблизительным размерам фасеток сколов. По-видимому, следовало бы конкретизировать данные термины, дать им метрическое выражение, что автор не счел нужным сделать.

Нуклеусы Фукуи Хайяши делит на три группы:

А. Полуконические нуклеусы ("semi-conical cores") - прямоугольные в поперечном сечении, а в продольном сечении представляют равносторонний низкий треугольник или удлиненный трапезоид. Соотношение длины и высоты около I00. Фасетирован-

ный край (в нашем понимании фронт)[2] переходит на какую-нибудь одну или обе стороны. Нуклеус грубо ретуширован по бокам или совсем не ретуширован.

В. Нетипичные ладьевидные нуклеусы - прямоугольные в горизонтальном сечении, плосковыпуклые или треугольные в вертикальном сечении. Отношение длины к высоте варьирует от 80 до 100, но всегда не менее 50. Фасетированный край не распространяется на стороны и его ширина находится в пределах максимальной ширины площадки. Нуклеус довольно грубо ретуширован.

С. Типичные ладьевидные нуклеусы - удлиненные, двояковыпуклые или плосковыпуклые в горизонтальном и вертикальном сечениях, соотношение длины и высоты, как правило, около 100, экстенсивно ретушированы с одной или обеих сторон. Скалываемый край не переходит на боковые грани.

Хайяши полагает, что последовательность операций на площадке и боковых гранях - наиболее содержательный характерный признак нуклеусов. На основе анализа он приходит к следующим выводам, относящимся к группе С: сначала формируется площадка продольным сколом, затем ретушируются бока, и в последнюю очередь оформляется площадка (все поперечные фасетки сколов на площадке пересекают фасетки сколов на боках, следовательно, площадка производилась после оформления боковых поверхностей).

Статья содержит интересные рассуждения относительно типологии и классификационных подразделений в типологической системе.

Автор полагает, что основными классификационными единицами должны явиться типы и подтипы как виды ("species") в биологии. Но кроме этих подразделений автор вводит и другие добавочные подразделения как категории, группы.

Классификация типов микронуклеусов дает представление о той типологической системе, которая явилась результатом исследований микронуклеусов пещеры Фукуи.

Недостатком этой классификации, который сознает сам автор, является то, что он не сумел отыскать универсальные, единые критерии для выделения типов и подтипов. Так, исходной классифика-

2. Нам представляется наиболее целесообразным ввести в оборот термин "фронт" ("front"), предложенный Сэнгером.

ционной единицей у него является категория (имеется в виду род заготовки - отщеп или расколотая галька). Следующее классификационное подразделение - группа. Уже здесь наблюдаются различия в подходе к отбору классификационных критериев: для отщепов берется во внимание оформление площадки для расколотых галек - угол фасетированного края к центральной оси площадки. Тип автор выделяет на основе наличия или отсутствия вентрального края и стадии оформления площадки (до или после оформления боковых граней). Для расколотых галек учитываются ретушь края, боковая ретушь. Что касается подтипов, то здесь на первое место ставится принцип оформления площадки (выпуклая или вогнутая) и в случае типа I - единственным или многочисленными сколами подправлена площадка.

Необходимость подобной классификации обуславливается исследователем 2-я причинами: а) необходимо выделить, насколько это возможно, различия между двумя категориями; б) если типам будут даны серийные номера, будет ощущаться трудность при введении их воедино. Поэтому типам I категории он дает числовые индексы - I,III - нечетные, а типам II категории - II, IV - четные. Эту нумерацию, по его мнению, легко можно продолжить, если в этом будет ощущаться необходимость.

Однако такая типологическая схема представляется нам не совсем приемлемой. Она не оставляет впечатления целостности и яркости. Отсутствие единых классификационных критериев в построении схемы - ее главный недостаток (рис. 2).

Но, несмотря на отмеченные недостатки данной типологической системы, несомненный интерес представляет сама система описания нуклеусов Фукуи в плане систематизации и классификации нуклеусов, этого существенного элемента почти всех докерамических комплексов.

Что касается других составных элементов комплекса Фукуи, его генезиса, аналогий в Японии и в более широких масштабах (Северо-Восточная Азия и Северная Америка), то поскольку эти вопросы на данном этапе весьма проблематичны и являются предметом дискуссий и споров, соображения автора на этот счет не будут здесь подробно рассматриваться. Заметим только, что микропластинчатая традиция, по мнению Хайяши, получила распространение в Японию из

района Байкала через Северо-Восточную Азию, по пути преломляясь и разветвляясь, о чем свидетельствуют элементы предположительно родственной единой технической традиции, получившие специфическое выражение в региональных условиях, отмечаемые в комплексах памятников позднеплейстоценового и раннеголоценового времени на этой обширной территории континентальной части азиатского материка.

Традиции Yubetsu и Towarubetsu - японские ветви этой древней технической традиции. Технология Towarubetsu находит больше аналогий на континенте, нежели технология Yubetsu , а между технологией Фукуи и Towarubetsu прослеживаются тесные параллели, что, по-видимому, объясняется общими генетическими корнями, уходящими в технические традиции прото-Фукуи или прото-Товарюбетсу, которые получили в дальнейшем специфическое развитие на о.Хоккайдо и Кюсю.

И.Л.Леженко

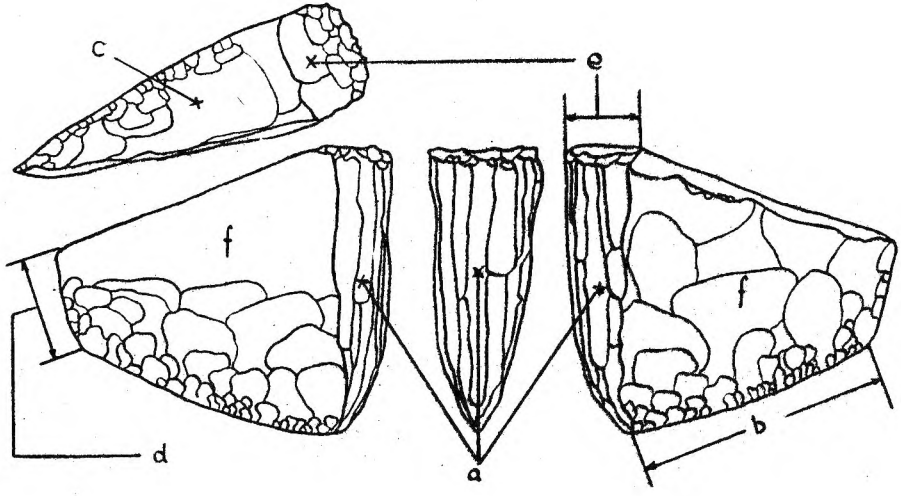

Рис.I. Элементы микронуклеуса

Chart 1. Classification of Microcore Types

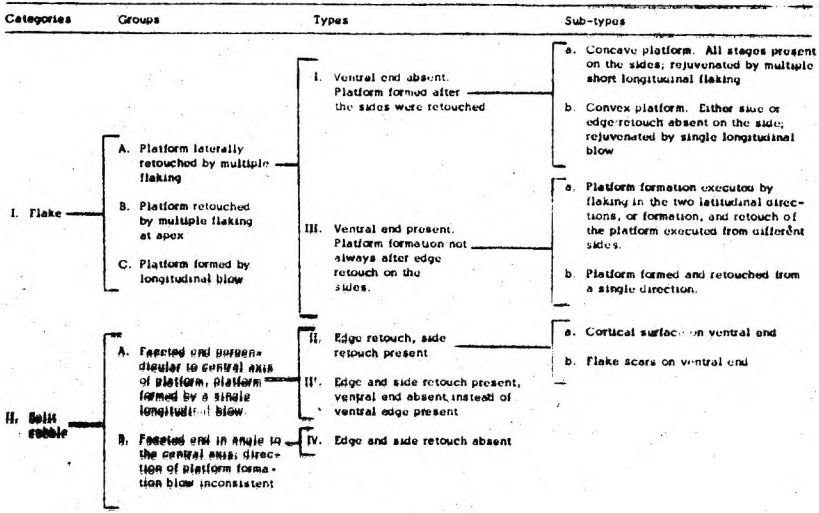

Рис.2. Классификация типов микронуклеусов (по К.Хайяши)

David Sanger. Mid-latitud core and blade traditions. – Arctic Anthropology, vol.VII, No 2, 1970. Madison. pp.103-117.

Статья Д.Сэнгера посвящена сложным проблемам изучения индустрий нуклеусов и пластин районов средней широты Североамериканского континента примыкающих, с одной стороны, к северным территориям, с другой стороны, – к Мезоамерике. С запада на восток это – Западное побережье, Плато, Прерии, Хоупвелл.

Для каждого из этих районов Сэнгер дает краткую характеристику индустрии, пользуясь в большинстве случаев опубликованными данными, и высказывает предположения относительно их происхождения и культурно-исторического значения.

Палеоиндейские комплексы пластин и наконечников он оставляет без рассмотрения, ссылаясь на недостаточное знание фактического материала, и ограничивается анализом археологических культур возраста не древнее 6000 лет и приближенных к нашему времени иногда до 400-500 гг. н.э.

Сэнгер отмечает, что датировка и стратификация рассматриваемых культур, или традиций, еще оставляет желать лучшего. Он указывает на существование в средних широтах Северной Америки нескольких различных традиций нуклеусов и пластин. Для северо-западного побережья (Британская Колумбия, Вашингтон, Орегон, Монтанское Плато) он выделяет три традиции – Плато,

Насикеп и Древнекордильерскую.

Традицию Плато (нижняя дата около 7000 лет) Сэнгер относит к "микропластинчатой", имеющей технологическим субстратом микронуклеус с хорошо развитым килем без тщательной подготовки площадки, с одним фронтом, сужающимся к клиновидному гребню. Эту традицию, по мнению Сэнгера, вряд ли можно сравнить с любой традицией микропластин Севера, поскольку, за исключением Акмака, исследованного Д.Андерсоном, других ранних хорошо изученных комплексов на Севере нет.

Другая традиция северо-западной зоны Тихого Океана – Древнекордильерская – Сэнгером была первоначально отнесена к микропластинчатой традиции (1969), однако, теперь он склонен видеть в ней традицию "удлиненного отщепа", не связанную с микропластинами любой формы и восходящую, по его мнению, к традициям плейстоценовых культур запада США.

У восточных склонов Скалистых гор в провинции Альберта выделяется оригинальный пластинчатый комплекс, наиболее хорошо представленный на местонахождении Хай Ривер (30 км южнее Калгари). При полной длине пластин, до 7,5 см, 75% всего пластинчатого комплекса составляют короткие прямые обломки (медиальные сегменты – Н.В.) с крутой вентральной ретушью по краю. Этого, по мнению Сэнгера, достаточно, чтобы отличить комплекс Хай Ривер от традиции Плато. Комплекс, возможно, является местным, древним вариантом этой традиции. Но нельзя отрицать северный источник его происхождения и считать древнюю основу комплекса привнесенной во время последниковых передвижений на территории Северной Америки.

Традиция Хоупвелл (Огайо, Иллинойс), представленная несколькими местонахождениями и называемая одним из исследователей ее – А.Уайт – "Техника Фултон", характеризуется микропластинами, снятыми с хорошо подготовленного конического нуклеуса и имеющими ретушь на дорсальной поверхности дистального конца. Эта традиция в своем происхождении может быть связана с районами Мезоамерики.

Последняя традиция, составляющая нечто среднее между традициями Хоупвелл и Арктической – Shield Archaic, прослеживается от северо-западных территорий к юго-востоку че-

рез Онтарио в районы Атлантического побережья. Помимо высокого процента ланцетовидных наконечников и наконечников с выемками, унифасов, многообразия режущих и скребущих орудий, почти полного отсутствия шлифованных орудий, эта традиция характеризуется присутствием "некоторого количества отщепов с параллельными краями и тщательно подготовленной ударной площадкой". О возможном происхождении ее Сэнгер ничего не говорит, датировка ее неясна.

В настоящей статье Д.Сэнгера наиболее интересным, с нашей точки зрения, является не выделение ряда традиций микроиндустрий средних широт Северной Америки, над исследованиями которых американским археологам придется еще много трудиться и которые пока трудно использовать в сопоставительных операциях с материалами Северной Америки, а предлагаемые Д.Сэнгером критерии для выделения категории пластин. Он считает, что метрические оценки, тем более, выработанные на материалах Старого Света, не всегда действительны, и наиболее важными должны явиться признаки, указывающие на преднамеренность подготовки нуклеуса к отделению пластин: формирование и подготовка площадки, подготовка поверхности скалывания, приготовление рабочего края, подживление площадки.

Эти признаки помогут отличить пластину от отщепа с параллельными сторонами. Д.Сэнгер предлагает ввести термин "удлиненный скол" (linear flake) для отщепов с параллельными краями, имеющими в очертании и размерах полное сходство с пластинами, но не дающих представления о системе подготовки нуклеуса к скалыванию.

"Треугольные" в сечении пластины являются, по мнению Сэнгера,"неистинными", а плоские, "нетреугольные",- "истинными". Помимо указанного выше доказательства о преднамеренности их снятия со специально подготовленного нуклеуса, Сэнгер предлагает ввести и числовой критерий - процентное соотношение "треугольных" и "нетреугольных" снятий. Если последние составляют менее 25% от всего числа снятий, то первые могут быть описаны как "удлиненные сколы" и, видимо, дополнительные морфологические и технологические признаки могут во внимание не приниматьс

Например, на Аляске "нетреугольные" в сечении снятия в 5 раз превышают "треугольные", а в традиции Плато их соотношение близко I:I. Видимо, здесь в каждом случае речь идет о своеобразном пластинчатом комплексе.

Тем не менее, Сэнгер считает, что необходимо использование возможно большего ряда критериев при описании и сравнении образцов, в особенности происходящих от разных комплексов и разных областей.

С этой целью в конце статьи Д.Сэнгер в соавторстве с Р.Магги и Д.Вайетт предлагает систематическую схему или способ использования терминологии для описания пластин, основанный на применении измерений, и терминологию по нуклеусам. К ним прилагаются диаграммы и иллюстрации.

Описание пластин

Предлагаемый способ использования терминологии для описания пластин демонстрируется на сопровождающем рисунке. Для некоторых коллекций пластин будет полезно составить список таких данных, как сведения об искривлении и более специфичной ретуши.

Терминологию по нуклеусам менее легко привести в надлежащую норму, однако, в приложении к иллюстрации (рис.) мы предлагаем соответствующие термины.

Примечания: для наглядности термины должны выражаться соответствующей диаграммой; линейные измерения сделаны с точностью до 0,I мм; радиальные измерения измерены в 5^0 промежутке и составлены 5^0 (20^0; 30^0 и т.д.) (лучше измерять геометрическим транспортиром или окуляром на микроскопе малой мощности).

Постоянные величины

L – длина в некоторых коллекциях может быть выражена следующим образом:

Lc – длина всей пластины;

Lp – длина проксимального сегмента;

Ld – длина дистального сегмента;

Ldy – длина медиального сегмента;

W – ширина измеряется только на удалении от ударного бугорка, дистально обломленные экземпляры измеря-

ется на проксимальном конце, проксимально ретушированные экземпляры измеряются только на удалении от края ретуши.

T – толщина измеряется также как ширина

$T/W = \frac{T \cdot 100}{W}$.

Pl – угол, образованный ударной площадкой и дорсальной поверхностью, даже если обломан проксимальный конец.

Li – угол между дорсальной и вентральной поверхностью, у левого латерального края в 10 мм от проксимального конца.

RL – угол между дорсальной и вентральной поверхностью у правого латерального края в 10 мм от проксимального конца.

LRi – сумма углов правого и левого латеральных краев.

Примененные величины

Классификация обломков:

C – полная длина;

P – проксимальный сегмент;

D – дистальный сегмент;

PD – медиальный сегмент.

Классификация дорсальных ребер:

A_1 – одно дорсальное ребро 10 мм от проксимального конца;

A_2 – два дорсальных ребра;

A_3 – три или более дорсальных ребер.

Площадки

C – естественная площадка;

B – подработанная площадка.

Концевая ретушь

P - проксимальная ретушь;
D - дистальная ретушь.

Латеральная (боковая) ретушь:

Левая латераль:

дорсальная
1. проксимальная (ретушировано 10 мм от проксимального конца);
2. медиальная (ретушировано более 10 мм);
3. дистальная (ретушировано более 10 мм дистального конца).

вентральная
1. проксимальная;
2. медиальная;
3. дистальная.

Правая латераль:

дорсальная
1. проксимальная;
2. медиальная;
3. дистальная.

вентральная
1. проксимальная;
2. медиальная;
3. дистальная;

Микропластинчатый нуклеус

1. Ударная площадка;
2. Хорда рабочего края;
3. Рабочий край нуклеуса;
4. Поверхность скалывания;
5. Латеральные поверхности;
6. Киль;
7. Фронт;
8. Спинка.

Микропластина

1. Проксимальный конец (ударная площадка);
2. Зона сбитости;
3. Ударный бугорок;
4. Латеральный край;
5. Ребро;
6. Дистальный конец;
7. Дорсальная поверхность;
8. Вентральная поверхность.

Приведенные Д.Сэнгером, Р.Мэги, Д.Вайетт систематическая схема и терминологические реестры представляются имеющими практическое значение для специалистов, занимающихся изучением каменного века Северной Азии. Они могут быть использованы для выработки собственной систематической схемы характеристики категорий пластин и нуклеусов.

Н.Г.Воронцова

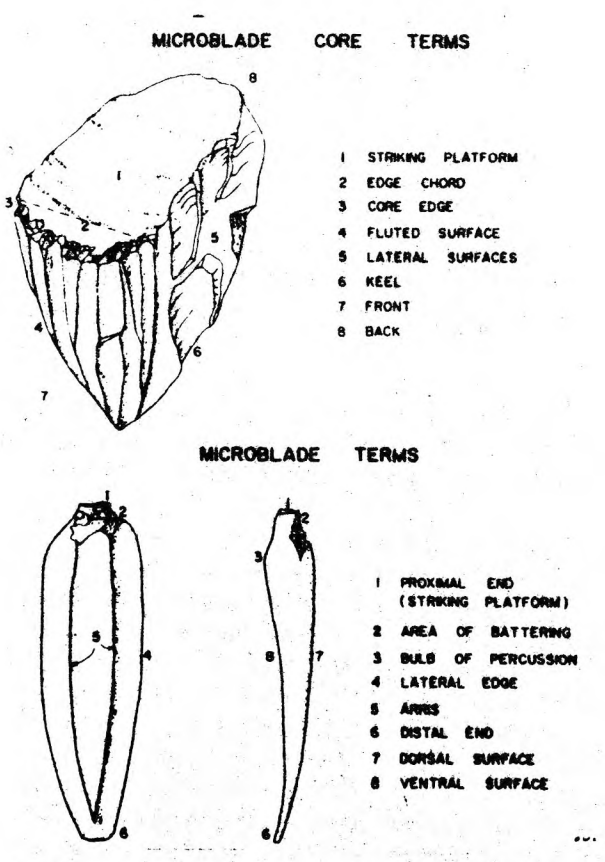

Рис. Терминология микропластин и микронуклеусов (по Д.Сэнгэру)

Jean S.Aigner. The unifacial, core and blade site on Anangula Island, Aleutians. - Arctic Anthropology, vol.VII No 2, 1970. Madison. pp.59-88.

Статья Ж.Эйнера опубликована в номере журнала "Арктическая Антропология", содержащем материалы семинара по нуклеусам и пластинам севера Северной Америки. Семинар проходил 25-27 ноября 1969 г. при Национальном Музее Человека в Оттаве, департамент Онтарио, Канада.

В статье излагаются данные по унифасам, нуклеусам и пластинам стоянки на о.Анангула, входящем в систему Алеутских островов. Содержание статьи является очередной, можно сказать, "промежуточной", публикацией результатов полевых и камеральных исследований этого интереснейшего памятника.

В американских специальных археологических изданиях опубликовано уже достаточно много материалов по Анангуле. В советской археологической литературе сведений о ней практически нет. Поэтому нам представляется, что реферировать узкий специальный вопрос без необходимого обзора всех известных источников информации не имеет смысла. Мы оставляем без рассмотрения основное содержание статьи. В настоящей рецензии предметом нашего внимания является предложенная Ж.Эйнером номенклатурно-описательная схема пластин и изделий из них (рис.I).

В схеме предлагается образец терминологии к ориентации пластин и остроконечных орудий. Эйнер не приводит в тексте спе-

циальных разъяснений, справедливо полагая, видимо, что все ясно из самой схемы.

По Эйнеру, пластина имеет два "фаса" – "вентральный" и "дорсальный", эквивалентные русским терминам "брюшко" и "спинка". Присвоение других номенклатурных обозначений деталям пластины дается в положении ее дорсальным фасом вверх и площадкой ("остатком площадки") к исследователю.

Конец с площадкой именуется "проксимальным"; противоположный ему – "дистальным". Соответственно выделяются "правый" и "левый" край, неизменные в любой другой диспозиции или проекции пластины. Дорсальный фас пластины оформляется "гранями", которых на схеме Эйнера две и которые могут именоваться также "правой" и "левой". При наличии 2-х граней выделяется "медиальный (срединный) гребень", образуемый пересечением поверхностей граней.

Вся пластина от проксимального конца до дистального делится (или членится) на 3 равных "сегмента" – "проксимальный", "медиальный" (средний) и "дистальный".

На дорсальном и вентральном фасах выделяется деталь, именуемая "margins" ("поле", "полоса"), составляющая по схеме четверть ширины необработанного фаса вдоль края.

Для остроконечных орудий из пластин сохраняются те же наименования концов и краев, но остальные детали опущены. При необходимости некоторые из них могут быть употреблены по первой схеме.

Схема Эйнера, служащая целям упорядочения описания и анализа археологического материала требует обсуждения.

По внутреннему содержанию предложенные номенклатурные обозначения тождественны применяемым в советской археологии, однако они более удобны в описательных операциях ("дорсальная ретушь", "вентральная ретушь", "дистально-концевая" обработка и т.д.).

Но, видимо, схема Эйнера потребует определенных доработок и дополнений.

Например, термин "медиальный гребень" требуется чем-то восполнить, когда дорсал пластины образован тремя гранями и гребня нет. Возникает необходимость присвоения какого-то обозначе-

ния третьей грани - "медиальной" (?). Автоматически подобные требования могут быть предъявлены и по отношению к двум боковым "латеральным" (?) граням (см. схему Эйнера по терминологии резцовых сколов - рис.2). Далее, в тех случаях, когда на дорсале присутствует валунная "грань", ее следует называть "псевдогранью" или "латералью" (?) дорсала (термин "латераль", приемлем вообще только при наличии не менее трех граней).

То же самое можно сказать и о термине "margins". У Д.Андерсона под этим термином понимается самый край скола, образованный пересечением фасов. У Ж.Эйнера - это полоса вдоль края фаса. Возможно, правильнее было бы принять формулировку Андерсона и вообще заменить "край" "маргиналом", оставив "край" для обозначения обработанного лезвия.

Пользуясь случаем хотим добавить, что в реестр терминологии по пластинам следовало бы ввести понятие "контур" ("контур" плана (фаса), "сечения", "профиля"); это не всегда необходимо употреблять в непосредственном описании (хотя порой он просто необходим), но для составления систематических таблиц признаков термин "контур" обязателен ("первичный", "вторичный", "естественный" и т.д.). Он должен быть отнесен к категории признаков "форма".

Для составления таких таблиц необходимо использовать и понятие "рельеф", фиксирующее характер "естественной", "первичной", "вторичной", "искусственной" поверхностей (фасов, площадок) и их соотношение. Сюда входят все виды ретуши, изменяющие рельеф плоскости, за исключением может быть "маргинальной", не меняющей даже контура, или "крутой", "отвесной", "коротко-фасеточной" - меняющей контур фаса.

Все это требует дальнейшего изучения и обсуждения. И в этом плане предложенные Эйнером схемы чрезвычайно полезны, как один из образцов для сравнения со схемами, разрабатываемыми советскими археологами.

Н.Г.Воронцова, Г.И.Медведев

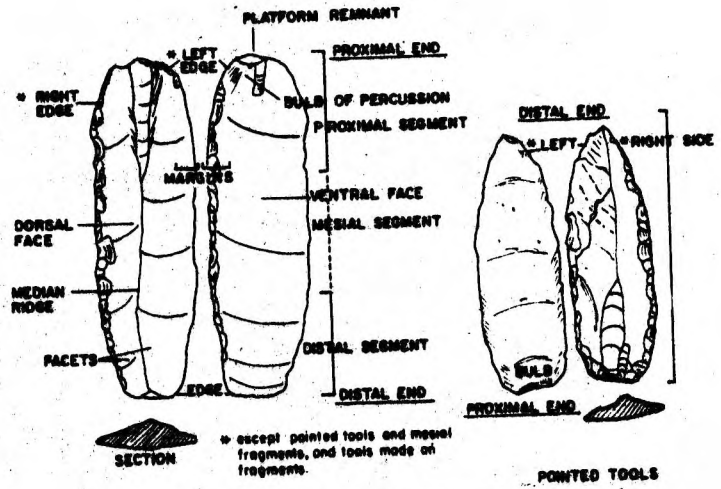

Fig. 7. Blade Blank and Pointed Tool Orientations and Terminologies.

Рис.I. Ориентация и терминология пластинчатых заготовок и заостренных орудий

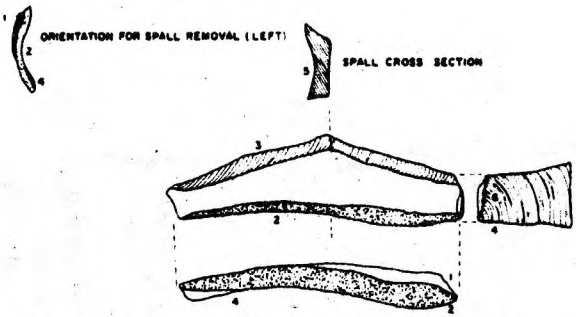

Рис.2. Терминология, применяемая в отношении сколов, получаемых в процессе резцовой техники

ЛИТЕРАТУРА

АБРАМОВА З.А.

1959 Памятники палеолита низовьев р.Селенги. – Археологический сборник I. Улан-Удэ.

1962 Красный Яр – новая палеолитическая стоянка на Ангаре. – "Советская Археология", № 3.

1971 Микронуклеусы в палеолите Енисея. – Краткие сообщения Института Археологии АН СССР, вып.128.

АДАМЕНКО О.М.

1971 Морфоструктуры Сибирской платформы. – "Геоморфология", № 1.

АКОВКОВ М.Н.

1966 Археологические исследования на многослойном памятнике Верхоленская Гора в 1963–1965 гг. – Сб. „Отчеты археологических экспедиций за 1963–1965 гг." Иркутск.

1967 Исследования в верхней части долины р.Лены. – Археологические открытия 1966 года. М., "Наука".

1969 Макарово II – многослойный памятник на Верхней Лене. – Археологические открытия 1968 года. М., "Наука".

1970 Нижний комплекс стоянки Макарово на р.Лене. – Сибирь и ее соседи в древности. Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь, вып.3. Новосибирск.

1971 Комплекс археологических памятников в районе с.Макарово на Верхней Лене. – Изв. Вост.-Сиб. отдела Всесоюзного географического общества СССР, т.68. Иркутск.

1972 Исследования в долине р.Лены. – Археологические открытия 1971 года. М., "Наука".

АНИСИМОВ А.Ф.

1950 Семейные охранители у эвенков и проблема генезиса культа предков. – "Советская Этнография", № 4.

АРСЛАНОВ Х.А., ГРОМОВА Л.И.

1968 Авторское свидетельство № 213819, от 4 января .

ВАСИЛЕВИЧ Г.М.

1969 Эвенки. Историко-этнографические очерки. (XVII – начало XX вв.). Л., "Наука".

1971 О культе медведя у эвенков. – Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX вв. Л., "Наука".

ВЕКСЛЕР В.С., ПУТАНС Б.Д., САВВЕНТОВ А.С.

1971 Радиоуглерод. Вильнюс.

ВИНОГРАДОВ А.П., ДЕВИРЦ А.Л., ДОБКИНА Э.И., МАРКОВА Н.Г., МАРТЮШЕНКО Л.Г.

1961 Определение абсолютного возраста по C^{14} при помощи пропорционального счетчика. М., "Наука".

1963 Определение абсолютного возраста по C^{14}. Сообщение 4. – "Геохимия", № 9.

ВИТКОВСКИЙ Н.И.

1889 Следы каменного века в долине р.Ангары. – Изв. Вост.-Сиб. отдела Русского географического общества, т.XX, № 2.

ГЕЙНЦ А.Г., ГАРУТТ В.В.

1964 Определение абсолютного возраста ископаемых остатков мамонта и шерстистого носорога из вечной мерзлоты Сибири по C^{14}. – Доклады АН СССР, 195, № 6.

ГРИГОРЬЕВ Г.П.

1972 Восстановление общественного строя палеолитичес-

ких охотников и собирателей. – Сб. "Охотники, собиратели, рыболовы". Л., "Наука".

ГРОМОВ В.И., АЛЕКСЕЕВ М.Н., ВАНГЕНГЕЙМ Э.А., КИНД Н.В., НИКИФОРОВА К.В., РАВСКИЙ Э.И.

1963 Схема корреляции антропогеновых отложений Северной Евразии. – Корреляция антропогеновых отложений Северной Евразии. М., "Наука".

ДЕБЕЦ Г.Ф.

1930 Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья. – Изв. ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете МГУ, т.3, № 2А.М.

ДИКОВ Н.Н.

1967 Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки. История и культура народов Севера Дальнего Востока. – Труды СВКНИИ СО АН СССР. Вып.17. М., "Наука".

ДОЛГИХ Б.О.

1960 Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., "Наука".

ИВАНОВ С.В.

1954 Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX вв. М.

КИНД Н.В.

1965 Абсолютная хронология основных этапов истории последнего оледенения и послеледниковья Сибири (по данным радиоуглеродного метода). – Четвертичный период и его история. М., "Наука".

ЛАРИЧЕВ В.Е.

1972 Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч.П. Новосибирск, "Наука".

ЛАРИЧЕВА И.П.

1972 Гобийские нуклеусы и проблема первоначального заселения Северной Америки. – Сб. „История и культура Востока Азии". Т.I. Новосибирск, "Наука".

ЛАУХИН С.А.

1966 Первая датировка плейстоценовых отложений по C^{14} в Приангарье и ее значение для выявления палеогеографии сартанского века. – В кн.: „Верхний плейстоцен. Стратиграфия и абсолютная геохронология." М.

ЛАУХИН С.А., АЛЕКСЕЕВ В.А., МЕЛЬНИКОВА З.К.

1972 Новое определение абсолютного возраста из верхнечетвертичных отложений с унионидами на р.Иркинеевой (Северное Приангарье). – Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, № 39. М.

ЛЮБИН В.П.

1965 К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. – Материалы и исследования по археологии СССР, № 131. Палеолит и неолит СССР. Вып.5. М., "Наука".

МАКСИМЕНКОВ Г.А.

1960 Верхне-Метлявский клад. Иркутск.

МЕДВЕДЬ Г.И.

1961 Место культуры Верхоленской Горы в археологической периодизации Прибайкалья. – Сб. „Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока." Новосибирск, "Наука".

1966 Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре в 1964-1965 гг. – Сб. „Отчеты археологических экспедиций за 1963-1965 гг." Иркутск.

1971а Мезолитический комплекс стоянки Царь-Девица. – Вопросы истории Сибири. Учен. зап. ИРОМ, вып.4,

ч.I. Иркутск.

1971б К истории исследования мезолита Приангарья. – Сб. „Мезолит Верхнего Приангарья. Ч.I. Иркутск.

1971в Стоянки Ангаро-Бельского района ("Бадайский комплекс") – Усть-Белая. – Сб. „Мезолит Верхнего Приангарья." Ч.I. Иркутск.

МЕДВЕДЕВ Г.И., ГЕОРГИЕВСКИЙ А.М., МИХНЮК Г.Н., ЛЕЖНЕНКО И.Л., САВЕЛЬЕВ Н.А.

1971 Памятники мезолита Верхнего Приангарья. – Сб. „Мезолит Верхнего Приангарья." Ч.I. Иркутск.

МЕДОЕВ А.Г.

1972 Радиальная система изготовления нуклеусов левалуа в древнем палеолите Сары-Арка и Мангышлака. – Сб. „Поиски и раскопки в Казахстане." Алма-Ата, "Наука".

МОЧАНОВ Ю.А.

1970 Дюктайская пещера – новый палеолитический памятник Северо-Восточной Азии. – Сб. „По следам древних культур Якутии." Якутск.

1972 Новые данные о беринговоморском пути заселения Америки. – "Советская Этнография", № 2.

ОКЛАДНИКОВ А.П.

1937 Очерки по истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л.

1939 Неолитические находки в низовьях р.Ангары (к итогам работ 1937 г.) – "Вестник древней истории", № 4.

1950а Ленские древности, т.3. Якутск.

1950б Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч.I,2. – Материалы и исследования по археологии СССР, № 18. М.–Л.

1953а Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч.3. – Материалы и исследования по археологии СССР, № 43. М.–Л.

1953б Следы палеолита в долине р.Лены. - Материалы и исследования по археологии СССР, № 39. М.-Л.

1955 История Якутской АССР, т.I. Якутия до присоединения к русскому государству. М.-Л., изд. АН СССР.

1959 Палеолит Забайкалья. Общий очерк. Археологический сборник I. Улан-Удэ.

1965 Древние связи культур Сибири и Средней Азии. - В кн.: "Бахрушинские чтения". Новосибирск.

ПАНИЧКИНА М.З.

1959 Палеолитические нуклеусы. Археологический сборник, вып. I. Эпоха камня. Л., изд. Государственного Эрмитажа.

ПЕТРИ Б.Э.

1922 Первые следы доисторического человека в Сибири. Чита.

1923 Сибирский палеолит. Иркутск.

1927 Сибирский палеолит. Атлас. Иркутск.

Плоскогорья и низменности Восточной Сибири. М., "Наука".

1971

ПОПОВ А.И.

1959 Таймырский мамонт и проблема сохранения остатков мамонтовой фауны в четвертичных отложениях Сибири. - Сб."Ледниковый период на территории Европейской части СССР и Сибири." МГУ.

РАВСКИЙ Э.И.

1960 К стратиграфии четвертичных (антропогеновых) отложений юга и востока Сибирской платформы. - Труды Геологического института АН СССР, вып. 26. М.

1961 Перигляциальные явления и перигляциальные зоны плейстоцена Восточной Сибири. - В кн.: "Вопросы геологии антропогена." М., изд. АН СССР.

РАВСКИЙ Э.И., АЛЕКСЕЕВ М.Н.

1960 Четвертичный период в Восточной Сибири. – В кн.: "Хронология и климаты четвертичного периода." М., изд. АН СССР.

РАВСКИЙ Э.И., ЦЕЙТЛИН С.М.

1965 Геология енисейского палеолита. – Сб. "Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы." М., "Наука".

РКМИН А.К.

1951 Новые данные о Чадобецкой неолитической стоянке на р.Ангаре. – "Советская Археология", т.XУ.

САВЕЛЬЕВ Н.А., ГОРЮНОВА О.И.

1972 Многослойное поселение эпохи неолита и бронзы в Прибайкалье. – Сб. "Археологические открытия 1971 года" М., "Наука".

СТУДЗИЦКАЯ С.В.

1971 Памятники искусства малых форм древней Сибири как исторический источник. Автореф. канд. дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.

СУЛЕЙМАНОВ Р.Х.

1972 Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент.

ХЛОБЫСТИН Л.П.

1965 Древнейшие памятники Байкала. – Материалы и исследования по археологии СССР, № 131. Палеолит и неолит, вып. 5, М., "Наука."

ЦЕЙТЛИН С.М.

1970 Новая многослойная стоянка на Верхней Лене – Макарово П. – Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, № 37.

ЧЛЕНОВА Н.Л.

1967 Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.

ШАМСУТДИНОВ В.Х.

1966 Новая верхнепалеолитическая стоянка в Забайкалье. - Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, № 32.

AIGNER S.J.

1970 The unifacial core and blade site on Anangula Island, Aleutians.- Arctic Anthropology, vol.VII, No 2. Madison.

ANDERSON D.D.

1970 Akmak: An Early Archeological Assemblage from Onion Portage, Northwest Alaska.- Acta Arctica, vol.16. Copenhagen.

1970a Microblade Traditions in Northwestern Alaska.-Arctic Anthropology, vol.VII, No 2. Madison.

BORDES F.

1950 Prinzipes d'une metode d'etude des techniques de debitage et de la typologie du Paleolithique ancient et moyen.- L'Anthropologie, 54. Paris.

HAYASHI K.

1968 The Fukui Microblade technology and its relationships in Northeast Asia and North America.- Arctic Anthropology, vol. V, No I. Madison.

HEDLEIGH-WEST F.

1967 The Donnely Ridge Site and the Difinition of an Early Core and Blade Complex in Central Alaska.- American Antiquity, vol. 32, No 3, Salt Lake City.

KOZLOWSKI J.K.

1965 Studia nad zroznicowaniem kulturowym w Paleolicie gornym Europy Srodkowej. Krakow.

LAPLACE G.

I964 Essai de Typologie systemathique. Ferrara.

MORLAN R.

I966 The preceramic period of Hokkaido: an outline. - Arctic Anthropology, vol. IV, No I. Madison.

MOVIUS H. et al.

I963 The analysis of certain major classes of Upper Paleolithic Tool. Cambridge.

SACKETT J.

I966 Quantitative analysis of Upper Paleolithic Stone Tools. - American Anthropologist, vol. 68 No 2.

SANGER D.

I970 Mid-Latitud core and blade traditions. - Arctic Anthropology, vol.VII, No 2. Wiskonsin.

de SONNEVILLE-BORDES D., PERROT J.

I953 Essai d'adaptation des metodes statistiques au Paleolithique superieur. B.S.P.F., t. I.

VERTES L.

I964 Statistiques et graphiques dans l'etude des industries prohistoriques. - Palaeohistoria, vol.X, Groningen.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П., Деопик Д.В., Леонова Н.Б. Морфологическое описание пластинок с притупленным краем и статистический анализ их совокупности на этой основе 7

Медведев Г.И., Михнюк Г.Н., Лежненко И.Л. О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья 60

Аксенов М.П. Многослойный археологический памятник Макарово II 91

Лынша В.А. Материальная культура памятника Макарово III (предварительное сообщение) 127

Аксенов М.П., Шмыгун П.Е. Кистенево – новый мезолитический памятник верхней Ленн 139

Ветров В.М., Зубков В.С. Верхний комплекс Макарово I 146

Савельев Н.А., Горюнова О.И., Генералов А.Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес (предварительное сообщение) 160

Векслер В.С., Путанс Б.Д. Определение абсолютного возраста по C^{14} образцов многослойной стоянки Горелый Лес (УI и УП культурные слои) 200

Горюнова О.И. Оригинальное рельефное изображение на сосуде с поселения Горелый Лес 202

Дроздов Н.И., Дементьев Д.И. Археологические исследования на средней и нижней Ангаре . . 204

Дроздов Н.И. Кодинское погребение с антропоморфными фигурками из бивня мамонта 229

Туров М.Г. Некоторые сведения об эвенках Чунского района 237

Лежненко И.Л. K.Hayashi. The Fucui Microblade technology and its relationships in Northeast Asia and North America. 1968. 249

Воронцова Н.Г. D.Sanger. Mid-Latitud core and blade traditions. 1970. 258

Воронцова Н.Г., Медведев Г.И.
J.Aigner. The unifacial, core and blade site on Anangula Island, Aleutians. 1970. 266
Литература 271

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ. ВЫПУСК I

Редактор И.Р.Хенох

Корректоры Л.А.Беликова
Н.Н.Масловец

Подписано к печати 16/XII 1974 г. Формат 60x90 1/16
НЕ 09818 Объем 13 п.л.
Заказ № 199 Цена 60 коп. Тираж 700 экз.

Печатно-множительный цех
Иркутского государственного университета имени А.А.Жданова